

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

О. В. Петешова

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Монография

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2025

УДК 811.161.1'373.21+94(470.26)«1945/195»
ББК 81.2Рус-3+63.3(2Рос-4Каг)63
П293

Рецензенты

А. С. Щербак, д-р филол. наук, проф.,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина;
С. А. Попов, канд. филол. наук, доц.,
Воронежский государственный университет

Петешова, О. В.

П293 Переименование географических объектов в Калининградской области: лингвистический аспект : монография / О. В. Петешова. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — 160 с.
ISBN 978-5-9971-0938-7

Рассматриваются условия реализации и лингвистические особенности массовых реноминаций населенных пунктов, природных объектов и улиц, осуществленных в 40—50-е годы XX века на бывших территориях Северо-Восточной Пруссии после образования на них Калининградской области.

Предназначено для специалистов в области языкознания и краеведения, а также может быть полезным для студентов лингвистических и исторических направлений подготовки.

УДК 811.161.1'373.21+94(470.26)«1945/195»
ББК 81.2Рус-3+63.3(2Рос-4Каг)63

ISBN 978-5-9971-0938-7

© Петешова О. В., 2025
© БФУ им. И. Канта, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Переименование в топонимической сфере	8
1.1. Переименование как лингвистическая проблема.....	8
1.2. Переименование географических объектов в историческом контексте.....	16
1.3. Экстралингвистические условия калининградских переименований	23
Глава 2. Переименование населенных пунктов Калининградской области	35
2.1. Способы согласования исходных и новых ойконимов при переименовании	35
2.2. Семантическая характеристика новой региональной ойконимии	50
2.3. Роль экстралингвистических факторов при отборе новых ойконимов.....	65
Глава 3. Переименование природных объектов Калининградской области	75
3.1. Способы согласования названий природных объектов при переименовании	75
3.2. Семантическая характеристика названий региональных природных объектов	84
3.3. Особенности переименования отдельных классов природных объектов	92
3.4. Сравнительный анализ кампаний по переименованию региональных населенных пунктов и природных объектов.....	105
Глава 4. Переименование улиц в населенных пунктах Калининградской области	111
4.1. Способы согласования исходных и новых урбанонимов при переименовании	111

4.2. Семантическая характеристика новой региональной урбанизации	122
4.3. Сравнительный анализ кампаний по переименованию региональных населенных пунктов и улиц	134
Заключение	146
Список литературы	149
Список источников	158

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, при всем своем разнообразии топонимы, относящиеся к любой территории, образуют целостную топонимическую систему, представляющую собой организованный набор основ и формантов, а также способов их соединения друг с другом (Глазачева, Кувардина, 2013: 61). Подобные топонимические системы, с одной стороны, тяготеют к стандартизации на уровне соответствующих национальных языков из-за сходства в процессах образования онимов в любых лингвокультурах, обладающих похожими традициями, верованиями и жизненным опытом (Сидорова, 2015: 159). С другой стороны, мировоззрение, особенности мышления и поведения людей, проживающих на определенных территориях, предопределяют специфику подходов к номинации географических объектов в конкретных регионах мира (Олейникова, 2007: 10). Топонимические системы формируются из словоупотребления местных жителей, проверяются и отрабатываются на местах.

При рассмотрении тех же топонимических систем под другим углом зрения — темпоральным — выясняется, что каждая из них отражает ту картину мира, которая сложилась у народа — ее носителя — в конкретную эпоху (Фаткуллина, 2015: 1174), то есть, как и многие другие языковые явления, топонимы отличаются относительной устойчивостью, среди причин которой выделяются, например, закрепление названий в документах, длительность существования и общественная значимость самих географических объектов, получающих названия, а также ассоциативные связи номинаций с конкретными историческими событиями (Аюбов, 2014: 167).

Вместе с тем топонимические системы постоянно преобразуются под влиянием социального заказа своих носителей и

всего мирового сообщества (Муратова, 2015: 253). По причине неравномерного развития таких систем периоды постепенных, эволюционных изменений чередуются со скачкообразными, революционными (Картавенко, 2012: 6). К числу трансформаций географических названий ономатологи относят сокращения, аббревиацию, склеивание, фонетические преобразования, морфологические трансформации, переосмысление, калькирование и официальные переименования (Жучкевич, 1968: 77—83).

Цель настоящего исследования — изучение официальных переименований всех элементов топонимической системы Калининградской области с лингвистических позиций. Не упуская из виду экстралингвистические факторы осуществления этих переименований в той мере, в которой это становится возможным с учетом неполноты имеющихся архивных источников, мы полностью отказываемся в данной работе от структурного анализа региональных топонимов, поскольку исследование построено на сопоставлении двух топонимических систем — исходной, преимущественно немецкоязычной, и новой, русскоязычной, появившейся после проведения кампаний по переименованию. При этом общепризнанным является тот факт, что в немецком и русском языках исторически сложились различные словообразовательные системы. Так, по утверждению Б. Дресслера, при образовании новых номинативных единиц для немецкого языка более характерно использование словосложения, а для русского языка — аффиксации (Дресслер, 2009: 100).

Таким образом, в центре нашего внимания оказывается семантический аспект переименований в Калининградской области. Две задействованные топонимические системы сравниваются, исходя из степени их фонетического и семантического соответствия друг другу, а также набора и качественного наполнения лексико-семантических групп топонимов, причем специфика материала диктует особенно тщательное рассмотрение идеологически нагруженных топонимических единиц, в

частности, мемориальных и отойконимных номинаций. В связи со сплошным характером региональных переименований при проведении настоящего исследования отдельно изучались официальные изменения названий населенных пунктов, природных объектов и улиц в городах и поселках области, после чего особенности каждой из трех кампаний по переименованию сопоставлялись между собой для выявления тенденций в номинативной деятельности инициаторов калининградских переименований.

Глава 1

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

1.1. Переименование как лингвистическая проблема

Традиционно под переименованием в лингвистике понимают процесс замены одного имени географического объекта на другое (новое или исконное) (Крюков, 2011: 135), причем, как подчеркивает Р. В. Разумов, данная разновидность замены, именуемая также реноминацией или ренеймингом, становится возможной только по итогам принятия специального нормативного акта органом исполнительной или законодательной власти (Разумов, 2020: 197).

Следует отметить, что, по мнению некоторых лингвистов, переименованиям могут подвергаться не только имена собственные, но и имена нарицательные, когда вместо одного слова в языковой системе для обозначения уже существующих в действительности предметов или явлений возникает другое, сохраняющее тождественное ему значение (Козлова, 2017: 19) или несущее незначительные дополнительные коннотации, например, выражающие модность или престижность явления (Шемчук, 2005: 17). Вместе с тем в настоящий момент широкое распространение получила концепция, согласно которой особую активность в плане переименований обнаруживают антропонимы, аргонимы, урбанонимы и ойконимы (Гусарова, 2005: 21), в то время как названия физико-географических объектов отличаются относительной стабильностью в интересующем нас плане (Шишкина, 2010: 139). Наконец, в исследованиях последних лет рассматриваются переименования государств, однако это делается без количественного сопоставления с прочими типами топонимических переименований (Герновая, 2020).

Большинство причин переименований в топонимической сфере имеют экстралингвистическую природу. В частности, в работе М. Лангенфельда упоминается следующий комплекс подобных причин:

1. Изменение признаков географического объекта (например, вырубка леса или строительство на улице крупного архитектурного сооружения). Как отмечает А. М. Мезенко, эта причина переименований преобладала в мировой практике вплоть до XVIII века (Мезенко, 2018: 132).

2. Изменение языкового состава местного населения вследствие миграции, завоеваний или природных катастроф.

3. Необходимость замены исходных имен на более престижные в связи со значимыми изменениями в политической или религиозной системе государства (Лангенфельд, 2011: 160). Чаще всего при этом предполагается либо увековечивание людей, проявивших себя относительно недавно, и значимых событий, произошедших в государстве в последние годы, либо, наоборот, вычеркивание из памяти народа личностей, вызывающих ассоциации с политической системой прошлого (Кузьменко, 2014: 64—67).

Переименования, осуществленные по второй и третьей причинам из этого списка, в статье В. Н. Калуцкова именуется концептуальными. Подчеркивается, что они могут проводиться на страновом, региональном или локальном уровнях. В первом случае переименования являются массовыми, охватывают территорию всей страны и формируют новое геокультурное пространство. Во втором и третьем случаях переименования характерны, как правило, для спорных и потенциально спорных с точки зрения государственной принадлежности территорий и служат их культурному «закреплению» в новых границах (Калуцков, 2021: 102). В этом контексте социологи пишут о переименовании как значимом инструменте социального конструирования коллективной памяти, которое направлено на легитимацию актуальных концепций прошлого в затронутом регионе (Терентьев, 2014: 82). Исследователи используют

емкие метафоры: топонимическая чистка пространства (Калуцков, 2021: 101), топонимические войны (Ворошилин, 2011) или топонимические катастрофы (Шульгина, 2016: 79).

Помимо внеязыковых причин переименований географических объектов, Д. Ю. Ильин называет ряд мотивов внутриязыкового характера, например, желание инициаторов реноминации уйти от диалектных черт в топонимике региона или предпочтение ими некой словообразовательной модели, более типичной для местных названий (Ильин, 2011: 66). П. А. Крюков вносит в этот список мотив ухода от неприемлемых стилистических особенностей существующего наименования (Крюков, 2011: 135). В работе И. А. Мартыненко содержится указание на возможность фонетического неудобства топонимов, подлежащих замене при переименовании (Мартыненко, 2019: 269). Наконец, Р. В. Разумов упоминает о необходимости реноминации для устранения одноименности различных географических объектов, поскольку любая онимическая система успешно функционирует лишь в случае отсутствия в ней совпадающих или похожих по звучанию названий (Разумов, 2020: 129).

Поскольку собственно языковые причины переименования действуют значительно реже, чем экстралингвистические, то и среди исследований процесса реноминации доминируют научные труды по истории и политологии, в которых проводится периодизация переименований в мире, рассматриваются конкретные кампании по реноминации географических объектов и формулируются рекомендации по их ономастически приемлемой реализации на практике.

Исследователи отмечают, что если естественные трансформации на ранних этапах становления топонимической системы не подчинялись директивам на политическом уровне, то в настоящее время топонимические процессы, напротив, строго регулируются законодательством. Так, в нашей стране порядок переименования населенных пунктов, водоемов, лесов и т. д. определяется Федеральным законом № 152-ФЗ от 18 декабря 1997 года «О наименованиях географических объектов».

Согласно статье 9 этого закона, предложения о переименованиях могут вноситься в органы законодательной власти органами государственной власти Российской Федерации или ее субъектов, органами местного самоуправления, общественными объединениями, юридическими лицами и гражданами Российской Федерации, и только в случае одобрения направляются на экспертизу в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (Попов, 2019: 492—493). На законодательном уровне четко предусматривается возможность замены одного из названий населенных пунктов, имеющих идентичное звучание, поскольку любые совпадения такого рода затрудняют осуществление хозяйственной и иной деятельности (Сидорова, 2022: 459), а также прописывается запрет на пожизненное присвоение географическим объектам имен государственных и общественных деятелей (Мезенцев, 2020: 123).

Кроме политической составляющей, теория переименований может иметь экономический уклон, обусловленный потребностью в финансовом обеспечении деятельности инициаторов реноминаций и внедрения новых топонимов (Матвеев, 2009: 101). Более того, первые исследования экономики переименований показали, что интенсивность реноминаций связана с экономическим потенциалом территории. Например, в советский период основная масса переименований затронула преимущественно регионы с высоким уровнем экономического и культурного развития и значительной концентрацией населения, как Центральный, Поволжский, Уральский и Северо-Западный (Шульгина, 2016: 89—90).

Наконец, третьим и самым важным для нас направлением научного изучения переименований является собственно лингвистическое направление (Матвеев, 2009: 100), ориентированное на анализ особенностей вхождения новых названий в существующую топонимическую систему с соблюдением норм используемого национального языка. Так, по утверждению Ю. М. Шемчук, полное и быстрое вытеснение исконной топонимии происходит крайне редко. Обычно сначала два топо-

нима равноправно сосуществуют в языке, конкурируя между собой (Шемчук, 2010: 83), и в наибольшей степени подобная «дублетная многоименность» присуща номинациям мелких географических объектов — микротопонимам (Беляев, 2013: 56).

Но даже при окончательном закреплении нового названия оно приобретает некую палимпсестную природу, сохраняя остаточную историческую память о тех событиях, которые ассоциируются в соответствующей лингвокультуре с исходным топонимом (Павлов, 2021: 184). Пока живы поколения, пользовавшиеся прежними номинациями переименованных объектов, имеет место полионимия, и лишь позднее замененные названия уходят в пассив системы, становясь историзмами (Климкова, 2018: 113).

Изучение лексикализации переименований при всей их лингвистической ориентации оказывается невозможным без учета экстралингвистических факторов. В частности, отдельным направлением исследования реноминации является анализ репрезентации переименования географических объектов в средствах массовой информации, благодаря которым новые топонимы входят в активный речевой обиход массовой аудитории. В этой сфере констатируется, что репрезентация такого рода в медиадискурсе — элемент лингвистической безопасности и своеобразное гуманитарное оружие в информационных войнах (Сорокин, Слышкин, Малыгина, 2023: 223).

Кроме того, отдельные ученые обращают внимание на фазу зрелости введенных при переименовании топонимов. Одни из важнейших индикаторов вступления топонима в эту фазу — продукты культурно-языкового общественного творчества, связанного с обыгрыванием нового названия жителями региона, в частности, изобретение ими кратких топонимических форм, анекдотов, граффити или рекламы с использованием новых топонимов (Калуцков, 2023: 75).

Номинации, вводимые в обиход при переименовании, принято называть искусственными. В этих случаях субъективность номинатора достигает максимального уровня, а его но-

минативные интенции определяются личными ассоциациями и собственными языковыми предпочтениями (Сычалина, 2021: 2594). Следовательно, при формировании топонимии каждого поселения проявляется специфический топонимический стиль номинатора, и за любой территориально ограниченной топонимической системой можно обнаружить деятельность коллективной языковой личности (Мезенко, 2023: 8).

По причине искусственного характера топонимических номинаций этап речевой обкатки при переименовании заведомо совмещается или максимально приближается к акту номинации, и собственно номинативная активность соединяется с императивной узуализацией, закрепляющей название за объектом наречения и производимой не только через уже упомянутые средства массовой информации, но и путем письменной фиксации в документах, обычно связанных с деловой сферой общения (Голомидова, 1998: 45).

Также в лингвистических исследованиях подчеркивается, что, если первоименование, или первичная номинация, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект, то переименование как вторичная номинация исходит из данных той топонимической системы, в которой географическому названию предстоит функционировать (Матвеев, 2009: 100). Считается, что инициаторы переименования склонны пользоваться готовыми звуковыми комплексами, практически не создавая новых (Щербак, 2004: 14).

Некоторые лингвисты уделяют определенное внимание способам согласования между исходными и новыми топонимами при переименовании. Так, в работе С. А. Никитина предлагается рассматривать два типа преемственности, возможной при введении новых географических названий в пределах одного национального языка: морфологическую, которая предполагает повторяемость словообразовательных элементов, и лексико-семантическую, при которой исходное название меняется лишь частично за счет замены одного из компонентов номинации, его добавления или опущения (Никитин, 2003: 14).

Еще одно современное языковедческое исследование при характеристике согласований заменяемых топонимов выходит за пределы отдельного национального языка и изучает фонетические, семантические, грамматические и словообразовательные трансформации, возможные при любом включении иноязычного топонима в систему языка-преемника. Очевидно, что упомянутые в соответствующей статье транслитерация, приспособление к новым нормам произношения, добавление или опущение словообразовательных элементов и определений-прилагательных, перевод и переосмысление на основе ошибочного понимания исходной единицы по ее звуковому сходству могут иметь место в том числе при сознательных переименованиях географических объектов, вызванных сменой языкового состава местного населения (Кириллова, Семенова, 2018).

Отметим, что способы учета формы или семантики исходного топонима при реноминации изучаются не только лингвистами, но и историками. В частности, в статье М. Лангенфельда (Лангенфельд, 2011: 161) на материале послевоенных переименований в Калининградской области освещается сущность аллюзии, в целом совпадающей с описанным выше переосмыслением; ассоциативного называния как передачи значения исходного топонима путем его углубленного смыслового толкования, которое можно приравнять к смысловому развитию в терминологии Е. В. Сычалиной (Сычалина, 2021: 2594), и заимствования первоименования, которое, как подчеркивает в сходном контексте Ю. В. Исламова, чаще всего сопровождается словообразовательной адаптацией, то есть перестройкой заимствованного топонима с его последующим включением в словообразовательные ряды принимающей языковой системы (Исламова, 2009: 19).

Похожие тенденции, обеспечивающие историческую преемственность двух задействованных топонимических систем, обнаружены и кратко охарактеризованы лингвистами на материале реноминаций, осуществленных в различных регионах России, например в Калмыкии (Кичикова, 2011: 19) или Верхнем Прилузье (Мусанов, 1999: 20—21).

В современной ономастике сложилось преимущественно негативное отношение к переименованиям. Как правило, специалисты оценивают их как препятствие для развития местной топонимической системы, особенно, если причиной становятся экстралингвистические факторы (Картавенко, 2012: 9). Подчеркивается, что новое наименование изначально склонно вызывать у носителей языка то или иное отторжение, нередко порождая иронические варианты в разговорной речи (Осипов, 1999: 66). Однако в ситуациях, когда изменение топонима способствует выполнению им дифференцирующей и идентифицирующей функции, например, если он характеризуется тезоименностью, то есть абсолютным формальным совпадением с другим топонимом (Климкова, 2017: 32), или неблагозвучием, реноминации квалифицируются как допустимое и даже желательное решение проблемы (Жевлов, 1984).

Поэтому утверждается, что если переименований нельзя избежать, то необходимо проводить их с учетом культурных и языковых особенностей конкретной территории (Васильева, 2017: 110), обязательно сохраняя, в частности, географические названия, содержащие этнонимы, фитонимы и зоонимы как свидетельства былого расселения этносов, растений и животных. В этом контексте на уровне ЮНЕСКО еще с 1972 года действует Конвенция, направленная на охрану тех топонимов, которые были широко известны в прошлом и существуют в настоящее время как составная часть культурного наследия планеты (Тесленок и др., 2017: 14). Помимо этого, специалисты настаивают на необходимости противодействия массовым переименованиям географических объектов (Ханмагомедов и др., 2011: 91).

Что касается оценки реноминаций со стороны россиян, не принадлежащих к научному сообществу, то, по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения от 2009 года, 41% жителей страны допускает переименование населенных пунктов и улиц в них, аргументируя свою точку зрения главным образом важностью возвращения историче-

ских названий и потребностью в увековечивании памяти выдающихся людей и событий. Вместе с тем каждый третий россиянин считает изменение топонимов неприемлемым, выделяя в качестве основных причин этой позиции большие временные и денежные затраты, а также искажение истории при реноминации (Маркелова, 2009; Романович, 2018).

Подобные результаты позволили исследователям сделать вывод о явном преобладании у современных топонимов чисто номинативной функции: для жителей региона зачастую важнее сам знак, чем его мотивация, вызывающая чисто поверхностный интерес, а потому у них появляется естественное желание сохранить привычный топонимический ландшафт (Качалкова, Рут, 2019: 183).

1.2. Переименование географических объектов в историческом контексте

Переименования населенных пунктов, природных объектов и улиц осуществлялись и в российской, и в европейской практике на всех этапах функционирования соответствующих топонимических систем. Однако до XVIII века включительно основными причинами переименований были разрушение географических объектов, например на войне, смена владельца земли, по территории которого проложена улица, а также строительство на улице значимого архитектурного объекта или учреждения, причем реноминации происходили зачастую только в результате множественных народных употреблений, без закрепления в документах. В волевые акты, вводимые различными указами, они стали превращаться только с конца XIX века (Мезенко, 2018: 132). В это время отечественная топонимическая система подвергается весьма существенным трансформациям.

В современных гуманитарных исследованиях преобладают работы по анализу переименований географических объектов, осуществленных в советский и постсоветский периоды разви-

тии российского общества. В них главными интенсификаторами активных реноминаций называются Первая мировая война, Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война и распад СССР (Шульгина, 2016: 84).

В начале Первой мировой войны на государственном уровне нашли поддержку массовые антигерманские настроения в российском обществе. По этой причине в 1914 году были переименованы населенные пункты, названия которых были построены по немецкому образцу, в частности, город Санкт-Петербург стал Петроградом, а Екатериненштадт в Поволжье получил название Екатериноград. Авторы отдельных работ не считают переименования этого времени обширными, а потому не выделяют его в качестве самостоятельного этапа российских реноминаций XX века (см., например, работу (Климкова, 2017: 127)). Отметим также, что замены топонимов немецкого происхождения в годы Первой мировой войны не являются специфическим для нашей страны феноменом. Примером сходных тенденций служат переименования в Австралии (Шукунда, 2015).

После Октябрьской социалистической революции 1917 года в стране началась коренная ломка экономических и социальных отношений, что отразилось, с одной стороны, в избавлении от теотопонимов и топонимов, увековечивающих членов царской семьи: *Царское Село* → *Детское Село*, *Императорская Гавань* → *Советская Гавань*, и, с другой стороны, в появлении посвящений новым вождям и символам нового строя: *Петроград* → *Ленинград*, *Царицын* → *Сталинград*, *Тверь* → *Калинин* (Котельникова, 2014: 583). Центральные улицы множества городов были переименованы только для того, чтобы вынести на их карты имена выдающихся советских политиков. Некоторые номинации многократно повторялись. Так возникли несколько городов с названиями *Кировск*, *Красноармейск*, *Советск*, *Первомайск*, *Ленинск*, *Свердловск*, *Куйбышев* и т. п. Те топонимы, которые появились на данном этапе, С. А. Попов предлагает называть советонимами (Попов, 2021: 59).

Третья тенденция, которая имела место на характеризующем втором этапе переименований, связана со стремлением к экспрессии и благозвучию, сопряженным с новым желанием населения жить красивой жизнью в поселках с красивыми названиями. Так, в ходе замены названий, имеющих пейоративный смысл, село *Поганка* Тамбовской области превратилось в *Малиновку* (Щербак, 2004: 16).

Сначала кампании по переименованию проводились на уровне местных органов власти и носили стихийный характер, и только к концу 30-х годов они были окончательно подчинены воле общесоюзных властей.

Следующей вехой в переименованиях географических объектов стала Великая Отечественная война. Соответствующий этап советских реноминаций объединил тенденции всех предыдущих этапов. Начало было положено в 1941 году при замене на русские топонимы немецких названий населенных пунктов в бывшей Республике немцев Поволжья, откуда было депортировано немецкое население. При лингвистическом исследовании соответствующих переименований были обнаружены следы немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья. В ряде случаев он подвергся семантической адаптации и был включен в русскую топонимическую систему (Сычалина, 2021: 2594). С 1944 года началась сплошная реноминация географических объектов в Крыму, связанные с выселением крымских татар, армян и греков с этих земель.

Сразу после войны состоялись массовые переименования иноязычных названий на присоединенных к СССР территориях, связанные с актуализированной потребностью в символическом подкреплении консолидации общества (Русия, 2022: 88): в Калининградской области (бывшей Северо-Восточной Пруссии), на Карельском перешейке (бывшей части Финской Карелии), на юге Сахалина, который ранее находился под управлением Японии (Шульгина, 2016: 86).

Инициаторы послевоенных переименований применяли различные стратегии, небезынтересные при изучении с лингвистических позиций.

Например, рассматриваемую нами кампанию по переименованию населенных пунктов Калининградской области нередко сравнивают с массовыми реноминациями поселений в Вармии и Мазурах, с одной стороны, и в Клайпеде, с другой стороны, поскольку они также проводились после Второй мировой войны на бывших немецких территориях, вошедших в состав Польши и Литвы соответственно. Однако здесь к моменту реализации кампании по переименованию географических объектов сложилась совершенно иная ситуация, так как ранее эти земли довольно долгое время населяли носители польского и литовского языков, сформировавшие для большинства местных населенных пунктов собственные географические названия, которые в дальнейшем существовали параллельно с немецкими топонимами. При проведении кампании по переименованию польским и литовским властям оставалось лишь взять курс на «реполонизацию» и «релитуанизацию» регионов с сохранением смысла, который несли исходные ойконимы. В отдельных случаях восточнопруссские названия населенных пунктов просто подвергались фонетической трансформации, что объяснялось ненемецкими корнями заменяемых названий (Костяшов, 2016: 17).

Если в каких-либо топонимах в Вармии и Мазурах, подлежащих замене, закреплялись личные имена выдающихся деятелей немецкой культуры, например, ученых или военачальников, то на их место также вводились топонимы-посвящения, но уже знаменитым личностям польского происхождения (Ружицкий, 2021: 118).

Похожим путем пошли инициаторы переименований на юге Сахалина, где в основу новой топонимии были положены те географические названия, которыми пользовались коренные жители региона до введения здесь в начале XX века японских номинаций (Ворошилин, 2012: 158). Если же в качестве вто-

ричных номинаций выступали принципиально новые топонимы, то, как правило, они отражали особенности хозяйства или природы этого края (Жучкевич, 1968: 185).

Последним примером массовых послевоенных переименований географических объектов, на котором целесообразно остановиться в контексте настоящего исследования, является достаточно обстоятельно изученный в языковом плане пример из европейской практики реноминаций: переименования в Чехословакии после выселения немцев из Богемии и Моравии. Здесь при участии Министерства внутренних дел в сотрудничестве с различными компетентными органами, включая специалистов-лингвистов, был реализован компромисс между необходимостью демонстрации новых отношений между двумя народами и потребностью в уважении многовековых языковых и культурных контактов чехов и немцев. По итогам проведенной «чехизации» почти 67% новых названий оказались основанными на исходных топонимах, зачастую представляя собой кальки с немецкого. При выборе новых топонимов без учета формы или семантики исходной единицы во внимание принимались свойства переименовываемого географического объекта (Lehmann, 1999), что было типично и для советских реноминаций на Сахалине.

В целом временной отрезок с 1927 по 1957 год оценивается специалистами как своеобразный «этап культовой топонимики», для которого было характерно наиболее масштабное и крайне быстрое изменение географических названий под влиянием не менее быстрых политических изменений в советском обществе (Демьянов, 2019: 221). Переименования осуществлялись преимущественно на идеологической платформе, которую формировала советско-партийная номенклатура, связанная со средствами производства, находящимися в общественной собственности, и классовым подходом к оценке фактов (Мозговой, 2021: 54).

Культовая топонимика отличается своим нигилизмом по отношению к любому переименованию и готова трансформир-

роваться при малейших изменениях политических условий. В частности, в некоторых случаях города и улицы переименовывались повторно, если первоначально городу присваивалось имя деятеля, который потом оказывался осужденным. Так, *Гатчина* недолго называлась *Троцк*, а *город Пермь* носил имя Молотова. После смерти крупного советского деятеля сразу поднимался вопрос о том, какой город должен быть избран на увековечивание его имени, и на картах на непродолжительное время находились города *Андропов*, *Черненко* и *Брежнев* (Ворошилин, 2012).

В постсоветский период переименования географических объектов на всем бывшем советском пространстве реализуются в русле следующих основных тенденций, обусловленных сменой идеологических констант в мире на рубеже XX—XXI веков:

— десоветизации, связанной с распадом СССР и стремлением его бывших республик избавиться от наследия советского прошлого;

— дерусификации как противостояния доминированию русского языка в национальных лингвокультурах;

— глобализации, сопряженной с процессами всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации (Гридина, Коновалова, 2019: 35);

— зачастую регионализации через закрепление региональной исторической памяти (Алексушин, 2020: 14).

В разных постсоветских республиках кампании по переименованию отличаются в качественном и количественном отношении. Так, в России соответствующие процессы, ориентированные преимущественно на декоммунизацию, протекают медленно и неровно, на Украине полная дерусификация и декоммунизация действуют быстро и повсеместно, а в Казахстане, при всем качественном сходстве с украинскими переименованиями, реноминации осуществляются в умеренном темпе (Питина, 2018: 79).

При этом инициаторы переименования в последние десятилетия довольно часто мотивируют свои шаги как контрноминацию (Шарифуллин, 2000: 173), то есть как возвращение исторических названий, считая историческим любой предшествующий топоним, который оценивается новым государством как идеологически приемлемый конкретно для него. Одним из ярких примеров условности термина «историческое название» является случай переименований *Сухум / Сухуми*. В 1936 году абхазский топоним *Сухум* был заменен на грузинское «историческое название» *Сухуми* после включения города в состав Грузинской ССР, а в постсоветской Абхазии было восстановлено абхазское «историческое название» (Калуцков, 2021: 104). В рамках данной тенденции вернули прежние обозначения такие ранее переименованные областные центры нашей страны, как *Санкт-Петербург*, *Самара* и *Екатеринбург*.

В связи с проиллюстрированной проблематичностью «возвращения» исторических топонимов предлагается предвосхищать соответствующие реноминации экспертными исследованиями, призванными оценить культурно-историческую ценность возвращаемых названий, их значимость в плане создания имиджа объекта, семантическую уместность в контексте восприятия целостного городского пространства и соблюдение процедурных регламентов присвоения имен (Голомидова, 2019: 157).

В уже упомянутой нами работе О.В. Шульгиной (2016) имеются весьма показательные количественные данные по интенсивности переименований населенных пунктов в разные годы XX века. В частности, на начало столетия приходится лишь 1% всех реноминаций выборки, на 1917—1945 годы — 58%, на 1945—1991 годы — 39%, и на последнее десятилетие XX века — 2% реализованных реноминаций. Таким образом, кампания по реноминации географических объектов Калининградской области 1946—1950 годов была проведена на этапе крайне интенсивных советских переименований.

1.3. Экстралингвистические условия калининградских переименований

Итак, переименования на территориях бывшей Северо-Восточной Пруссии общей площадью около 15,1 тысяч квадратных километров, которые по итогам Второй мировой войны решением Потсдамской конференции отошли Советскому Союзу в качестве вновь образованной Калининградской области (Левченков, 2006: 81), являются одной из самых известных массовых кампаний по реноминации географических объектов, осуществленных в XX веке. До этого момента указанные земли прошли в своей геополитической и этнической истории еще два условных этапа: прусский языческий и немецкий, последовавший после завоевания прусских земель Тевтонским орденом (Федоров, 2009: 39).

С первого исторического этапа на картах Северо-Восточной Пруссии сохранились географические названия прусского происхождения. Еще один пласт топонимов — литовские названия, родственные прусским, — зарождается здесь с XVI века, когда в ранее незаселенных районах восточнее Инстербурга стали жить литовские крестьяне. Позднее, уже к XVIII веку, когда на опустевшие после чумы земли стали заселяться средне- и нижненемецкие крестьяне, изначально балтийские номинации получают немецкое звучание (Namenforschung, 2008: 984). К этому периоду на обозначенных территориях начинают появляться и немецкоязычные топонимы. Поэтому к XX веку местная топонимическая система включала в себя и древнебалтийские, и немецкие географические названия.

Несмотря на утверждения ряда немецких исследователей, в частности, В. Фробарта о калининградских переименованиях как о «пожалуй, самом очевидном преобразовании по типу советизации в Центральной Европе» (Frobarth, 2001: 11), сегодня считается, что в регионе имела место полная русификация в трех сферах его жизнедеятельности: территории были вклю-

чены в состав РСФСР и заселены приглашенными жителями других областей республики, а все местные названия географических объектов были массово заменены на новые, русскоязычные (Langenfeld, 2010: 2). Теперь эту точку зрения поддерживают даже представители немецкоязычной науки, например, П. Бродерзен, подчеркивающий неизменность изначально взятого курса на русификацию региональных топонимов (Бродерзен, 2005: 207).

В итоге целью массовых реноминаций стало, с одной стороны, изгнание прусского духа через вычеркивание из сознания нового населения Калининградской области топонимических напоминаний о прошлом региона и, с другой стороны, внушение переселенцам идеи о том, что соответствующие земли навсегда перешли к России (Маслов, 2014: 103) и окончательно интегрировались в единое пространство нового государства. Одним из признаков этой тенденции, по мнению А. В. Суперанской, является повторение на бывших восточно-пруссских территориях многочисленных географических названий, перенесенных из других регионов РСФСР (Суперанская, 1985: 153). В качестве другого проявления можно рассматривать тенденцию к внедрению новых номинаций не на основе анализа местных географических и культурных особенностей, а по степени их соответствия советским идеологическим установкам (Демьянов, Рыженко, 2017: 158).

В духе теории, анализирующей номинацию населенных пунктов как результат геоконцептуализации, можно говорить о намеренном конструировании новой картины мира жителей Калининградской области посредством переименования осмысленных участков окружающего их пространства (Митин, 2021: 78), а также о том, что топонимы являются здесь «способом публичной манифестации идентичности» (Галактионова, 2016: 152).

Вместе с тем советские переименования местных географических объектов хронологически не были первыми реноминациями, осуществленными в данном регионе. Руководством

нацистской Германии 16 июля 1938 года было принято решение о замене всех ненемецких по своему происхождению топонимов в стране на новые номинации со строго германскими корнями, что декларировалось как продуманная пуристическая кампания по германизации нацистского государства. В наибольшей степени данная кампания затронула восточнопруссские земли. Несмотря на итоговую непоследовательность нацистских пуристов, проявившуюся в переименовании не только балтийских, но и чисто немецких топонимов, а также в частотных немотивированных отказах от реноминации конкретных балтицизмов, в сфере наименований природных объектов переименования 1938 года затронули приблизительно 76% исследованных нами топонимов.

Однако советское руководство решило игнорировать отраженный на картах 1938 года факт нацистских реноминаций в Восточной Пруссии и отбирать исходные топонимы на основании картографического материала, опубликованного до прихода к власти национал-социалистов [КП]. Таким образом, в качестве исходных топонимов для интересующей нас кампании по переименованиям привлекались как немецкоязычные единицы, так и балтицизмы.

Как утверждают калининградские историки, данная кампания по переименованию географических объектов носила ярко выраженный стихийный характер (Костяшов, 2016: 23). Реноминация населенных пунктов бывшей Северо-Восточной Пруссии была полностью проведена за 1946—1950 годы, причем не в виде разового масштабного акта, а по итогам принятия в разные годы серии из шести указов Президиума Верховного Совета СССР:

- 1) 4 июля 1946 года, когда столица региона Кёнигсберг была переименована в Калининград;
- 2) 27 ноября 1946 года, когда город Пиллау стал называться Балтийск;
- 3) 7 апреля 1946 года, когда были осуществлены реноминации 14 новых районных центров;

4) 17 июня 1947 года, когда были переименованы преимущественно центры сельских советов новой области РСФСР (122 населенных пункта);

5) 17 ноября 1947 года, когда переименованию подверглись обычные населенные пункты региона (1192 случая);

6) 5 июля 1950 года, когда переименование обычных населенных пунктов (их оставалось 1167) было завершено [УПВС].

В первых трех случаях решения по выбору новых географических названий принимались на уровне Совета министров СССР, который формально запрашивал предложения Кёнигсбергского областного управления по гражданским делам, но в итоге рассматривал их весьма критически (Маслов, 2014 Переименование). В остальных случаях инициатива полностью исходила от специальных комиссий, создаваемых районными властями из представителей местных органов власти, учреждений коммунального хозяйства, творческой интеллигенции и трудовых коллективов. Они должны были предложить новые названия, максимально понятным новоселам (Маслов, 2019).

Если отбор населенных пунктов, включенных в первые четыре указа из приведенного выше списка, однозначно продиктован новой административной ролью затронутых поселений, то распределение названий поселков и деревень между двумя последними указами, содержащими абсолютное большинство региональных ойконимов, не поддается, на наш взгляд, совершенно никакой логике. В обоих документах перечислены населенные пункты практически всех 17 существовавших на тот момент районов Калининградской области (в указе №5 отсутствуют только номинации из Правдинского района), причем нельзя утверждать, что количество ойконимов из каждого района в двух документах представлено в равных пропорциях. Напротив, применительно к некоторым районам в последний период переименований оно серьезно возрастает (например, от 27 до 123 в Советском районе), а в других районах заметно падает (в частности, от 103 до 12 в Багратионовском районе).

Руководство региона и страны при осуществлении реноминаций обошлось без обращений за консультациями к академическому сообществу СССР. Единственным исключением можно считать литовского профессора П. И. Пакарклиса, который выступал за сохранение балтицизмов в топонимии региона через их приспособление к нормам русского языка (Маслов, 2016: 104). В итоге инициаторы кампании по переименованиям, не отрицая литовскую основу ряда топонимов, посчитали, что, поскольку большую часть населения Калининградской области составляют носители русского языка, то целесообразно при реноминации выбирать такие названия, которые имеют значение в русском языке (Маслов, 2018: 251).

Об экстралингвистических обстоятельствах переименования природных объектов Калининградской области, то есть местных рек, озер, каналов, канав, болот, лесов, урочищ, гор и т. п., современным историкам практически ничего неизвестно. В этом вопросе можно ориентироваться лишь на информацию о разовом переименовании 1382 природных объектов, представленную в единственном архивном источнике — Решении регионального облисполкома от 31 декабря 1947 года [РО]. Основную массу этого фонда составили гидронимы (625 случаев), половина из которых является потамонимами.

Все архивные источники, закрепляющие акты региональных реноминаций, изобилуют ошибками и неточностями, которые, как видно на примере переименований природных объектов, можно разделить на несколько групп.

1. Акты реноминации пяти природных объектов (например, рек *Kurmeszeris*, *Uszlenkis* и *Passarge*) ошибочно затрагивают водоемы, находящиеся на момент переименования не на калининградских территориях, а в Литве или в Польше.

2. В 152 случаях названия природных объектов (обычно рек или урочищ) не отмечены ни на картах Восточной Пруссии [КП], ни на картах Калининградской области [ККО], поэтому исходный графический облик соответствующих топонимов, которые фиксируются во всех архивных документах,

посвященных переименованиям, принципиально в кириллическом написании, в абсолютно случайном порядке и с грубыми транскрипционными ошибками. Они практически не подлежат восстановлению, а значит, нам пришлось отказаться от учета данных номинаций при количественных подсчетах. В 146 сходных случаях кропотливый анализ позволил реконструировать с опорой на картографические источники написание одной из двух единиц, задействованных в акте реноминации, а графический облик второго топонима пары в этих условиях можно было определить путем работы с различными дополнительными текстовыми материалами.

3. Лишь очень немногие ошибки и неточности легко исправляются при знании задействованных национальных языков без использования карт местности (например, *Герихстберг* вместо *Герихтсберг*, *Двительте* вместо *Двительде*). Для исправления остальных ошибок требуется опора на восточно-пруссские карты (в частности, *лес Лайтен* вместо *Leipen*, *холм Енас-хое* вместо *Ephas Höhe*, *озеро Склитори* вместо *Selitories Teich*). Верное написание отдельных топонимов типа *Мейцунберг* или *Вой-грабен* установить не удалось. Кроме транскрипционных ошибок, в архивном документе имеется серия опечаток, очевидно, допущенных его составителями по невнимательности (см. *лес Подгородный* в документе и *лес Пригородный* на карте, *река Осушкина* в документе и *река Осушинка* на карте).

4. В решении облисполкома неоднократно встречаются случаи дуближа актов переименования как с разными, так и с абсолютно одинаковыми вариантами транскрипции одного и того же исходного топонима. Здесь доминируют реноминации рек (10 случаев, например, написание нового названия одной реки как *Бибер* и как *Биебер*) и озер (2 случая, один из которых — переименование *Blinder Teich* в *пруд Слепой*).

5. Как выяснилось, нескольким исходным топонимам (чаще всего дримонимам) может соответствовать один новый (леса *Astrawischken* и *Gnier Kirchenwald* были переименованы

в лес *Большаковский*), а несколькими новым топонимам, наоборот, один исходный (при переименовании леса *Schnecken* разные его участки получили разные названия, в частности, *Гастелловский*, *Северный*, *Славский* и *Тыльженский*). Поскольку в нашей работе последовательно реализуется принцип парного рассмотрения каждого исходного топонима вместе с соотносимым с ним новым названием, то при составлении окончательного списка переименований мы вынуждены были повторять номинации, имеющие несколько соответствий по архивному документу, столько раз, сколько соответствий в этом документе упоминалось, и при каждом повторении ставить им в соответствие разные топонимы из короткого перечня задействованных в реноминации.

Перечисленные ошибки обусловили существенное сокращение объема языкового материала с 1382 до 1214 актов переименования природных объектов. Аналогичным образом итоговая выборка реноминаций региональных населенных пунктов, состоящая из 2497 позиций, была получена по результатам критической выверки архивных документов на предмет наличия в них дублетных и ошибочных записей. Уменьшение набора исследованных переименований в сфере ойконимии объясняется и общим послевоенным снижением количества поселений на рассматриваемых территориях почти в 5,5 раз по сравнению с 1939 годом в связи с прекращением существования тех деревень, которые с точки зрения новых властей располагались вдали от транспортных путей или характеризовались низкой степенью сохранности жилых и хозяйственных построек (Левченков, 2005: 10).

О недостаточности наличных архивных источников для проведения стопроцентно достоверных лингвистических исследований свидетельствует и то обстоятельство, что единственным документом, в котором содержатся мотивировки отобранных географических названий, являются так называемые «Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области» [Материалы о переименовании...]. Там пред-

ставлена информация о причинах отбора новых ойконимов в 7 районах советского региона, в котором в действительности насчитывается 16 районов. В итоге из 2497 осуществленных по указам актов переименования только 449 актов, или 18% выборки, снабжены пометами о причинах предпочтения конкретных русскоязычных названий. При этом не все сведения такого рода изначально содержались в «Материалах...»: многие из них позднее дописывались неизвестными людьми «от руки» поверх печатного текста.

Из этого относительно короткого перечня при анализе сразу приходится исключить 113 актов реноминации с мотивировками «по указу», «переименован произвольно» и «по желанию колхозников», которые явно не дают лингвистически релевантной информации. Таким образом, по факту ономатологи имеют дело с 336 мотивированными переименованиями (это 13,5% всех реноминаций, проходящих по советским указам).

Обоснования для выбора русскоязычных ойконимов практически всегда сформулированы максимально кратко и иногда настолько размыто, что исследователям становится сложно выявлять реальные причины переименования. В частности, 102 пометки в архивном документе представляются излишними, поскольку заключающаяся в них информация легко выводится носителями русского языка при самостоятельной интерпретации топонимических единиц. Например, для любого жителя России очевидно, что *поселок Октябрьский* назван «в память Октября», а *поселок Сосновка* — «по наличию соснового леса».

Во многих ситуациях мотивы выбора русскоязычных номинаций оказываются совершенно неожиданными для стороннего наблюдателя. В частности, *поселок Суворово* получил такое название не по фамилии выдающегося полководца, а из-за того, что в нем «квартировала суворовская часть». Причиной выбора названия *Круглое* стало «компактное размещение домов» в поселке. Но наиболее абсурдным при знакомстве с «Ма-

териалами о переименовании...» кажется обоснование внутренней формы ойконима *Чижовка*. Соответствующий поселок был переименован «по глухости и удаленности».

Следующим недостатком анализируемого архивного документа является присутствие в нем семи пояснений по поводу замены восточнопрусских названий на советские, не фигурирующие в Указе. В некоторых случаях (ойконим *Майский* вместо *Майское*) основы ложных названий совпадают с основами реально введенных русскоязычных номинаций, однако при поиске мотивировок для названий *Великополье* и *Богатово* читатели источника вынужденно знакомятся с трактовками ойконимов *Долгоруково* и *Анненское* (Петешова, 2023б).

В итоге многие европейские исследователи крайне негативно оценивают достижения инициаторов калининградских реноминаций, обвиняя их в манипуляции сознанием новых жителей рассматриваемых территорий и в стремлении продемонстрировать собственное право на владение новыми землями (Meckelein, 1955: 76; Horbatsch, 1984: 197). В отдельных работах подчеркивается, что именно это обстоятельство стало причиной произвольного отбора русскоязычных номинаций (Room, 2006: 2), при котором топонимы перестают выполнять свою традиционную «культуросохраняющую роль» (Venson, 1986: 100), и уничтожается не только немецкое, но и древнее общеевропейское культурное наследие (Палмайтис, 2003: 93).

Летас Палмайтис особенно активно выступил против замены местных балтицизмов на русские топонимы, которая даже в силу исторических обстоятельств, по его убеждению, не должна была реализоваться наравне с переименованием географических объектов, названия которых имели однозначно немецкое происхождение. Вместо нее, по мнению исследователя, следовало провести русификацию исходных древнепрусских и древнелитовских топонимов на основе либо грамматикализации окончаний, либо приспособления балтийской фонетики к славянской (Там же: 11). Тем не менее ученый не принял во внимание тот факт, что в действительности исто-

ричность топонимов в регионе закончилась вовсе не в 1945 году, а еще в ходе выше описанной нацистской кампании по переименованиям, состоявшейся в 1938 году (Brodersen, 2008: 60).

Об изучении региональных географических названий в лингвистическом или окололингвистическом ключе к настоящему времени можно в той или иной мере говорить лишь применительно к переименованиям топонимов Калининграда. Местным краеведом А. Б. Губиным составлены списки переименованных рек и водоемов столицы края (Губин, 2007); районов и поселков в черте города, новые названия которых мотивированы преимущественно географическими и территориальными признаками (Губин, 2004: 180); а также калининградских улиц. В последнем случае автор исследования пишет, что при явном желании избавиться от немецкого прошлого инициаторы переименований при их проведении иногда следуют принципу преемственности, осуществляя буквальный или ошибочный перевод отдельных немецких названий на русский язык или сохраняя в урбанонимах имена всемирно известных деятелей культуры (Губин, 2003: 146).

Для исследования калининградских реноминаций в сфере урбанонимии, проведенных в 40-е годы XX века, были отобраны 1000 пар географических названий, построенных по модели «исходный восточнопрусский урбаноним — новый советский урбаноним». Из них 503 локализованы на картах бывшего города Кёнигсберга [Материалы о переименовании улиц...], а остальные взяты либо из приказов соответствующих Управлений по гражданским делам отдельных районов Калининградской области [Приказ Управления... Советского района; Приказ Управления... Хайнрихсвальдского района], либо, если (как это имело место в большинстве случаев) в архивных документах информация такого рода отсутствовала, с планов конкретных населенных пунктов (как в ситуации с городами Гвардейском [Landkarten West- und Ostpreußen] и Поллесском [Stadtplan Labiau]), либо из списков переименований,

опубликованных в сети краеведами-любителями (как в случае с городами Балтийском [Улицы Балтийска (Пиллау)] и Черняховском [Улицы города Черняховска]). Необходимо сразу уточнить, что во всех изученных документах закреплены результаты первого послевоенного переименования городских объектов, а позднее многие из учтенных нами при анализе советских урбанонимов подвергались повторным заменам, иногда даже в ходе неоднократных последующих реноминаций улиц (Губин, 2003), однако мы во всех случаях принимаем во внимание только первые официальные акты переименований.

При рассмотрении данных 1000 реноминаций изначально нужно было выявить графический облик исходных названий, которые в официальных документах всегда оформлялись с использованием кириллицы, а затем установить лексико-семантические признаки, положенные в основу отобранных урбанонимов. Как правило, для этого достаточно было элементарных знаний немецкого языка, но при необходимости привлекались дополнительные источники по краткой истории довоенной Восточной Пруссии, в частности (Мюльпфорд, 2015; 2016).

В заключение нашего обзора экстралингвистических условий осуществления калининградской кампании по переименованию географических объектов отметим, что в настоящее время в активном употреблении у представителей преимущественно старшего поколения калининградцев находятся несколько немецких названий районов и пригородов Кёнигсберга типа *Понарта* и *Шпандина*, а у представителей молодежной среды, — топоним *Кёниг* как краткое название города Калининграда. Относительно новое явление в городе — избыток названий фирм и брендов, связанных с Восточной Пруссией (маркетинговая компания «*Кениг Консалт*», агентство по трудоустройству населения «*Кенигперсонал*» и т. п.). Все эти онимы связаны с интересом жителей к историко-культурному наследию своего города и с осознанием его самобытности, хотя

зачастую ведут к неумеренной идеализации прошлого в регионе (Фостова, 2015: 201), а по оценкам отдельных авторов — к расшатыванию целостного культурного образа и дестабилизации местного сообщества (Макаров, 2023: 122—123).

В целом же, по данным социологических опросов, сам факт переименования географических объектов Калининградской области в прошлом веке оценивается россиянами положительно (Зимовина, Проданцов, 2022: 18). Ее современная топонимическая система, в основном сложившаяся в 1946—1950-х годах в результате массовых реноминаций, структурирована по тем же законам, что и в среднестатистических областях европейской части Российской Федерации.

Глава 2

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1. Способы согласования исходных и новых ойконимов при переименовании

На первом этапе настоящего исследования было изучено языковое происхождение исходных ойконимов, верное определение которого является предпосылкой корректной семантической интерпретации этих наименований. В данной сфере ситуация выглядит довольно неоднозначно. Анализ ряда немецкоязычных источников по трактовке древнебалтийских ойконимов, в частности, трудов Г. Геруллица (Gerullis, 1922) и Г. Нессельмана (Nesselmann, 1873), а также работы Х. Фришбира по специфике диалектов Северо-Восточной Пруссии (Frischbier, 1883) и изучение семантики немецкоязычных единиц показали, что 580 восточнопруссских географических названий имеют этимологически неясные основы. Определение однозначно балтийского или немецкого происхождения отдельных составных частей для 287 номинаций подобного рода позволяет делать выводы о языковом происхождении ойконимов в целом, но не облегчает их семантическую интерпретацию.

К данной группе относятся 230 слов с балтийскими элементами, которые делятся на три основных вида.

1. Аффиксоиды, среди которых наиболее частотными в материале нашего исследования являются:

— -keim / -kehmen, произошедший от балтийского kaumis ‘деревня’ (например, *Karkeim* ‘холмистая деревня’);

— -lack / -lacken / -lauken (от балтийского *laukas* ‘поле’, как в ойконимах *Lenglauken* ‘мягкое поле’ и *Dinglauken* ‘плодородное поле’);

— -ballen ‘болото’ (*Schwarballen* с неясным первым компонентом);

— -wethen / weitschen ‘место’ (*Gudweitschen* ‘место кустарников’);

— -kallen ‘гора’ (*Weschkallen* ‘раковая гора’, *Auxkallen* ‘высокая гора’);

2. Суффиксы типа жемайтского суффикса места -ischken (*Schwentischken* ‘священное место’) и балтийских патронимических суффиксов -ehnen (*Bollgehnen* ‘возвышенность’), -ningken (*Escherningken* ‘озерное место’), -itten (*Kremitten* ‘грибное место’);

3. Приставки, среди которых самой распространенной является *usz-* ‘по ту сторону’ (*Uszballen* ‘по ту сторону болота’).

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы установить факт употребления названных словообразовательных формантов в структуре ойконимов не только неясного, но и иного языкового происхождения.

В целом мы констатируем, что балтийские компоненты фигурируют в составе 1442 исходных региональных ойконимов, а немецкие — в составе 1097 исходных названий населенных пунктов. Простейший квантитативный анализ демонстрирует, что при их суммировании получается число, превосходящее исходное количество из 2497 единиц. Этот факт объясняется тем, что, помимо 737 немецкоязычных и 937 балтийских ойконимов, в материал нашего исследования вошли 275 составных географических названий, первый компонент которых происходит из немецкого языка, а второй имеет балтийское происхождение (в частности, ойконим *Klein Elxnurönen* является производным от немецкого ‘малый’ и балтийского ‘место в священной роще у реки’).

При конкретизации балтийского источника восточнопрусской ойконимии обнаруживается следующая картина:

- для 205 номинаций установлено литовское происхождение, что иллюстрируется на примере ойконима *Abschruten*, произошедшего от литовского слова *apšras* ‘барсуک’;

- 516 номинаций типа ойконима *Kaumen* (от *caumis* ‘дережня’) образованы от древнепрусских основ;

- для половины всех балтицизмов региона (то есть для 721 единицы из выборки) в этимологических источниках указывается «балтийское» происхождение (пример — ойконим *Stobingen*, в основе которого лежит балтийское *stabis* ‘камень’).

Отметим также, что, кроме вышеназванных групп ойконимов, в нашей выборке встречаются номинации:

- восходящие к древневерхненемецкому языку (например, *Leipen* ‘хлебный’);

- предположительно содержащие элементы из местного диалекта немецкого языка (в частности, *Wolla* ‘поселение’ или *Leegen* ‘длинный’);

- предположительно имеющие славянское происхождение (например, *Kleszowen* ‘лещ’ или *Gostkow* (совпадает по звучанию с польским топонимом)) (Петешова, 2023г).

Продолжая лингвистический анализ, в очередной раз подчеркнем, что при статистических подсчетах в его рамках учитывалось 2497 актов переименования калининградских населенных пунктов, большинство из которых являются независимыми, то есть не учитывающими форму и семантику исходных географических названий. Примером независимого переименования является акт *Stallupönen* → *город Нестеров*, по итогам которого вместо балтийского ойконима, увековечивающего жертвенный камень на берегу водоема, начинает употребляться посвящение советскому полковнику, погибшему в боях за город.

Вместе с тем на фоне преобладающих независимых переименований нельзя не заметить 275 согласованных реномина-

ций, то есть замен исходных ойконимов на географические названия, связанные с ними по звучанию или значению. Конечно, их долю в ойконимии (11%) нельзя считать высокой, но само их наличие способствует опровержению критических замечаний немецких исследователей по поводу уничтожения на калининградских землях многовекового культурного наследия. Интересным представляется и то обстоятельство, что из 275 реноминаций, называемых нами согласованными, 105 актов переименования, то есть 38%, связаны с опорой на балтицизмы при русификации территорий.

Те способы, которые используются для согласования исходных и новых ойконимов, ранжируются по частоте своей реализации при региональных переименованиях следующим образом:

- 1) одинаковая тематическая соотнесенность (108 случаев);
- 2) идеологическая антонимия (84 случая);
- 3) перевод (40 случаев);
- 4) переосмысление (34 случая);
- 5) семантическая антонимия (7 случаев);
- 6) заимствование (2 случая) (Петешова, 2023д).

В данном рейтинге с огромным отрывом лидирует такой способ согласования, как **одинаковая тематическая соотнесенность**, под которой мы понимаем отбор для нового ойконима некоего мотивирующего признака, позволяющего отнести этот ойконим к той же лексико-семантической группе, что и исходный.

Чаще всего одинаковая тематическая соотнесенность предполагает принадлежность исходного и нового ойконимов к лексико-семантической группе фитотопонимов, то есть примерно в 58% от всех пар ойконимов, согласованных данным способом, обе задействованные номинации восходят к названиям растений, относящихся к различным биологическим видам, как в акте переименования *Weidgirren* (балтийское 'священный лес') → *поселок Камышевка*.

Частотность тематически соотнесенных фитотопонимов коррелирует с общей частотностью фитотопонимов в региональной топонимии: ойконимы, образованные от номинаций растений, занимают третье место по распространенности как среди исходных, так и среди новых названий.

Помимо этого, в материале исследования часто встречаются реноминации, при которых сохраняется принадлежность ойконимов к таким лексико-семантическим группам, как:

1) зоотопонимы (12%): *Finkengrund* (от немецкого ‘долина зябликов’) → *поселок Грачево*;

2) отгидронимные ойконимы (12%): *Eszergallen* (в переводе с литовского языка — ‘место на краю озера’) → *поселок Ручейки*;

3) ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (5,5%): *Rosenberg* (немецкое ‘гора роз’) → *поселок Сопкино*.

Даже перечисленных примеров достаточно для того, чтобы понять случайный характер лексико-семантических совпадений между исходными и новыми ойконимами, применительно к которым установлена одинаковая тематическая соотнесенность. По этой причине названный способ согласования можно считать таковым лишь весьма условно.

Следующим по частотности в материале нашего исследования является согласование ойконимов через **идеологическую антонимию**. Под данным названием мы рассматриваем замену ойконима, отсылающего к реалиям одной идеологии, на ойконим, отражающий идеологию кардинально противоположного строя, обычно вводимого новыми властями при политических трансформациях региона, что как раз характерно для Калининградской области 40-х годов XX века (Петешова, 2019: 66).

Случаи прямой идеологической антонимии в нашей выборке затрагивают согласование новых ойконимов с исходными названиями поселений, принадлежащих к следующим лексико-семантическим группам:

— мемориальные ойконимы, закрепляющие фамилии, а чаще имена выдающихся представителей восточнопрусской культуры (37 случаев): *Friedrichsburg* ‘крепость Фридриха’, *Wilhelmswerder* ‘островок Вильгельма’, *Charlottenhof* ‘двор Шарлотты’;

— ойконимы, восходящие к именам или фамилиям основателей или владельцев переименованного поселка (31 случай): *Peterlauken* ‘поле Петра’, *Alexkehmen* ‘деревня Алекса’, *Ottoberg* ‘гора Отто’;

— теоойконимы, не вписывающиеся в официальное атеистическое мировоззрение советских людей (10 случаев): *Engelshöhe* ‘ангельская высота’, *Heiligenbeil* ‘священное место языческого оглашения’;

— этнотопонимы, напоминающие о тех народах, которые проживали на соответствующей земле на более раннем этапе ее исторического развития (6 случаев): *Szameitkehmen* ‘деревня жемайтов’, *Preußisch Eylau* ‘прусское поселение Эйлау’.

В свою очередь, для замены использовались идеологически нагруженные ойконимы несколько иных лексико-семантических групп, в частности:

— мемориальные ойконимы, увековечивающие выдающихся деятелей советской или русской культуры, доля которых существенно возрастает по сравнению с соответствующей долей для исходной ойконимии, превышая в итоге 75% выборки (63 случая): *город Гусев*, *город Гурьевск*, *поселок Космодемьяново*, *поселок Матросово*;

— ойконимы, отражающие символы коммунизма (11 случаев): *город Краснознаменск*, *поселок Новоколхозное*, *поселок Ударное*;

— ойконимы-мигранты, призванные вызывать у переселенцев ассоциации с основной территорией страны через отсылку к хорошо известным советскому человеку городам СССР (9 случаев): *поселок Киевское*, *поселок Новгородское*, *поселок Рязановка*;

— единственный этнотопоним, представленный в русскоязычной выборке, — *поселок Русское*.

Случаи прямой идеологической антонимии затрагивают в нашей выборке согласование новых названий поселений с исходными, принадлежащими к числу мемориальных ойконимов, закрепляющих фамилии, а чаще имена выдающихся представителей восточнопрусской культуры (37 случаев), имена или фамилии основателей или владельцев переименованного поселка (31 случай), теойконимы, не вписывающиеся в официальное атеистическое мировоззрение советских людей (10 случаев), и этнотопонимы, напоминающие о тех народах, которые проживали на соответствующей земле на более раннем этапе ее исторического развития (6 случаев).

В свою очередь, для замены использовались идеологически нагруженные мемориальные ойконимы увековечивающие выдающихся деятелей советской или русской культуры, доля которых превышает 75% выборки (63 случая), ойконимы, отражающие типичные коммунистические символы (11 случаев), ойконимы-мигранты, призванные вызывать у переселенцев ассоциации с основной территорией страны через отсылку к хорошо известным городам СССР (9 случаев) и единственный этнотопоним.

Были установлены две наиболее распространенные модели переименований, согласованных через идеологическую антонимию:

1. Патроним → мемориальный ойконим (28 случаев, или 33% всех подобных согласованных переименований).

Важно оговорить, что вывод об идеологической нагрузке исходных патронимов делался нами лишь при констатации четкой и не требующей дополнительного анализа привязки того личного имени, от которого образовано название, в сознании среднестатистического носителя русского языка к исходной лингвокультуре. Поэтому модель можно проиллюстрировать актом реноминации *Ludwigsfelde* (немецкое 'поле

Людвига') → *поселок Серезино*, а реноминация *Gerdaunen* → *поселок Железнодорожный*, как мы считаем, является независимой, так как имя сына прусского вождя Гирдаве, к которому восходит восточнопрусское название, не воспринимается носителями русского языка, не знакомыми с историей Пруссии, как антропоним (Gerullis, 1922: 40).

2. Мемориальный ойконим → мемориальный ойконим (27 случаев), в частности, при переименовании *Louisenfelde*, 'поле Луизы', в *поселок Разино* на место отсылки к любимой королеве Пруссии приходит указание на русского национального героя.

В материале нашего исследования представлены не только прямые, но и косвенные идеологические антонимии, предусматривающие замену номинаций, несущих идеологию Северо-Восточной Пруссии, на советские ойконимы без особой идеологической нагрузки. Так, из 47 восточнопрусских теойконимов только 10 единиц сменились идеологически нагруженными географическими названиями. Примером нейтрального переименования в этой группе служит номинация *Labagiennen* (от балтийского *labguvuna* 'священный камень') → *поселок Заливино* (указание на тип близлежащего водоема не несет какой-либо идеологии).

Аналогичным образом с использованием идеологически нейтральных лексических единиц были переименованы:

— 55% исходных мемориальных ойконимов, например, в паре *Grumbkowsfelde* (название увековечивает фамилию восточнопрусского военного) → *поселок Правдино*;

— 50% исходных этнотопонимов, в частности, при реноминации *Szameitkehmen* (прусское 'деревня жемайтов') → *поселок Болотниково*.

Можно предположить, что подобные независимые переименования калининградских деревень и поселков обусловлены недостаточным объемом фоновых знаний у инициаторов местных массовых реноминаций.

На третьей позиции по представленности в материале исследования находится **перевод** как способ согласования ойконимов. Из 40 наличных случаев его реализации полный перевод имеет место только в 5 случаях, причем в одном из них (*Uszurönen* (от балтийского ‘за рекой’) → *поселок Заречье*) сама его возможность кажется необъяснимой с учетом доказанного отсутствия среди инициаторов переименования специалистов в области балтийских языков.

В качестве классических случаев полного перевода исходных ойконимов можно рассматривать акты замены немецкоязычных географических названий *Steinau* → *поселок Каменка* или *Kosacken* → *поселок Казаково*. К этой паре переименований примыкает переименование *Dünen* → *поселок Дюнное*, которое отличается от всех прочих реноминаций тем, что исходным топонимом здесь по неизвестной причине является единица, фигурирующая не на традиционно используемых советским руководством донацистских картах, а на картах, измененных гитлеровцами после 1938 года.

Что касается более частотного частичного перевода, то он обязательно сопровождается переводческими трансформациями, среди которых с большим отрывом преобладают опущения (23 случая). Нами обнаружен единственный пример опущения при переводе сразу нескольких компонентов исходной единицы: *Hochlindenberг* ‘высокая липовая гора’ → *поселок Подлиново*, где сохраняется только средний подчеркнутый элемент немецкого ойконима. Во всех остальных случаях опущения, сопровождающих частичный перевод ойконимов, имеет место отказ лишь от одного компонента в структуре сложной топонимической единицы, что хорошо видно при осуществлении переименований *Tannsee* ‘еловое озеро’ → *поселок Еловое*, *Grünhaus* ‘зеленый дом’ → *поселок Зеленое* или *Dreibrücken* ‘три моста’ → *поселок Мосты*, которые объединяет, помимо всего прочего, общее немецкое происхождение восточнопрусских географических названий.

Кроме опущений, инициаторы калининградских переименований активно дополняли перевод заменами отдельных компонентов исходных ойконимов (12 случаев). Так, при реноминации *Neuwiese* ‘новый луг’ → *поселок Новосельское* был сохранен только первый компонент с семантикой ‘новый’, а второй подвергся трансформации замены. Сходным образом ойконим *Kriplauken* с первым компонентом неясной семантики и вторым компонентом балтийского происхождения со значением ‘поле’ был трансформирован советскими властями в *поселок Зеленополье*.

В материале нашего исследования представлены не только прямые, но и косвенные идеологические антонимии, предусматривающие замену номинаций, несущих идеологию Северо-Восточной Пруссии, на советские ойконимы без особой идеологической нагрузки. Так, из 47 восточнопруссских тео-ойконимов только 10 единиц сменились идеологически нагруженными географическими названиями. Примером нейтрального переименования в этой группе служит номинация *Labagienen* (от балтийского *labguvuna* ‘священный камень’) → *поселок Заливино* (указание на тип близлежащего водоема не несет какой-либо идеологии).

Можно предположить, что подобные независимые переименования калининградских деревень и поселков обусловлены недостаточным объемом фоновых знаний у инициаторов местных массовых реноминаций.

На третьей позиции по представленности в материале исследования находится **перевод** как способ согласования ойконимов. Из 40 наличных случаев его реализации полный перевод имеет место только в 5, причем в одном из них (*Uszuröpen* (от балтийского ‘за рекой’) → *поселок Заречье*) сама его возможность кажется необъяснимой с учетом доказанного отсутствия среди инициаторов переименования специалистов в области балтийских языков. В качестве классических случаев

полного перевода исходных ойконимов можно рассматривать акты замены немецкоязычных географических названий *Steinai* → *поселок Каменка* или *Kosacken* → *поселок Казаково*.

Что касается более частотного частичного перевода, то он обязательно сопровождается переводческими трансформациями, среди которых с большим отрывом преобладают опущения (23 случая), имеющие место, например, при реноминациях *Tannsee*, ‘еловое озеро’ → *поселок Еловое* или *Dreibrücken*, ‘три моста’ → *поселок Мосты*, в которых прослеживается общее немецкое происхождение восточнопрусских географических названий. Кроме того, инициаторы калининградских переименований дополняли перевод заменами отдельных компонентов исходных ойконимов (12 случаев). Так, при реноминации *Neuwiese*, ‘новый луг’ → *поселок Новосельское* был сохранен только первый компонент с семантикой ‘новый’, а второй подвергся замене.

Наряду со случаями правильно осуществленного перевода географических названий, в пределах региональных реноминаций можно обнаружить примеры псевдоперевода, базирующегося на ложной трактовке исходных топонимов инициаторами кампании, которым никто не мог указать на возможные интерпретационные ошибки.

В частности, отмечается пример псевдоперевода названия с этимологически неясной основой, напоминающего современное немецкое слово: немецкий ойконим *Kischen* отличается только одной буквой от немецкого существительного *Kirschen* ‘вишни’, что приводит к появлению после переименования русскоязычного ойконима *поселок Вишняки*. Вместе с тем причиной псевдоперевода могла быть и намеренная языковая игра. Так, поселение *Birkenfelde* (от немецкого ‘березовое поле’) получило новое название *Березино*, однако даже в «Материалах о переименовании населенных пунктов» имеется указание на происхождение советского ойконима от названия прежнего местожительства колхозников-переселенцев.

Если обратить внимание на язык исходных ойконимов, при замене которых советское руководство использовало ту или иную разновидность перевода, то только шесть из них включали в свою структуру балтийские компоненты, но в случае с половиной из таких балтицизмов переводу подвергается не балтийская, а именно немецкая составляющая (как в примере *Neu Argeningenken* → посёлок *Новоколхозное*, где переводится первый компонент ‘новый’). Во всех остальных случаях исходные ойконимы переводятся с немецкого языка, что существенно облегчает задачу инициаторов переименования, в распоряжение которых легко могли поступить простейшие немецко-русские словари.

Еще одним критерием, по которому мы пытались выявить некие закономерности в отборе тех или иных ойконимов для последующего перевода, является возможное сходство семантики исходных названий. Проведенный семантический анализ показал большое многообразие лексико-семантических групп, к которым принадлежат переведенные исходные ойконимы. Вместе с тем нами зафиксировано незначительное преобладание единиц, указывающих на определенный цвет (4 случая), фауну (4 случая) и флору местности (7 случаев).

Явным лидером среди переведенных ойконимов стали отантропонимные номинации типа *Ludwigswalde* ‘лес Людвига’ или *Friedrichsfelde* ‘поле Фридриха’. Их первый компонент доступен для понимания, даже если интерпретатор не владеет немецким языком, и может восприниматься как однозначная отсылка к восточнопрусской культуре, от элементов которой с идеологической точки зрения было важно избавиться. Соответственно, на месте 7 из 9 таких ойконимов на советских картах как следствие опущения при переводе появляются русскоязычные ойконимы без идеологической окраски (для перечисленных единиц это *Лесное* и *Заполье* соответственно).

Ономастические исследования показали, что перевод использовался для согласования исходных и новых ойконимов

не только при осуществлении калининградских переименований, но и, например, при формировании ойконимической системы в культуре немцев Поволжья (Сычалина, 2008). И если в работе С. Н. Басика перевод топонимов с одного языка на другой воспринимается преимущественно негативно (Басик, 2006: 44), то в анализируемом регионе он, по нашему мнению, должен оцениваться положительно, поскольку благодаря нему здесь в особой форме сохраняется культурно-историческая память.

Четвертым по распространенности из представленных в регионе способов согласования ойконимов является так называемое **переосмысление**. При соответствующих переименованиях восточнопрусская номинация по своему звучанию похожа на распространенное слово русского языка, от которого в итоге образуется советский ойконим. Это наблюдается, например, в актах реноминации *Szillen* (от прусского *silas* ‘вересковая пустошь’) → *поселок Жилино* (предположительно отантропонимный ойконим) и *Lieskendorf* (от формы женского имени *Liesken*) → *поселок Лискино* (предположительно ойконим-мигрант).

Мы видим, что семантический фактор при таких переименованиях совершенно не учитывается, однако форма исходных единиц воспроизводится с достаточно высокой точностью. Вместе с тем в половине случаев, вошедших в статистику, переосмысления базируются на минимальных, но однозначно прослеживающихся сходствах в звучании двух задействованных языковых единиц. В качестве примера отдаленного переосмысления можно привести пару ойконимов *Potawern* (пруское ‘на краю болота’) → *поселок Потаново* (отантропонимная единица).

Что касается статистической информации о языковых истоках тех восточнопрусских ойконимов, при замене которых инициаторы переименования использовали переосмысление в качестве способа согласования, то больше половины наличного материала (21 единица) предсказуемо составили балтициз-

мы. Их древнее происхождение изначально снижает шансы на верную трактовку семантики и повышает возможность учета формальных критериев при отборе новых ойконимов, согласованных с исходными, но в конкретных экстралингвистических обстоятельствах, то есть в условиях непривлечения к реноминациям специалистов в сфере лингвистики, сама вероятность проведения какого-либо семантического анализа вообще сводится к нулю.

Если же дополнительно учесть тот факт, что из оставшихся 13 переосмысленных ойконимов 10 единиц представляют собой ойконимы с основами, семантика которых даже на настоящий момент не поддается расшифровке в ходе этимологического анализа, то напрашивается вывод о почти обязательном ненемецком происхождении названий тех поселков, которые при региональных реноминациях подверглись переосмыслению. Однако из этой закономерности имеются три исключения — три немецкоязычных ойконима, при переименовании которых все же учитывалась исходная форма, но неверно трактовалась семантика. Например, речь идет о географическом названии *Osterau* (в переводе с немецкого ‘восточное’), советским аналогом которого стал ойконим *Осетрово*.

С другой стороны, среди исходных географических названий фигурирует ряд лексических единиц, фонетически напоминающих конкретные слова русского языка, но при их переименовании переосмысление не осуществляется. Так, ойконим *Alt Lapienen* обладает сходством с русским словом «лапа», но был заменен на *Большие Бережки*. Другой ойконим — *Bogdahnen* — похож на русский антропоним *Богдан*, но его аналогом на современных картах области стала номинация *Верхний Бисер*. Таким образом, огромный массив потенциально подлежащих переосмыслению исходных ойконимов в итоге пополнил категорию независимых переименований региональных населенных пунктов, численно превосходящую все остальные группы состоявшихся здесь реноминаций.

На данный момент мы не можем точно сказать, что является более значимой причиной предпочтения / неpreferенция переосмысления как способа согласования исходных и новых ойконимов: недостаток знаний у инициаторов переименования или сознательно реализуемая ими языковая игра. Тем не менее в отдельных случаях реноминации, например *Seikwethen* (предположительно от древнебалтийского 'место хвори') → *поселок Зайцево*, сразу понятно, что, независимо от языковых познаний и уровня образования авторов нового ойконима, они не могли всерьез усматривать в первом компоненте исходной номинации реальную отсылку к неким «зайкам», а значит, выбор русского соответствия осуществлялся ими не без юмора.

Предпоследний по частотности способ согласования исходных и новых ойконимов Калининградской области — **семантическая антонимия**. Очевидно, что атрибут «семантическая» в составе данного термина с точки зрения лексикологии избыточен, поскольку антонимы как таковые являются лексико-семантическим классом слов. Вместе с тем мы используем его для четкого разграничения названного способа согласования и уже упомянутой идеологической антонимией. Как правило, бинарные оппозиции основаны на весьма частотном в топонимических системах (Жевлов, 1984: 202), но экстралингвистически ничем не мотивированном в контексте конкретных переименований употреблении дифференцированных прилагательных типа «большой-малый», «верхний-нижний», «старый-новый» и т. п., как в парах ойконимов *Alt Kirschnabeck* → *Новодворки*, где компонент *alt* переводится как 'старый', или *Groß Grobienen* → *Малая Климовка*, где компонент *groß* обозначает 'большой'.

Наиболее интересным в анализируемой группе согласованных переименований является случай реноминации *Germau* → *Русское*, основанный на ложной антонимии. Исходный ойконим формально напоминает этноним, который обстоятельства войны двух народов противопоставили тому этнониму, кото-

рый пришел ему на смену. Однако в действительности номинация поселка *Germau* представляет собой не немецкое слово, а балтицизм со значением ‘девственный лес’ [EВBF], поэтому рассматриваемое переименование принадлежит к числу независимых.

Наконец, в ситуации с двумя **заимствованиями**, имеющимся в нашей выборке (*Domtau* → *Домново* и *Taplacken* → *Талпаки*), исходные ойконимы приспособляются к фонетическим, орфографическим и морфологическим нормам языка-реципиента. При второй реноминации дополнительно осуществляется необъяснимая перестановка согласных *p* и *l* в основе ойконима.

Для прояснения причин заимствования именно этих ойконимов балтийского происхождения мы обратились к источнику «Материалы о переименовании...», согласно которому название Талпаки было «утверждено по Указу». Ойконим Домново, как выяснилось, вообще не фигурирует в документе, но упоминается в работе Л. Палмайтиса, который связывает его введение с необходимостью увековечивания советского военнослужащего Домнова (Палмайтис, 2003: 9).

Таким образом, согласованные переименования отличаются при формировании региональной ойконимии своей немногочисленностью и зачастую случайным характером реализации, однако сам факт их присутствия подтверждает наличие у инициаторов переименований достаточно выраженной установки на сохранение элементов культурно-исторической памяти в регионе.

2.2. Семантическая характеристика новой региональной ойконимии

Очередной задачей настоящего исследования стало сопоставление результатов номинативной деятельности авторов исходных и новых названий населенных пунктов, при котором

в центре внимания находились подходы к номинации и самые распространенные семантические признаки, которые были положены в основу ойконимов.

Для этого нами были установлены основные лексико-семантические группы исходных и новых ойконимов. Первые 10 позиций, отличающиеся наибольшей частотностью реализации в региональных географических названиях на обоих этапах рассмотрения, представлены в таблице 1.

Сравнительный анализ позволил зафиксировать шесть ключевых сходств между ойконимическими системами Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области:

1. Количества лексико-семантических групп исходных и новых ойконимов, насчитывающих более десяти представителей, являются практически идентичными (24 группы в восточно-прусском языковом материале и 20 групп в советском).

2. Такое же количественное совпадение зафиксировано нами применительно к лексико-семантическим группам, охватывающим до десяти названий (4 и 5 групп соответственно).

3. Наборы тех семантических признаков, по наличию которых определяется принадлежность сравниваемых ойконимов к тем или иным лексико-семантическим группам, также отличаются друг от друга весьма незначительно.

4. Согласно табличным данным, и в исходной, и в новой ойконимии самыми обширными лексико-семантическими группами являются «фитоойконимы», «зооойконимы», «ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности» и различные отгидронимные номинации.

5. На картах Северо-Восточной Пруссии было почти столько же ойконимов, отражающих естественные характеристики обозначаемых населенных пунктов (их растительность и животный мир, особенности внешнего вида и рельефа, почв, климата, водоемов и общего месторасположения), сколько их стало на тех же территориях после переименований 1946—1950 годов (913 случаев до переименования и 812 после него).

Лексико-семантические группы исходной и новой ойконимии

Лексико-семантические группы исходных ойконимов	Лексико-семантические группы новых ойконимов
1. Ойконимы с неясной семантикой (580): <i>Kuddert, Loidittinen, Schilkarim</i>	1. Ойконимы-мигранты (570): пос. <i>Выборгское, пос. Курское, пос. Муромское</i>
2. Ойконимы, образованные от патронимов (266): <i>Christiankehmen</i> 'деревня Кристиана', <i>Hanswalde</i> 'лес Ганса', <i>Sophienthal</i> 'долина Софии'	2. Мемориальные ойконимы (566): пос. <i>Добробово, пос. Островское, пос. Талалихино</i>
3. Фитоойконимы (215): <i>Brasnicken</i> (от балтийского 'березовое место'), <i>Damergau</i> (от прусского 'наполовину вырубленный дубовый лес'), <i>Schönwalde</i> 'красивый лес'	3. Фитоойконимы (338): пос. <i>Сосновка, пос. Рябиновка, пос. Кашитановка¹</i>
4. Ойконимы, образованные от других местных ойконимов (188): <i>Alt Katzkeim</i> (добавлен компонент 'старый'), <i>Klein Friedrichsdorf</i> (добавлен компонент 'малый'), <i>Neu Heidlauken</i> (добавлен компонент 'новый')	4. Зооойконимы (142): пос. <i>Глухарево, пос. Лосево, пос. Соколовка</i>

¹ При этом наблюдении на местности показывают, что по крайней мере через 70 лет после реноминации поселки уже не обладают тем признаком, который был положен в основу таких наименований. В частности, в *поселке Сосновка* Зеленоградского района была обнаружена только одна сосна, а в расположенных неподалеку от него *поселках Рябиновка* и *Кашитановка* рябины и каштаны совершенно отсутствуют.

5. Зооойконимы (179): <i>Vaubeln</i> (от прусского 'выпь'), <i>Kloken</i> (от прусского 'медведь'), <i>Wolfsberg</i> 'волчья гора'	5. Ойконимы, фиксирующие значимые символы коммунизма (107): <i>пос. Знаменка, пос. Комсомольское, пос. Советское</i>
6. Ойконимы, указывающие на внешний вид населенного пункта (97): <i>Jodischken</i> (от балтийского 'черное место'), <i>Kerschkalten</i> (от балтийского 'пестрая гора'), <i>Raidonatschen</i> (от прусского 'светло-коричневое поселение')	6. Ойконимы, фиксирующие тип близлежащего водоема (104): <i>пос. Заозерное, пос. Междуречье, пос. Озерки</i>
7. Ойконимы, образованные от местных гидронимов (94): <i>Balliröpen</i> (на реке Баллуп), <i>Vidiröpen</i> (на реке Бундуп), <i>Widitten</i> (на реке Видитте)	7. Ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (98): <i>пос. Нагорное, пос. Ровное, пос. Холмы</i>
8. Ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (89): <i>Freidenberg</i> 'гора радости', <i>Grabowen</i> (от прусского 'горное'), <i>Poplitten</i> (от балтийского 'холм, по-росший мхом')	8. Ойконимы, дающие положительную оценку населенного пункта (97): <i>пос. Веселое, пос. Славное, пос. Счастливое</i>
9. Ойконимы, фиксирующие тип близлежащего водоема (77): <i>Ballethen</i> (от балтийского 'болото'), <i>Wasserlauken</i> 'водное поле', <i>Wonditten</i> (от прусского 'водное')	9. Ойконимы, фиксирующие функцию населенного пункта (81): <i>пос. Дачное, пос. Лагерное, пос. Узловое</i>
10. Мемориальные ойконимы (76): <i>Grumbkowsfelde</i> (по фамилии прусского генерал-фельдмаршала), <i>Karlsdorf</i> (по имени короля), <i>Louisenthal</i> (предположительно в честь королевы Луизы)	10. Ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов (40): <i>пос. Днепровское, пос. Енисеево, пос. Онежское</i>

6. Ряд ойконимов представляет собой составные наименования, причем в качестве первого компонента чаще всего употребляется указание на размер населенного пункта (229 случаев среди исходных и 41 случай среди новых ойконимов, например, *Groß Pillkallen* ‘большой насыпной холм’ или *поселок Малые Бережки*) или на его возраст (91 против 12 случаев, например, *Neu Heiligenwalde* ‘новый священный лес’ или *поселок Новая Деревня*). Однако количественные показатели этой группы в двух топонимических системах заметно расходятся: в восточнопрусской выборке было 320 составных ойконимов (это 12% всех ойконимов региона), а в русскоязычной оказалось всего 53 (то есть около 2% рассматриваемого массива языковых единиц) (Петешова, 2023а).

Помимо этого различия исходных и новых ойконимов, при сравнении нами были зарегистрированы еще шесть несовпадений между ними:

1. По объективным причинам в сопоставляемых ойконимических системах представлено различное количество ойконимов с неясной семантикой (580 случаев против 13). Среди советских примеров в рамках этой лексико-семантической группы выделяются наименования *Пружсалы* и *Абелино*, причем второй ойконим предположительно является отфамильным, но не вызывает в русской лингвокультуре ассоциаций с какими-либо ее известными представителями.

2. В обеих сопоставляемых ойконимических системах имеется по две лексико-семантических группы топонимов, не представленных в другой ойконимической системе. Применительно к восточнопрусским номинациям такими лексико-семантическими группами являются «отпатронимные ойконимы» (266 случаев) и «теотопонимы» (48 случаев). Очевидно, что среди калининградских ойконимов отпатронимные названия отсутствуют потому, что первопоселенцами и владельцами переименованных населенных пунктов, основанных в эпоху существования прусского государства, не могли стать носители русскоязычных имен и фамилий. По этой причине при установлении мотивировки ряда ойконимов типа *поселков Лукьяново*, *Дмитриевка* или *Наумовка* можно с уверенностью

утверждать, что они не носят патронимического характера, однако они в одинаковой степени могут относиться к мемориальным топонимам или топонимам-мигрантам. Исчезновение с карт теотопонимов типа *Heiligenwalde* 'священный лес' или *Labagienen* (от балтийского 'священный камень') также объясняется достаточно просто: при атеистической идеологии советского государства названия, фиксирующие религиозные символы, производят впечатление неуместных.

Вместе с тем введением новой советской идеологии обусловлено появление таких новых лексико-семантических групп, как «ойконимы, фиксирующие значимые символы коммунизма» и «ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов», с конкретными примерами реализации которых можно ознакомиться в таблице 1. Эта тенденция вполне вписывается в вышеизложенные концепции взаимного влияния топонимикона и общественного сознания.

3. Обращают на себя внимание различия при использовании мемориальных ойконимов, представляющих собой посвящения исторически релевантным событиям или выдающимся людям из задействованных лингвокультур. Примеры исходных и новых ойконимов такого рода также приводятся в таблице. В советской ойконимии наблюдается значительное преобладание мемориальных географических названий (566 на фоне 76 исходных номинаций-посвящений).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что в зависимости от подхода к выделению мемориальных ойконимов их количественные характеристики могут заметно варьировать. Дело в том, что некоторые отфамильные названия в исследуемом регионе восходят к распространенным русским фамилиям, например, Денисов, Громов или Яковлев, которые необязательно принадлежали знаменитым русским или советским личностям. В «Материалах о переименовании...» не приводятся пояснения по отбору большинства таких ойконимов, однако подобные фамилии часто фигурируют в списках участников Великой Отечественной войны и конкретно Восточно-Прусской наступательной операции, поэтому при осуществлении количественных подсчетов мы условно причисляли все номинации поселений, образованные от этих фамилий, к группе мемориальных названий.

Мемориальные ойконимы Восточной Пруссии и Калининградской области отличаются друг от друга и на более глубоких уровнях качественного анализа, что отражено в таблице 2.

Таблица 2

Качественное соотношение исходных и новых мемориальных ойконимов

Группы исходных мемориальных ойконимов (76)	Группы новых мемориальных ойконимов (566)
1. Увековечивающие политических деятелей (56, из них 29 — особы королевского происхождения): <i>Wilhelmshof, Karlsruwalde, Albrechttau</i>	1. Закрепляющие фамилии военнослужащих (303): <i>пос. Талалихино, пос. Гастеллово, пос. Панфилово</i>
2. Закрепляющие фамилии военнослужащих (15): <i>Grumbkowsfelde, Gneisenau, Trenk</i>	2. Образованные от фамилий деятелей культуры (ученых, писателей, композиторов) (160): <i>пос. Грибоедово, пос. Тимирязево, пос. Чайковское</i>
3. Образованные от фамилий деятелей культуры (ученых, писателей, композиторов) (5): <i>Georgenburg, Struwe, Schaudinnen</i>	3. Увековечивающие политических деятелей (56): <i>город Калининград, пос. Куйбышевское, пос. Фрунзенское</i>
	4. Фиксирующие важные события советской истории (26): <i>пос. Первомайское, пос. Октябрьское, пос. Победа</i>
	5. Увековечивающие народных героев (21): <i>пос. Пугачево, пос. Разино, пос. Ермаково</i>

Более полное представление о задействованной мемориальной ойконимии можно получить при анализе статистических сведений, касающихся национального происхождения

² Именно данной семантикой характеризуются 6 из 7 мемориальных названий крупнейших районных центров области, в частности, *город Гурьевск, город Гусев, город Нестеров*.

лиц, которым посвящаются новые мемориальные названия. Около 67% таких ойконимов, или 380 случаев, восходят к фамилиям выдающихся деятелей советской эпохи. 180 мемориальных единиц увековечивают представителей русской культуры досоветского периода. Наконец, шесть ойконимов-посвящений образованы от фамилий граждан других государств, действовавших в русле идей, близких коммунистической доктрине (например *поселок Тельманово*, *поселок Дарвино*, *поселок Марксово*).

Наряду с этим интересной представляется степень связи выдающихся людей с тем регионом, на территории которого появляются новые названия. По итогам исследования такая связь свойственна 56 советским мемориальным ойконимам, или 9,9% нашей выборки. Во всех этих случаях имеются в виду военнослужащие. Так, на картах области трижды фигурирует имя героя Отечественной войны 1812 г. князя Петра Ивановича Багратиона, который во время войны с Наполеоном в 1807 г. возглавил русские войска, прикрывавшие отступление русской армии к Тильзиту (сегодня — городу Советску). Еще 21 населенный пункт бесспорно носит фамилии советских военнослужащих, которые участвовали в военных действиях, проводимых в Северо-Восточной Пруссии в 1945 г. Так, ойконим *Ладушкин* увековечивает лейтенанта И.М. Ладушкина, который погиб в бою в окрестностях этого города и был в нем похоронен.

С другой стороны, в исходном топонимическом материале фиксируются 67% антропотопонимов, производных от фамилий людей, так или иначе связанных с соответствующими населенными пунктами. Основная их масса носит патронимический характер, и только 30 единиц являются мемориальными, причем 28 из них фиксируют имена прусских правителей, например, знаменитой королевы Луизы, жены прусского короля Фридриха-Вильгельма III (*Luisenthal*) или прусской принцессы Шарлотты (*Charlottenhof*).

Дальнейший анализ той же лексико-семантической группы ойконимов позволил нам выявить факт некой повторяемости антропонимов, к которым восходят многие мемориальные номинации. В немецкоязычной выборке повтору подвергаются преимущественно имена королей или членов их семей. Так, мы обнаружили 13 ойконимов с первым компонентом Friedrich-, 8 — с первым компонентом Karl-; для 4 топонимов первым компонентом является имя Luise, для 3 — Charlotte. Второй компонент в подобных названиях географических объектов обычно варьируется. Например, в случае ойконимов, посвященных Фридриху, это может быть не только повторяющийся элемент -walde, но и элементы -stein, -ruh, -felde, -flur, -dorf, -berg, -burg, -thal³.

При формировании новой ойконимии региона повторяемость мемориальных ойконимов проявилась несколько иначе. Почти все мемориальные ойконимы, мотивированные признаком «событие», образованы от основ, свидетельствующих об особой важности трех ключевых событий советской истории: Первой (42%), Октябрьской революции (25%) и Победы в войне с Германией (25%), однако использование различных словообразовательных формантов предопределило некоторую вариативность соответствующих географических названий (см.: *поселок Победа — поселок Победино — поселок Победное*).

Степень повторяемости ойконимов, мотивированных признаком «знаменитый представитель культуры», является не такой высокой, как у событийных ойконимов. В этой сфере особенно распространены троекратные повторы (например, ойконимы-посвящения Н. В. Гоголю, К. А. Тимирязеву или И. С. Тургеневу), но имеются пятикратные повторы номинаций, образованных от фамилий Пушкин и Ульянов, и десять названий, увековечивающих Н. А. Некрасова. За счет употребления разнообразных суффиксов конкретные ойконимы, вос-

³ В переводе на русский язык они обозначают -лес, -камень, -спокойствие, -поле, -угодье, -деревня, -гора, -крепость и -долина соответственно.

ходящие к повторяющимся фамилиям, могут также звучать по-разному (см.: *поселок Багратионово — поселок Багратионовское — город Багратионовск*).

Некоторые географические названия Калининградской области вызывают ассоциацию с фамилиями, а потому легко интерпретируются как мемориальные, вопреки четкому обоснованию их немемориальной природы, содержащемуся в архивных «Материалах о переименовании...». Например, любой носитель русского языка интуитивно связывает ойконим *Пушкинское* со знаменитым русским поэтом, а название *Тимофеевка* — с неким весьма распространенным личным именем, однако в действительности первый из них является топонимом-мигрантом, а второй был выбран по причине обилия травы тимофеевки в переименованном поселке. Наоборот, название *поселок Свобода* ассоциируется, скорее, с советской идеологией, чем с исторически значимым событием, но по документально закрепленным данным призвано увековечить избавление народов Европы от фашистских захватчиков.

4. Показательными мы считаем также отличия в качественном составе лексико-семантической группы «ойконимы, дающие оценку населенного пункта». В обеих ойконимических системах она занимает приблизительно одинаковое место (132 и 104 случая соответственно). Вместе с тем число исходных ойконимов, отражающих положительную оценку поселков (70 случаев типа *Lobitten* (от балтийского ‘хороший’)), практически не отличается от числа исходных ойконимов, закрепляющих их отрицательную оценку (62 случая типа *Wargitten* (от балтийского ‘плохой’)), в то время как в новой ойконимии географические названия, связанные с положительной оценкой (97 случаев типа *поселка Дивное*), однозначно доминируют над связанными с отрицательной оценкой (7 случаев типа *поселок Угрюмово*). Как нам кажется, такое обилие в регионе ойконимов с семантикой положительной оценки нацелено на формирование оптимистического взгляда советских людей на светлое будущее всей страны в целом и ее новых территорий в частности.

5. В то время как в исходном языковом материале почти не представлены топонимы-мигранты, совпадающие по звучанию с топонимами, которые употребляются в других регионах того же государства (одним из 14 примеров является ойконим *Kurland*, формально тождественный наименованию исторического ландшафта Латвии), то в новой ойконимической системе подобные мигранты, внедрение которых способствовало установлению особых связей между новым регионом страны и ее основной территорией, по своей частоте занимают первое место среди всех наличных лексико-семантических групп (570 случаев).

Ойконимы-мигранты как феномен, весьма показательный для исследуемого региона, были проанализированы нами достаточно подробно. Как известно, в границах любого ономастического пространства присутствуют как уникальные единицы, придающие топонимии региона индивидуальные черты, так и системно повторяющиеся топонимы, характерные для ряда регионов (Кичикова, 2011: 6). Подобные внешне одинаковые названия объектов одного рода, выступающие в качестве аналога апеллятивных омонимов, в топонимике называют тезоименными (Климкова, 2017: 132).

Зачастую повторы можно объяснить схожими природными условиями в разных регионах страны или идентичными особенностями местных хозяйственных процессов. В других ситуациях их появление обусловлено переносом номинаций с исторической родины переселенцев, которым дублирование топонимов помогает сохранять свои ассоциации и воспоминания о прежней жизни (Мартыненко, 2021: 79).

В настоящее время ойконимы-мигранты имеются практически в каждом регионе Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В европейской части России основную массу повторяющихся ойконимов составляют советонимы, закрепляющие доминирующую здесь в XX веке идеологию (Щербак, 2017: 115), вопреки тому, что сама тенденция является недопустимой в топонимии (Попов, 2021: 59).

Что касается Калининградской области, то, несмотря на формальную зависимость решений по поводу замены исходных

ойконимов на новые от Президиума Верховного Совета СССР, в действительности инициатива по отбору калининградских номинаций, как уже было отмечено выше, обычно исходила от районных властей, которые ориентировались на позицию первых переселенцев, массово прибывающих для полной замены немецкого населения по приглашению руководства страны с лета 1946 года приблизительно до 1950 года (Лебедев, 2018: 328). При этом основными районами выхода переселенцев, помимо Украины и Белоруссии, стали 27 регионов России, перечень самых значимых из которых приводится в источнике (Костяшов, 2015: 31). В частности, в этой работе называются четыре группы районов, различающихся по количеству переселенцев: свыше 20 тысяч человек (Москва, Ленинград и Смоленск), от 10 до 20 тысяч человек (например, Брянск, Орёл, Владимир, Воронеж и Рязань), от 5 до 10 тысяч человек (например, Вологда, Иваново, Самара и Тверь) и до 5 тысяч человек (например, Астрахань, Краснодар, Ростов и Саратов).

Сжатый характер записей в сохранившейся документации не позволяет дифференцировать случаи осознанного переноса названий и случайные повторы. С полной уверенностью мигрантами можно называть только те 57 лексических единиц, факт переноса которых из «старого места проживания колхозников» зарегистрирован в «Материалах о переименовании...», например, *поселок Лунино* или *поселок Серезкино*.

Тем не менее даже применительно к документально закреплённым миграциям топонимов, как правило, невозможно с уверенностью обозначить место локализации первичного ойконима. Например, *поселок Липово*, переименованный по старому местожительству колхозников, мог быть назван по одноимённому поселку из Ленинградской, Смоленской, Тульской, Пермской области или Чувашии. Для ряда ойконимов-мигрантов в «Материалах о переименовании» дается отсылка к первичному топониму, однако она также не поддается четкой интерпретации: *село Петино* названо так «по просьбе жителей, приехавших из села Петино», название которого представлено по меньшей мере в трех областях России. С другой

стороны, некоторые пометки о мотивировке переименований позволяют идентифицировать район первоначального проживания инициаторов реноминаций. В частности, в случае с *деревней Воротиновкой* и *поселком Покровское* речь идет конкретно о Воротиновке и Покровском Калужской области.

Скудность сведений, извлекаемых из архивного источника, побуждает исследователя к проверке факта переноса географических названий с помощью актуальных яндекс-карт [Яндекс-карты]. При поочередном поиске всех лексических единиц, задействованных в региональных переименованиях, выяснилось, что 1184 новых ойконима повторяются в других областях России. На каждый из них приходится от 1 (пример — *поселок Опушки*) до 18 повторов (пример — *поселок Николаевка*). В целом на один региональный ойконим приходится 5,7 идентичных советских названия. Мы ранжировали территории РСФСР по частотности их функционирования в качестве возможного (по причине отсутствия подтверждающих документов) места употребления первичных или повторяющихся названий, начиная с отличающихся наиболее высокими показателями такого рода, и получили следующие 20 первых позиций: Московская область (527 повторяющихся ойконимов), Тверская область (252), Нижегородская область (210), Ленинградская область (206), Тульская область (199), Владимирская область (167), Вологодская область (155), Ярославская область (145), Калужская область (142), Приморский край (136), Рязанская область (128), Псковская область (126), Смоленская область (119), Орловская область (110), Костромская область (108), Ивановская область (106), Омская область (105), Пермский край (101), Башкортостан (100) и Саратовская область (99). Оказалось, что лишь 4 региона из этого перечня (Приморский край, Омская, Тульский и Пермский край) не присутствуют в списке мест выхода первых переселенцев в Калининградскую область (Костяшов, 2015: 31). Однако корреляции между числом переселенцев и числом ойконимов-мигрантов не обнаружено, поскольку даже на первых четырех местах в получен-

ном списке находятся города из различных групп (Москва и Ленинград — из первой группы, Нижний Новгород — из второй, а Тверь — из третьей).

Вместе с тем на картах представлены не только ойконимы-мигранты, перенесенные без изменения их формы, но и две группы ойконимов, которые мы, вслед за Г.Ф. Ермошкиной, предлагаем называть трансформированными мигрантами и смешанными производными мигрантами соответственно (Ермошкина, 2020: 44). Так, к трансформированным мигрантам относятся 55 ойконимов, перенесенных с добавлением топонимов. Из них 11 не зафиксированы ни в одном из мест выхода колхозников-переселенцев, но характеризуются высокой степенью известности среди представителей русской культуры, например, *поселок Тюменское* или *поселок Ставропольское*. Почти все географические названия, фигурирующие в списке Ю.В. Костяшова, за исключением Астрахани, Иваново и Краснодара, положены в основу хотя бы одного трансформированного ойконима-мигранта.

Что касается смешанных производных мигрантов, то они образуются путем сочетания первичного ойконима с указанием на независимый признак населенного пункта. Основным способом их образования становится добавление компонента ново- или Новый к наименованию населенного пункта, находящегося в регионе выхода первых переселенцев (примеры — *поселок Ново-Московское* или *поселок Новоторжок*).

Помимо ойконимов-мигрантов, к числу повторяющихся ойконимов на изучаемых территориях относятся случаи дублирования номинаций внутри области, которое можно объяснить только тем, что согласованием названий на межрайонном уровне никто не занимался. В итоге 409 ойконимов повторяются на местных картах не менее двух раз, причем в 26 случаях названия (*поселок Гоголевское*, *поселок Брюсово*) не встречаются в других регионах РСФСР, то есть однозначно не являются мигрантами. Нами выявлены случаи повторов в пределах от двух раз (252 случая, например *поселок Зорино*, *поселок Дружба*) до девяти (только *поселок Сосновка*), однако все промежуточные варианты также имеют место в материале нашего исследования.

Таким образом, элементарные количественные подсчеты позволяют выделить в топонимическом массиве, задействованном в 2497 актах переименования, следующие группы уникальных ойконимов:

а) не имеющие повторов при рассмотрении на региональном уровне (1095 номинаций): *поселок Ивашевка, поселок Новоречье, поселок Лоцинка* и др.;

б) не имеющие повторов при рассмотрении на надрегиональном уровне (320 номинаций): *город Багратионовск, поселок Талтаки, поселок Домново* и др.;

в) 283 абсолютно уникальных ойконима, не имеющих повторов на картах мира. По своей семантике они относятся к различным подгруппам:

— естественно-географические названия (61 случай), то есть названия, которые даны населенным пунктам по флоре местности (24 случая, например, *поселок Смородиново, поселок Папоротниково*), ее рельефу (16 случаев, например, *поселок Овражкино, поселок Дюнное*), а также по фауне (*поселок Павлинино, поселок Мотыльково*);

— мемориальные ойконимы (53 случая): *поселок Кожедубово, поселок Доваторовка, поселок Марксово*;

— упомянутые нами трансформированные мигранты (из них 48 примеров носят уникальный характер);

— составные ойконимы, первый компонент которых указывает на размер или возраст населенного пункта (37 случаев): *поселок Новое Нилово, поселок Большие Топки*;

— собственно идеологические ойконимы, фиксирующие ту или иную коммунистическую символику (13 случаев): *города Славск и Правдинск* (Петешова, 2024а: 128).

В целом анализ топонимов-мигрантов Калининградской области ярко демонстрирует справедливость утверждения О.В. Смирнова о том, что структурная и лексическая повторяемость, вероятно, является характерным признаком относительной молодости топонимической системы (Смирнов, 1997: 14).

6. Самым серьезным из найденных нами расхождений оказалась количественная разница между ойконимами, несущими

ту или иную **идеологическую окраску**. Исходя из того, что к идеологически окрашенным в контексте истории Калининградской области относятся ойконимы лексико-семантических групп «ойконимы-мигранты», «мемориальные ойконимы», «ойконимы, основанные на коммунистической терминологии», «ойконимы, дающие положительную оценку населенного пункта», «ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов», «этноойконимы» и «ойконимы, дублирующие названия колхозов», 124 исходным идеологизированным ойконимам соответствуют 1400 новых ойконимов этого рода. При пересчете на проценты данное соотношение выглядит как 5 % против 56 % от всех задействованных географических названий.

Таким образом, в ходе исследования ойконимов Калининградской области было установлено, что сходства в номинативной деятельности человека при первоименовании и переименовании населенных пунктов неоспоримы, однако при втором процессе несколько ярче проявляется идеологическая составляющая номинаций, что подтверждает вышеизложенный тезис А. К. Матвеева об основополагающей роли целостной топонимической системы при любых региональных реноминациях.

2.3. Роль экстралингвистических факторов при отборе новых ойконимов

Общеизвестно, что любая кампания по переименованиям тесно связана с ситуацией, в которой она протекает и которая предопределяет отбор ойконимов в соответствии с принципом коммуникативной целесообразности (Шемчук, 2005: 17). Именно по этой причине мы поставили своей следующей целью определение роли экстралингвистических факторов в выборе основных стратегий переименования населенных пунктов Калининградской области. В качестве таких факторов мы, вслед за В. Д. Валль, рассматриваем время осуществления реноминации, размер переименованного населенного пункта и его местоположение в регионе (Валль, 2014). Однако, в отличие от

автора этой работы, написанной под нашим научным руководством, мы привлекаем в качестве материала исследования не 468 случайно выбранных актов переименования, построенных по принципу «исходный восточнопрусский — новый советский ойконим», а все 2497 реноминаций, реализованных в Калининградской области в первое послевоенное пятилетие, что позволяет нам прийти к совершенно другим выводам.

Итак, сначала была изучена роль фактора времени при региональных переименованиях. Для этого мы отдельно проанализировали реноминации по четырем ранее перечисленным Указам Президиума Верховного Совета СССР (от 7 апреля 1946 года, от 17 июня 1947 года, от 17 ноября 1947 года и от 5 июля 1950 года). Данные Указов от 4 июля 1946 года и от 27 ноября 1946 года мы сознательно не привлекаем по причине количественной нерелевантности при сопоставительном анализе задействованных в них ойконимов.

Сопоставление четырех документированных периодов региональных переименований осуществлялось нами по пяти количественно выраженным параметрам:

- частотность согласованных реноминаций;
- частотность новых естественно-географических ойконимов, семантика которых отражает объективные, природные свойства населенных пунктов, например, их флору, фауну, климатические условия или рельеф;
- частотность мемориальных ойконимов;
- частотность ойконимов-мигрантов;
- частотность географических названий, связанных с коммунистической символикой, например *поселок Новоколхозное*, *поселок Краснознаменское*, *поселок Ударное* (в дальнейшем мы будем называть такие ойконимы собственно идеологическими, понимая, что на самом деле ярко выраженную идеологическую нагрузку несут, помимо них, и мемориальные ойконимы, и ойконимы-мигранты).

Так, при сопоставлении четырех периодов по частотности согласованных реноминаций выяснилось, что доли ойконими-

ческих согласований существенно расходятся во времени и могут быть ранжированы следующим образом: период 1 — 0%; период 2 — 18%; период 3 — 29%; период 4 — 8%.

Единственным значимым выводом здесь может быть лишь утверждение, что на первом этапе при переименовании районных центров, объективно наиболее часто упоминаемых в общественных дискуссиях, для инициаторов реноминаций было важно максимально продемонстрировать свое дистанцирование от вражеской восточнопрусской культуры и устремленность Калининградской области в новое будущее.

Вместе с тем последовательность самых распространенных из возможных способов согласования при переименованиях в разные временные периоды практически совпадает. Соответствующие количественные данные наглядно представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Согласованные реноминации рядовых населенных пунктов
в третьем и четвертом периодах**

Период 3	Период 4
1. Одинаковая тематическая соотнесенность — 59	1. Одинаковая тематическая соотнесенность — 44
2. Идеологическая антонимия — 36	2. Идеологическая антонимия — 38
3. Перевод — 29	3. Перевод — 11
4. Переосмысление — 24	4. Переосмысление — 8
5. Семантическая антонимия — 5	5. Семантическая антонимия — 1
6. Заимствование — 0	6. Заимствование — 0

Элементарные количественные подсчеты показывают, что в третьем и четвертом периодах доли случаев использования идеологической антонимии являются абсолютно одинаковыми, составляя 3% всех актов согласованных переименований. Во втором периоде этот процентный показатель отличается также весьма незначительно, не превышая 8% всей выборки.

Что касается результатов сравнения разных временных срезов калининградской кампании по переименованиям по четырем остальным параметрам, то было установлено почти полное отсутствие тех или иных значимых закономерностей. Так, в разное время доли естественно-географических названий среди новых ойконимов будут относительно сопоставимыми (21 % — 30 % — 40 % — 30 %). Частотность мемориальных ойконимов в первые три периода падает, однако в четвертый период немотивированно возрастает (42 % — 20 % — 17,8 % — 27,7 %). По распространению ойконимов-мигрантов с учетом темпорального критерия также невозможно выявить какие-либо релевантные закономерности (0 % — 27 % — 15,9 % — 15,6 %), хотя на себя обращает внимание факт совпадения их доли при анализе двух периодов переименования рядовых населенных пунктов региона.

Тем не менее в сфере замены исходных названий на собственно идеологические нами зафиксирована однозначно нисходящая тенденция. В то время как в указе № 1 отсылки к коммунистической символике содержатся в 36 % названий (например, *город Краснознаменск*, *город Пионерский*, *город Советск*), что может быть связано с его особой ролью в закреплении территориальной принадлежности нового региона Советского Союза, то в указе № 2 представлено 8 % таких номинаций, а в последующих указах — лишь 4 % и 3,7 % соответственно. Это означает, по нашему мнению, что на степень идеологизации географических названий при реноминации предсказуемо влияет политико-экономический статус переименоваемого объекта (для населенных пунктов из указов № 3 и № 4 данный статус одинаковый, поэтому приведенные процентные показатели варьируются очень незначительно).

На следующем этапе анализа была определена роль размера как фактора региональных переименований. С этой целью мы разделили все поселения, расположенные на изучаемой территории, на шесть неравновеликих групп, которые можно ранжировать по их количественной представленности следующим образом: объекты с населением 101—500 человек

(1041 наименование), объекты с населением 11—100 человек (782), объекты с населением 501—1000 человек (137), объекты с населением 1001—3000 человек (44), объекты с населением 10 и менее человек (29) и объекты с населением более 3000 человек (27).

Такое подразделение населенных пунктов по данным на 1938 год не совпадает с изложенным выше делением на районные центры, центры сельских советов и рядовые населенные пункты, поскольку среди районных центров присутствуют малые города (город Ладушкин — 1253 жителя, город Краснознаменск — 2070 жителей и т. п.). Среди центров сельских советов и рядовых поселков, наоборот, имеются достаточно крупные поселения (поселок Корнево — 5801 житель, поселок Крылово — 3173 жителя).

Отметим также, что некоторые официально переименованные населенные пункты (в частности, Brandlacken или Argenbruch) в действительности прекратили свое существование уже к 1905 году, однако инициаторы переименований руководствовались при отборе исходных ойконимов донацистскими картами Восточной Пруссии, поэтому факт замены соответствующих названий вполне подлежит объяснению. Кроме того, подчеркнем, что для 437 переименованных поселений, или 17% от нашего общего материала исследования, численность населения не удалось установить. В этой связи при дальнейшем квантитативном анализе мы отталкиваемся от 2060 актов топонимических реноминаций как от общего количества осуществленных переименований.

При изучении корреляции согласованных переименований с размером населенных пунктов, при котором мы полностью исключили из рассмотрения одинаковую тематическую соотношенность из-за ее случайного характера, выяснилась одна достаточно яркая закономерность: чем больше населенный пункт, тем более высокая доля согласований имеет место при смене номинаций в соответствующей группе ойконимов. Так, на первой позиции по частотности согласованных переимено-

ваний находятся самые крупные региональные поселения (20,5% согласований среди объектов с населением 1001—3000 человек и 14,8% среди объектов с населением более 3000 человек). На втором месте оказались средние географические объекты с населением от 501 до 1000 человек (доля согласованных переименований в этой группе составляет 10,9%). Для малых населенных пунктов данный процент не превышает 6,8. Среди исчезающих объектов с населением не более 10 человек случаи согласованных переименований не зафиксированы.

На наш взгляд, обрисованная закономерность объясняется тем, что в целом среди способов согласования ойконимов заметно доминирует идеологическая антонимия, которая основана на четкой замене идеологической окраски ойконимов, обладающей особой значимостью именно применительно к крупным населенным пунктам, названия которых находятся «на слуху» у новых жителей области. Такую же картину мы наблюдали при описании фактора времени.

Напротив, переводу подвергаются только названия небольших сел и деревень с численностью населения до 1000 человек, и даже в этой сфере он затрагивает не более 2,9% всех реноминаций, поскольку сохранение семантики названий более крупных объектов в экстралингвистических условиях конца 40-х годов XX века было весьма нежелательным по тем же самым идеологическим причинам.

При определении доли мемориальных и естественно-географических названий в группах поселений разного размера не было зафиксировано ни одной релевантной закономерности. Например, при рассмотрении первых четырех из шести групп процент мемориальных названий падает при переходе к каждой новой группе (34,5% → 24,4% → 22,5% → 19,7%), после чего необъяснимым образом начинает повышаться вплоть до 35,2% от соответствующей выборки ойконимов. Получается, что среди названий поселков с населением не более 10 человек фигурирует самое большое относительное количество мемориальных номинаций, что, по нашему мнению,

противоречит кажущемуся более логичным для любой кампании по реноминации населенных пунктов посвящению самых значимых или крупных поселков региона самым известным представителям советской лингвокультуры.

Итак, фактор размера имеет влияние на ход и результаты калининградских переименований только в одном из возможных аспектов.

На заключительном этапе анализа роли экстралингвистических факторов в отборе новых ойконимов мы рассмотрели роль местоположения населенного пункта при региональных переименованиях. Поскольку, как было обозначено выше, инициатива по отбору новых региональных ойконимов исходила, как правило, от районных властей, то этому фактору при исследовании было уделено особое внимание, причем между собой сопоставлялись именно кампании по переименованию на уровне 17 вновь образованных районов Калининградской области. По числу актов реноминации данные районы достаточно заметно отличаются друг от друга. Крупными в этом плане являются Озёрский с 242 переименованиями, Черняховский с 240 переименованиями и Приморский со 195 переименованиями. Меньше всего реноминаций было реализовано в Калининградском (63 акта), Правдинском (67 актов), Большаковском и Ладушкинском (по 69 актов) районах.

На первом этапе изучения действия фактора места были традиционно рассмотрены доли согласованных переименований, но теперь на уровне отдельных районов области. Было установлено, что соответствующие значения варьируют в пределах от 5,5% для Нестеровского района до 25,4% для Правдинского. От средней доли в 11,5% на район существенно отклоняются как раз только Нестеров и Правдинск. В абсолютных показателях лидерами по числу ойконимических согласований являются Славск и Полесск, в то время как Нестеров находится на противоположной стороне данной сравнительной шкалы. Первые места по количеству случаев использования идеологической антонимии принадлежат Железнодорож-

ному и Озёрскому районам (11 и 10 случаев соответственно). Больше всего переведенных с исходного языка ойконимов отмечено в Славске, в то время как в 4 районах области перевод не задействуется совсем. Аналогичным образом в 8 районах совершенно не применяется переосмысление как способ согласования ойконимов, хотя в Озёрском районе она реализуется 9 раз, а в Советском — 7.

Доля естественно-географических названий при их порайонном рассмотрении также колеблется в достаточно широких пределах (от 24% в Гусевском районе до 52% в Славском). Серьезные отклонения от ее среднего значения в 35,6%, превышающие 10%-ный порог, фиксируются не только в Гусеве и Славске, но и в Железнодорожном и Озёрском районах (в меньшую сторону), а также в Большаковском, Гвардейском, Калининградском и Правдинском районах (в большую сторону).

Наконец, средняя доля мемориальных названий в одном районе Калининградской области составляет 22,8%. Ее превышают более чем на 10% Озёрский (32%) и Железнодорожный районы (40%). Значительно более низкие доли мемориальных ойконимов характерны для Большаковского и Славского районов с их 11,6% и 10% соответственно.

Изучая общую картину воздействия фактора места на переименования в регионе, мы выяснили, что последовательнее всего тезисы ономастики, ориентирующей инициаторов переименований на согласования ойконимов, предпочтение естественно-географических номинаций и минимальное использование мемориальных названий, реализуются в Славском районе Калининградской области. Если считать, что в идеальной ситуации доля согласований ойконимов в одном районе должна быть выше ее среднего значения в 11,5%, доля естественно-географических номинаций должна превысить среднее значение в 35,6%, а доля мемориальных названий, наоборот, быть ниже среднего значения в 22,8%, то к числу ономастически последовательных районов на анализируемых территориях можно отнести также Большаковский, Гвардейский, Калинин-

градский и Правдинский. Обратные тенденции наиболее ярко свойственны таким районам области, как Гусевский, Нестеровский, Советский и Озёрский, расположенным в порядке возрастания ономастической непоследовательности в действиях властей при переименованиях географических объектов.

Исследователи социально-экономического развития Калининградской области предлагают выделять в регионе три так называемых макрорайона:

— западный, включающий в себя, согласно научным источникам, Полесский, Гвардейский, Калининградский и Правдинский районы (Федоров, 2009), а также, в соответствии с картографическими данными, Гурьевский, Багратионовский, Приморский и Ладущинский районы. В сумме в этом макрорайоне было осуществлено 1022 акта переименования населенных пунктов;

— северный, объединяющий Советский, Славский, Неманский и Краснознаменский районы, а по картографическим данным также и Большаковский район. Здесь были переименованы 576 поселений;

— юго-восточный, к которому принадлежат оставшиеся Черняховский, Гусевский, Нестеровский, Озёрский и Железнодорожный районы, где переименованиям подверглись 899 населенных пунктов.

В указанных макрорайонах доли согласованных переименований демонстрируют удивительную сопоставимость (12%, 9,4% и 10,3% соответственно).

Если рассматривать ономастическую последовательность реноминаций на уровне макрорайонов, то три из четырех ономастически непоследовательных районов оказались расположенными в юго-восточном макрорайоне Калининградской области. Ономастически последовательные районы распределились по оставшимся макрорайонам приблизительно в равных пропорциях, что показывает отсутствие привязки к макрорайону в данной сфере. Однако при изучении региональных карт становится очевидным, что наиболее последовательные районы тя-

нута своеобразной полосой с севера на юг по центральной части области с легким перекосом в западном направлении. В этом контексте естественным представляется предположение о влиянии на принятие решений в разных районах конкретного состава сформировавшихся в них комиссий по переименованию, поскольку близость предпочтений членов комиссий именно на этих территориях может предопределять близость подходов к переименованию (Петешова, 2024б). Тем не менее на настоящий момент в распоряжении специалистов имеются данные о составе комиссий лишь в шести районах Калининградской области (Маслов, 2019: 85), поэтому любые утверждения о региональных реноминациях в целом остаются лишь на уровне предположений.

Таким образом, мы видим, что нельзя говорить о четком влиянии времени переименования и размера переименованного населенного пункта на отбор новых ойконимов, в то время как фактор пространственного положения географического объекта в Калининградской области заметно сказывается на реноминациях городов, поселков и деревень, осуществленных советским руководством в конце 40-х годов прошлого века, что может объясняться участием в районных переименованиях членов комиссий со сходными идеологическими и эстетическими представлениями.

Глава 3

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

3.1. Способы согласования названий природных объектов при переименовании

Как и ойконимы, названия природных объектов Северо-Восточной Пруссии отличались разнородным языковым происхождением. В частности, на картах региона присутствовали следующие группы:

— немецкоязычные топонимы (649 единиц, или около 53,5% материала исследования), преобладающие во всех классах географических названий, за исключением гидронимов: *Kuhfließ* ‘коровий поток’, *Stadtberg* ‘городская гора’;

— топонимы балтийского происхождения (415 единиц, или 34%): *Bredaune* ‘лосиная’, *Laukne* ‘полевая’;

— топонимы с неясными основами (128 единиц), особенно широко представленные среди названий урочищ и рек: *Pilxen-Teich*, *Pülm*, *Iszlaudzsz*;

— топонимы с основами индоевропейского происхождения (16 гидронимов): *Droje* (от *dreu- / *dru ‘бежать’), *Deime* (от *dei- ‘течь’), *Omet* (от *am- ‘канал’);

— древненемецкие топонимы (6 названий урочищ): *Dothen* (предположительно от dut ‘холм’), *Dannenberg* (первый компонент предположительно восходит к dannen ‘далеко отсюда’) [EВBF].

В ходе сравнительного семантического анализа топонимических единиц, объединенных в 1214 пар, мы выяснили, что 34% переименований калининградских природных объектов являются согласованными. Для отдельных типов топонимов этот показатель оказывается более высоким (39,6% для гидронимов в целом, около 44% для потамонимов и примерно 39% для оронимов).

Все способы согласования соответствующих топонимов можно ранжировать по частоте представленности в материале нашего исследования следующим образом:

- 1) перевод (183 случая);
- 2) переосмысление (80 случаев);
- 3) одинаковая тематическая соотнесенность (65 случаев);
- 4) ассоциативное название (43 случая);
- 5) заимствование (26 случаев);
- 6) метонимическая соотнесенность (19 случаев) (Петешова, 2023в).

Рассмотрим каждый из данных способов согласования в отдельности.

Наиболее частотным из них, как мы видим, с большим отрывом является **перевод**. Исследование показало, что чаще всего переводятся гидронимы и оронимы, причем на 63 случая полного перевода (*Schwarzer Berg* → *гора Черная*, *Kurzer Graben* → *канавка Короткая*) приходятся 99 случаев частичного перевода.

Последний обязательно сопровождается переводческими трансформациями, среди которых имеют место:

— опущения одного компонента, как правило, второго, например, *Eichenfelder* ('дубовые поля') → *озеро Дубовское*;

— опущения нескольких компонентов: *Wehlauer Neuer Wald* ('новый лес Веллау') → *лес Новый*;

— замены: при переводе исходного топонима *Kahles Moosbruch* был заменен только один компонент со значением 'лысый', и получилось название урочища *Большое Моховое*;

— добавления: немецкий дримоним *Langer* ('долгий') был преобразован в русское название *лес Долгая Грива*;

— переосмысления: при трансформации *Alte Ossa* → *река Старая Оса* первый компонент калькируется, а второй, семантику которого ученым не удалось реконструировать, на основании внешнего сходства заменяется на русское слово «оса».

Как и в случае с ойконимами, при переименовании природных объектов относительно нередко применяется псевдоперевод, который реализуется в нашей выборке 21 раз, причем

в зависимости от языковых причин его осуществления можно разграничить пять разновидностей этого способа согласования топонимов:

1. Псевдоперевод, обусловленный неверной интерпретацией исходных немецкоязычных названий (8 примеров). Так, вместо гидронима *Beerenbruch-Graben* на региональных картах появилось обозначение *канавы Медвежья* в связи с определенной созвучностью компонента *Beeten* ‘ягоды’ с немецким словом *Vägen* ‘медведи’.

Однако большинство псевдосогласований этой разновидности базируется на ложной интерпретации оттопонимных названий как названий, образованных от формально напоминающих их апеллятивов. Например, дримомим *Kindscher Wald*, которому соответствует новый дримомим *лес Детский*, на самом деле образован не от существительного *Kind* ‘ребенок’, а от ойконима *Kindschen*.

2. Псевдоперевод, основанный на ложной трактовке исходных балтицизмов как немецких слов по причине их созвучия (5 примеров). В качестве иллюстрации можно привести акт переименования местного водоема *Stirtup-Bach* (от литовского *stirt* ‘остолбенеть’ и *upe* ‘река’, но формально напоминает немецкое слово *Stier* ‘бык’) → *ручей Быков*.

3. Псевдоперевод как перевод балтийских или иных по происхождению названий, которые, как показал этимологический анализ [ЕВВФ], ранее были переосмыслены местными носителями немецкого языка и формально уже совершенно не отличались от немецкоязычных топонимов (5 примеров). В частности, считается, что гидроним *die Liebe*, неотличимый от немецкого апеллятива со значением ‘любовь’, в действительности происходит от индоевропейского элемента *lei* ‘течь’. Тем не менее ему после переименования соответствует русскоязычный гидроним *река Любимая*.

4. Псевдоперевод названий с этимологически неясными основами, напоминающими современные немецкие слова (2 примера). Так, канава *Kyratgraben* сегодня называется *канавой Короткой*, поскольку первый компонент этой номинации близок к немецкому прилагательному *kurz* ‘короткий’;

5. Однократный псевдоперевод, основанный на ошибке составителей советского перечня географических объектов, подлежащих переименованию, при передаче графического облика исходного гидронима *Seebruch-Graben* как *Зибрун-грабен* буквами кириллического алфавита [РО]. В итоге исходная лексема приобретает фонетическое сходство с немецким числительным *sieben* ‘семь’ и переименовывается как *канава Семерка*.

Как и при анализе переименования населенных пунктов, мы выдвинули гипотезу, согласно которой перевод должен был использоваться инцидаторами реноминации только при согласовании новых топонимов с исходными немецкоязычными номинациями, поскольку в условиях отсутствия в составе комиссий квалифицированных специалистов в области лингвистики подлинному переводу подлежали только те восточно-пруссские топонимы, значения которых можно было найти в широко доступных немецко-русских словарях. Тем не менее по итогам изучения выборки выяснилось, что это утверждение не распространяется на восемь переведенных ойконимов балтийского происхождения (с той оговоркой, что большинство из них имели смешанные языковые корни, а потому допускали перевод немецкоязычных компонентов, сопровождающийся заменой компонента-балтицизма, как в примере *Große Plinis* (от немецкого ‘большой’ и балтийского ‘болото’) → *урочище Большие Кусты*). Кроме того, иногда переводу балтийских единиц благоприятствовало сходство их звучания с современными русскоязычными лексемами, что можно проиллюстрировать актом переименования *Prudimm* в канал *Прудный*.

Опровержением нашей изначальной гипотезы служит также то обстоятельство, что весьма нередко инцидаторы переименования природных объектов отказывались от перевода немецкоязычных топонимов, образованных от частотных лексических единиц, как правило, предпочитая независимый подбор новых названий (пример: реноминация *Schwänen* (немецкое ‘лебединый’) → *пруд Солдатский*).

Второе место по частотности среди способов согласования исходных и новых названий природных объектов Калинин-

градской области занимает **переосмысление**. Не все из 80 различных случаев характеризуются равной степенью фонетической близости двух топонимов. В материале нашего исследования, конечно, присутствуют «классические» переосмысления:

— *Augstos* (от древнелитовского *augst* ‘высокий’) → *гора Августовская*;

— *Kudras-Hügel* (переосмыслению подвергается только первый компонент прусского происхождения со значением ‘торф’ или ‘мох’) → *гора Кудрявая*.

Однако здесь имеют место и отдаленные переосмысления, основанные на минимальном формальном сходстве двух топонимических единиц:

— *Delinga* (от балтийского *delu* ‘исчезать’) → *река Удельная*;

— *Widitte* (от литовского *vidus* ‘середина’, в данном случае имеется в виду середина Земландского полуострова) → *река Водичка*.

Как и при анализе переосмысления ойконимов, при изучении степени влияния языковой принадлежности исходного названия природного объекта на выбор способа согласования при переименовании мы предположили, что переосмыслению должны были подвергаться только исходные ненемецкие номинации, то есть топонимы с неясными основами и топонимы-балтицизмы, потому что, не имея возможности провести полноценный этимологический анализ таких лексических единиц в связи с недоступностью источников и отсутствием лингвистического образования, советские власти могли оперировать для топонимического согласования только формальными признаками восточнопрусских номинаций. Если условно отнести к числу ненемецких топонимов те названия урочищ и водоемов, которые образованы от ненемецких ойконимов, то наше предположение подтверждается лишь частично, так как 13 из 80 наличных переосмыслений затрагивают однозначно немецкоязычные номинации урочищ и водных объектов региона (*Federgraben* (от немецкого ‘перьевая канава’) → *канава Федоровка*).

Что касается **одинаковой тематической соотнесенности** как способа согласования номинаций природных объектов, то она представлена при переименовании лесов, водоемов, различных форм рельефа и урочищ в значительно меньшем объеме, чем при реноминации населенных пунктов, однако, как и в случае с последними, обычно такое согласование связывает фитотопонимы, образованные от названий растений различных биологических видов, что наблюдается в следующих актах переименования: *Fichtenberg* ‘сосновая гора’ → *гора Дубовая* или *Vuduppe* ‘грибная река’ → *река Дубовка*.

Вместе с тем зафиксированы случаи переименования, при которых оба задействованных топонима образованы от апеллятивов, связанных с другими характеристиками природных объектов, например, с рельефом местности (*Falzbruch* ‘болото с выемкой’ → *урочище Канавы*) или с ее фауной (*Kussuppe* ‘комариная река’ → *река Веснянка*).

Сюда же мы относим акты реноминации природных объектов, названных по тому или иному населенному пункту, при которых новый топоним также образуется от ойконима, если речь идет о другом населенном пункте, как при переименовании *Koskeimscher Teich* ‘Коскаймский пруд’ (поселок Коскайм был расположен в Северо-Восточной Пруссии) в *пруд Красноярский* (очевидно, что город Красноярск территориально не имеет никакого отношения к Калининградской области).

Следующими по частотности в региональном топонимическом материале являются согласования топонимов таким способом, как **ассоциативное название**. Как было указано выше, оно предусматривает выбор не прямого переводного эквивалента исходного географического названия, а некой лексической единицы русского языка, связанной с указанным эквивалентом на уровне ассоциаций (зачастую на уровне метафоризации). Так, при реноминации *Funkenberg* → *гора Костер* обыгрывается сходство искры с пламенем костра, а при реноминации *Klingeberg* → *гора Острая* принимается во внимание

острота как сущностный признак любого клинка (немецкое *Klinge* — ‘клинок’). В то время как при одинаковой тематической соотнесенности сходство мотивирующих признаков чаще всего воспринимается как случайное совпадение, здесь при отборе нового топонима инициаторы переименования всегда опираются на знание переводческого эквивалента исходной номинации природного объекта.

Помимо собственно ассоциативных названий, на картах Калининградской области зарегистрированы пять псевдоассоциативных. Они предусматривают поиск ассоциаций с ошибочно подобранным переводческим эквивалентом. Как правило, речь при этом идет о первичном псевдопереводе топонимов-балтицизмов, например, в акте переименования *Mauer-Graben* → *река Каменка*, где исходный гидроним, на самом деле образованный от прусского *maurai* ‘ряска’, был задолго до советских переименований переосмыслен носителями немецкого языка, в результате чего его буквальным переводом становится словосочетание ‘стенная канава’. Естественно, что одним из основных материалов для построения стен в сознании носителей русского языка служит камень.

Предпоследнюю позицию в ряду способов согласования топонимов занимает **заимствование**. При его реализации осуществляются транслитерация как переход к графике русского языка и приспособление топонимов к новым фонетическим нормам, но в целом сохраняется максимальное сходство географических названий с исходными номинациями. По этой причине заимствованные топонимы уже не описывают даже косвенно какие-либо признаки именуемых природных объектов и являются совершенно немотивированными для новых жителей области. Правда, в одном случае можно говорить о четкой новой мотивировке русского топонима после заимствования: при переименовании *Omet* → *река Омет* исходный топоним индоевропейского происхождения со значением ‘канал’ после своего включения в русскую топонимическую систему поменял свою семантику и стал обозначать солому, сложенную большой кучей.

При анализе не было зафиксировано ни одного заимствования восточнопрусских оронимов, однако при переименовании других классов природных объектов этот способ согласования применяется довольно активно, о чем свидетельствуют примеры актов реноминации:

- лесных массивов: *Buylieen* → *лес Буйленская Дача*;
- урочищ: *Kuyschen* → *Квишен*;
- стоячих водоемов: *Marinowo-See* → *озеро Мариново*;
- проточных водоемов: *Pissa* → *Писса*, *Nemonien* → *Немонин*;
- прочих водоемов, например канав и каналов: *Pissa-Kanal* → *канал Писса*.

Очевидно, что среди заимствований преобладают гидронимы, что полностью согласуется с распространенным тезисом современной ономастики, согласно которому гидронимы являются крайне ценным источником сведений о жизни и деятельности людей, проживающих на конкретных землях, а потому традиционно отличаются повышенной стабильностью на фоне других классов топонимов.

Также важно подчеркнуть, что непрменные транслитерация и фонетические трансформации в отдельных случаях могут сопровождаться при заимствовании названий природных объектов некоторыми другими ассимилятивными процессами, например, морфологическими преобразованиями от добавления словообразовательных формантов, характерных для языка-реципиента (как при реноминации *Schmacker* → *река Шмаковка*), до весьма серьезных изменений, например *Wystiter See* → *озеро Виштынецкое*.

Еще одной гипотезой, от которой мы отталкивались при анализе топонимических заимствований, стало предположение об их частотной реализации при переименовании самых протяженных рек и каналов бывшей Северо-Восточной Пруссии. Однако она совершенно не подтвердилась, так как из 12 названий рек, длина которых превышает 50 километров, были

заимствованы лишь 6 (*Анграпа, Инструч, Неман, Писса, Преголя* и *Шеиупе*). Остальные заимствования затрагивают, прежде всего, реки протяженностью от 30 до 40 километров, но без объяснения мотивов применяются также для реноминации небольших рек, например *Скардуны* (11 километров) или *Шмаковки* (12 километров), что свидетельствует о непоследовательности действий со стороны советских властей.

В рассмотренной нами выборке были обнаружены два примера заимствований, которые фигурируют на картах региона наравне с другими официальными названиями тех же самых природных объектов (например, на Куршской косе присутствует отметка «*залив Тёплый (бухта Брокист)*»), где первый вариант топонима никак не связан с исходной номинацией водоема). Попытка изучить особенности реального функционирования таких «двойных» названий приводит к неоднозначным результатам. Так, по данным Государственного водного реестра по Калининградской области, действительно протекает *канал Головкинский (Тимбер)*, название которого мы именно в таком виде обнаруживаем на карте. Вместе с тем в одном из местных законов от 30 июня 2008 года упоминается канал, в номинации которого производится перестановка компонентов — *Тимбер (Головкинский)*, а на пользовательском сайте Рыбалтика в беседах рыбаков попеременно фигурируют то *канал Тимбер*, то *канал Головкинский*.

Резюмируя сказанное по поводу заимствований, следует указать на то, что любой факт их реализации подтверждает ту или иную степень стремления инициаторов переименований к сохранению исторической памяти при отборе новых названий природных объектов.

Последнее место среди способов согласования исходных и новых номинаций природных объектов занимает **метонимическая соотнесенность**. При таких согласованиях, как правило, фиксируемых при реноминации рек, и исходный, и новый топоним происходят от имени одного и того же природного

объекта, расположенного поблизости и также подвергнувшегося переименованию. Такая соотнесенность представлена, в частности, в следующих примерах:

— в акте реноминации *Waldauer Beek* → *река Низовка*, где исходный гидроним является производным от ойконима *Waldau*, который на советских картах, в свою очередь, был заменен на ойконим *Низовье*;

— в случае переименования канала *Narpe* в *Нерпа*, названного в честь близлежащей реки, которую немцы именовали *Narpe*, а русские заменили на *Нерпу*.

Таким образом, мы видим, что, как и в вышеописанной ситуации с реноминациями населенных пунктов, далеко не все переименования природных объектов были осуществлены без учета формы или семантики исходных географических названий. Доля согласованных переименований лесов, урочищ, водоемов и различных форм местного рельефа на общем фоне представляется весьма значительной.

3.2. Семантическая характеристика новых названий региональных природных объектов

При исследовании региональных переименований лесов, различных форм рельефа, урочищ и водоемов, как и при анализе ойконимов, нами проводилось сопоставление всех представленных лексико-семантических групп восточнопрусских и советских географических названий вне зависимости от того, был ли каждый конкретный акт реноминации согласованным или независимым. В результате анализа было установлено почти полное совпадение тех наборов семантических признаков, на основании которых выделяются группы исходных и новых топонимов. В таблице 4 представлены десять первых по частотности позиций подобных лексико-семантических групп, при сравнении которых легко заметны соответствующие тенденции.

Основные лексико-семантические группы исходных и новых названий природных объектов

Лексико-семантические группы исходных топонимов	Лексико-семантические группы новых топонимов
1. Отойконимные номинации (297): <i>Saatsforst</i> 'государственный лес Падройен' (расположен у одноименного поселения), <i>Mildschener Wiesen</i> 'Мульдженские луга' (граница с поселком Мульджен), <i>Sodelener Berge</i> 'Зодененские горы' (находятся у поселка Зоденен)	1. Топонимы, указывающие на внешний вид природного объекта (168): <i>лес Длинный, урочище Круглое, гора Красная</i>
2. Фитотопонимы (115): <i>Erlenwald</i> 'ольховый лес', <i>Lindenhof</i> 'липовый двор', <i>Axhurre</i> (от балтийского 'ольховая река')	2. Отойконимные номинации (167): <i>лес Полесский</i> (от ойконима Полесск), <i>залив Калининградский, река Большаяковка</i> (от ойконима Большаяковка)
3. Зоотопонимы (75): <i>Hengstbruch</i> 'болого жеребцов', <i>Hasenberg</i> 'заячья гора', <i>Karpfen-Teich</i> 'карповый пруд'	3. Фитотопонимы (120): <i>озеро Камыши, гора Сосновая, река Калиновка</i>
4. Топонимы, отражающие структурные свойства природного объекта (74): <i>Lehmügel</i> 'глиняный холм', <i>Tilszele</i> (от балтийского 'болотистый'), <i>Eutemis</i> (от балтийского 'река со струящейся водой')	4. Топонимы, отражающие рельеф местности (93): <i>урочище Бугры, урочище Ровное, озеро Подгорное</i>
5. Топонимы, указывающие на внешний вид природного объекта (72): <i>Raging</i> (от балтийского 'выдающийся вперед'), <i>Vambel</i> (от балтийского 'изогнутый'), <i>Jodurre</i> (от балтийского 'черная река')	5. Отгидронимные номинации (91): <i>лес Шейуптский</i> (у реки Шешупе), <i>канал Лавский</i> (у реки Лавы), <i>озеро Виковское</i> (у реки Вики)

Лексико-семантические группы исходных топонимов	Лексико-семантические группы новых топонимов
6. Номинации по близлежащему сооружению (62): <i>Mühlberg</i> 'мельничная гора', <i>Höft-Graben</i> 'канавка с плотинной', <i>Damm-Teich</i> 'пруд с дамбой'	6. Зоотопонимы (74): <i>лес Олений, гора Барсуки, озеро Воронье</i>
Отгидронимные номинации (62): <i>Gilge Bruch</i> 'болото на реке Гильге', <i>Tilszele-Berg</i> 'гора на реке Гильше', <i>Vudup-Bach</i> 'ручей у реки Будуп'	7. Топонимы, фиксирующие функцию природного объекта (44): <i>Lagerberg</i> 'лагерная гора', <i>Perspektivberg</i> 'гора, с которой открывается перспектива', <i>Exercier Platz</i> 'площадь для занятий строевой подготовкой'
8. Топонимы, отражающие рельеф местности (43): <i>Doben</i> (от балтийского 'пещера, полость'), <i>Pregel</i> (от балтийского 'в глубоком месте'), <i>Parwe</i> (от балтийского 'овраг')	7. Топонимы, фиксирующие функцию природного объекта (72): <i>урочище Дачное, гора Обзорная, канал Обходный</i> Топонимы, отражающие структурные свойства природного объекта (72): <i>река Гнилая, озеро Проточное, лес Сухой</i>
9. Номинации, обозначающие местоположение природного объекта (29): <i>West-Kanal</i> 'западный канал', <i>Oberteich</i> 'верхний пруд', <i>Ušzub</i> (от балтийского 'по ту сторону реки')	8. Номинации, обозначающие местоположение природного объекта (60): <i>лес Северный, урочище Ближнее, болото Западное</i> 9. Номинации, дающие оценку природного объекта (41): <i>холм Дурной, болото Великое, озеро Дивное</i>

При анализе данных лексико-семантических групп обращают на себя внимание два важных различия в наборах мотивирующих признаков исходных и новых топонимов. Во-первых, на картах Восточной Пруссии почти не фигурируют оценочные названия природных объектов (7 случаев, например, урочище *Schönwiese* 'красивый луг'), в то время как в новой топонимической системе через 41 оценочную номинацию отчетливо проявляется субъективизм номинаторов-переселенцев.

Во-вторых, в Калининградской области серьезно сокращается количество топонимов, восходящих к обозначениям близлежащих сооружений (19 случаев, например, *пруд Мельничный*, *река Шлюзовая*), поскольку на берегу водоема или в горах того или иного строения уже не имеет для современного жителя СССР такого же большого значения, как в эпоху становления восточнопрусской топонимической системы.

Помимо этого, нами выявлена приблизительно равная представленность в двух топонимических системах фитотопонимов и номинаций, образованных от названий расположенных неподалеку населенных пунктов. Однако большинство восточнопрусских отойконимных названий (а именно 31 единица из 32) выводится из местных ойконимов, в то время как советские отойконимные топонимы, прежде всего, содержат отсылку к топонимам-мигрантам (например, из 30 потамонимов 23 единицы заимствованы с карт других регионов РСФСР). Несмотря на то, что в «Материалах о переименовании...» присутствуют только обоснования отбора ойконимов-мигрантов, можно предположить, что аналогичные тенденции действуют в сфере названий природных объектов, в частности, при выборе потамонимов *река Литовка*, *река Мордовка* или *река Московка*.

В архиве полностью отсутствуют документальные указания на причину отбора практически всех новых названий природных объектов, однако, изучая мотивировки новых населен-

ных пунктов по тексту выше упомянутых «Материалов...», можно попутно сделать вывод о том, что в Калининградской области, в отличие от множества других областей, где поселки обычно называются в честь близлежащих рек или озер, несколько рек, наоборот, получили отойконимные названия. Это касается, к примеру, *реки Матросовки* (у *поселка Матросово*) или *реки Красной*. Хотя обратная тенденция также имеет место на рассматриваемых территориях: название *поселка Светлое* якобы происходит от названия реки.

В процессе сопоставления географических названий до и после переименования были описаны и более редкие семантические признаки номинаций, в результате чего было выяснено, что не все акты реноминации были нацелены на полную ликвидацию топонимов, фиксирующих различные религиозные символы. Конечно, доля теотопонимов в советском регионе существенно падает по сравнению с аналогичной группой на картах его исторического предшественника (с 23 до 10 случаев, 7 из которых — оронимы), однако все новые теотопонимы согласованы с исходными семантическими способами, то есть или через перевод (*Kreuzberg* → *гора Крестовая*), или через ассоциативные названия (*Kapuziner-Berg* → *гора Монах*).

При этом, несмотря на интуитивную уверенность общественности в обратном, число мемориальных названий природных объектов в ходе предполагаемой советизации Калининграда почти не увеличилось, составив 13 единиц в новой топонимической системе против 12 исходных мемориальных топонимов. Правда, виды деятельности увековеченных предшественников двух культур совершенно не совпадают.

Прусские мемориальные названия природных объектов посвящены деятелям следующих социальных групп:

- 1) короли (7 топонимов, например, *Karlberg* или *Groß-Friedrichsgraben*);
- 2) художники и политики (по 2, в частности, урочище *Bismarck* и предположительно *Altdorfer Berg*);
- 3) фабриканты (всего 1 единица — *Postell-Wald*).

Соответствующие советские мемориальные топонимы образованы от фамилий:

1) военнослужащих (6, например, *лес Гастелловский* или *залив Ушаковский*);

2) революционеров (5, среди них — *реки Ульяновка* и *Ильичевка*);

3) ученых и писателей (по 1: *урочище Мичуринское* и *пруд Чеховский*).

По своему происхождению все исходные топонимы-посвящения имеют только немецкоязычные корни, а новые мемориальные топонимы естественным образом являются только русскоязычными, однако степень «советизации» названий калининградских природных объектов существенно превосходит подобную степень, рассчитанную для новых ойконимов, поскольку 10 из 13 мемориальных названий природных объектов соотносятся с фамилиями советских деятелей (*лес Фрунзенский* назван в честь советского революционера, *канал Головкинский* — в честь советского военнослужащего и т. п.), а из трех оставшихся закрепленных в географических названиях фамилий досоветской эпохи одна принадлежит русскому народному герою, деятельность которого вполне укладывалась в русло советской идеологии (имеется в виду антропотопоним *пруд Пугачевский*).

Еще один важный аспект исследования мемориальных номинаций природных объектов сопряжен с установлением наличия или отсутствия связи увековеченного лица с историей той местности, в которой получает официальное хождение тот или иной антропотопоним. В системе исходных номинаций подобной связанностью характеризуются 9 названий. Так, 7 природных объектов носят имена королей Пруссии (например, *лес Wilhelmsbruch* или *лес Friedrichstein*); гора *Willmannberg* предположительно названа в честь немецкого художника, родившегося в Кёнигсберге, столице Восточной Пруссии, а *лес Postell-Wald* напоминает о немецком фабриканте, который

провел часть своей жизни в в этом регионе. Применительно к новой антропотопонимии связью упомянутого нами типа отличается только 1 название — дримоним *лес Головенский*, в основу которого положена фамилия Героя Советского Союза Гая Петровича Головенского (в других источниках — Головинского), проявившего себя во время штурма Кёнигсберга.

Если значительная доля мемориальных ойконимов на изучаемых территориях образуется от повторяющихся личных имен, то среди новых названий природных объектов повторы такого рода оказались не представленными вообще, а в исходном языковом материале присутствуют лишь два подобных случая: на карте отмечены горы *Karlsberg* и *Karlberg* и два объекта, названных в честь короля Фридриха, — канал *Groß-Friedrichsgraben* и лес *Friedrichstein*.

Наконец, в отличие от ойконимов, имена природных объектов, находящихся на территории изучаемого региона, характеризуются невысокой идеологической нагрузкой: она затронула лишь 25 соответствующих топонимических единиц. Можно предположить, что это обстоятельство обусловлено меньшей престижностью номинаций природных объектов по сравнению с обозначениями городов и поселков, а следовательно, и возможностью снижения степени их идеологизации в новом обществе. Кроме того, многие из тех названий природных объектов, которые на первый взгляд кажутся советонимами, в действительности восходят не к именам знаменитых представителей советской культуры, а к отфамильным названиям близлежащих населенных пунктов, несущих идеологию СССР (*лес Фрунзенский* от пос. *Фрунзенское*, *лес Головенский* от пос. *Головенское* и т. п.).

С другой стороны, в наличной выборке названий природных объектов имеется серия из трех интересных примеров интерпретации исходных топонимов как эквивалентов идеологически нагруженных русских слов, учтенной при согласованных переименованиях соответствующих форм рельефа и водоемов. Рассмотрим все эти примеры.

1. Частичный перевод *Roterwald-Berg* → *гора Красная* (из трех компонентов исходной номинации — ‘красный’, ‘лесной’ и ‘гора’ — для советского руководства значимым оказался лишь символический первый компонент).

2. Псевдоперевод *Rothener Bank* → *мель Красная Банка*, где исходный топоним образован вовсе не от символической лексемы «красный», а от регионального ойконима (кстати, второй компонент переведен на русский язык совершенно верно);

3. Ассоциативное название *Blocksbach* → *ручей Союзный*, где первый компонент исходного названия отсылает к некому объединению стран или партий, а новое название, подсознательно апеллирующее к обозначению советского государства, при своем буквальном прочтении также связано с каким-то объединением.

С другой стороны, в наличной выборке названий природных объектов имеются случаи интерпретации исходных топонимов как эквивалентов идеологически нагруженных русских слов. Это учитывалось при согласованных переименованиях соответствующих форм рельефа и водоемов. Примером может послужить псевдоперевод *Rothener Bank* → *мель Красная Банка*, где исходный топоним образован вовсе не от символической лексемы «красный», а от регионального ойконима.

Подводя общий итог семантического описания названий природных объектов, включенных в акты массовых послевоенных реноминаций, нельзя не отметить общую непоследовательность всей кампании, которая проявилась в неупорядоченности архивных источников по теме; в заметном доминировании независимых переименований над согласованными; а также в невозможности логического обоснования использования тех или иных способов согласования при реноминации, которые не коррелируют с языковой принадлежностью исходных топонимов. Однако наборы основных лексико-семантических групп исходных и новых топонимов практически совпадают, что демонстрирует похожие подходы к номинативной

деятельности при изначальных наименованиях, с одной стороны, и при переименованиях, с другой. Кроме того, инициаторам переименований удалось в достаточно высокой мере сохранить элементы европейского культурного наследия при формировании новой региональной топонимической системы, что подтверждает интуитивное соблюдение ономастических принципов при калининградских переименованиях.

3.3. Особенности переименования отдельных классов природных объектов

В ходе исследования калининградских переименований конкретных классов природных объектов были выявлены некоторые их специфические черты, на которых, на наш взгляд, целесообразно остановиться подробнее.

1. Переименования рек.

Для восстановления графического облика исходных потамонимов нам нередко приходилось сопоставлять между собой данные архивных документов, восточнопрусских и калининградских карт, в результате чего был обнаружен факт необъяснимого разбиения при реноминации 16 немецких рек на пары или тройки отдельных рек, каждая из которых получала от инициаторов переименования свое собственное географическое название. К числу подобных сложных переименований относятся акты *Lerone* → *Лепона* и *Lerone* → *Луповка*, а также прокомментированные в самом решении Калининградского облисполкома реноминации двух течений реки *Tams-Graben* (западное течение — *река Перелесная*, северное течение — *река Тёмная*).

Более понятной с позиций социокультурного анализа можно считать обратную ситуацию, представленную 17 конкретными случаями, когда советские власти дают одно название реке, разные течения которой исторически имели у немцев различающиеся наименования (*Гурьевкой* стали называться прежние реки *Jordan-Fließ*, *Rinauer Beek* и *Mühlen-Fließ*; вместо двух потамонимов *Ballup* и *Schwarzes Fließ* на карте Кали-

нинградской области теперь фигурирует один потамоним — *река Черная*). Исторически сложилось так, что во многих случаях на разных участках течения протяженных рек проживали разные группы людей, в языке каждой из которых существовало собственное название только для хорошо знакомого этой группе участка. Это обстоятельство становилось известно только после знакомства с другими группами людей. В итоге одна река имела сразу несколько различных номинаций (Беляев, 2013: 56), и решение советских властей, несмотря на несоответствие историческим традициям, все же позволяло восстановить своеобразную географическую справедливость.

Наконец, в ходе исследования было выявлено, что именно в сфере потамонимов чаще всего реализуются заимствования как способ согласования номинаций природных объектов. Здесь насчитывается 19 случаев заимствования при общем их количестве, составляющем 26 единиц. Указанный способ согласования исходных и новых топонимов занимает применительно к названиям рек третье место из шести зафиксированных для данного класса природных объектов.

2. Переименования озер.

В отношении этого класса природных объектов необходимо отметить, что, вопреки декларируемой опоре на донацистский картографический материал, инициаторы кампании по переименованиям в 15 случаях опирались на нацистские карты, что тем не менее можно объяснить отсутствием некоторых лимнонимов в донацистских материалах (примеры — лимнонимы *Ponitter See*, *Spohr-See*). Еще в одном случае данная логика нарушается, поскольку аналог русского *озера Домашнего* из документальной пары *Seehausener See* → *озеро Домашнее* не подписан ни на одной из немецких карт, но на обеих картах подписан поселок, рядом с которым находится это озеро (*Schorschnehlen* на донацистских картах, *Seehausen* на нацистских картах). Как мы видим, предпочтение нацистского варианта как якобы исходного лимнонима здесь ничем не оправдано.

Ранее уже было указано, что при реноминациях во всех сферах калининградской топонимии инициаторы переименований непоследовательно и немотивированно отбирали в качестве новых наименований повторяющиеся лексические единицы. Среди названий природных объектов эта тенденция особенно остро проявилась в лимнонимической сфере, в частности, при выборе таких географических названий, как *пруд Верхний* (трижды), *озеро Утиное* (трижды), *озеро Большое* (дважды), *озеро Лесное* (дважды), *озеро Рыбное* (дважды) и *озеро Камыши* (также дважды).

Справедливости ради обратим внимание на то обстоятельство, что повторы лимнонимов можно наблюдать и в немецкой топонимической системе. Помимо множества прудов *Mühlenteich* на карте Северо-Восточной Пруссии, решение облисполкома указывает на наличие в регионе двух прудов *Oberteich*, двух прудов *Fauler Teich* и двух прудов *Waldteich*. Поэтому о значительном ухудшении ситуации в плане введения необоснованных дуплетных форм после советских переименований речь вести не приходится.

3. Переименования болот.

При реноминации этого класса водоемов доля согласованных переименований оказывается относительно низкой, составляя около 19% всего материала исследования (или 6 случаев), причем используется только один способ согласования гелонимов — перевод, проявляющийся в трех разновидностях:

— полный перевод (2 случая): *Schwarzes Bruch* → *болото Чёрное*; *Habichtsbruch* → *болото Ястребиное*;

— частичный перевод (3 случая): *Großes Bärenbruch* → *болото Большое* (при переводе опускается первый элемент второго слова со значением ‘медвежье’);

— псевдоперевод (1 случай): *Duhnausches Bruch* → *болото Дунайское*. В отличие от предыдущего примера, название населенного пункта *Duhnau*, в честь которого получило имя болото, этимологически не связано с гидронимом *Donau* (Дунай), с которым ассоциируется у любого носителя русского языка выбранный инициаторами переименования гелоним, несмотря на формальное сходство двух задействованных слов.

Помимо этого, анализ продемонстрировал для класса гелонимов самые яркие несовпадения в наборах исходных и новых семантических признаков, положенных в основу наименований. Сходство заключается только в обилии в обеих топонимических системах лексико-семантических групп, к которым относится лишь один гелоним.

С другой стороны, исходные и новые гелонимы обладают более существенными структурными сходствами, чем немецкие и русские гидронимы или даже немецкие и русские топонимы в целом. Например, если среди русскоязычных гидронимов как широкого класса названий водоемов преобладают наименования, образованные путем субстантивации имен прилагательных (например, озеро *Камышевое* от прилагательного «камышевый» или болото *Кабанье* от прилагательного «кабаний»), то в соответствующем исходном языковом материале превалируют гидронимы, образованные по трем моделям: сложения (*Schönfließ*, *Industriehafen*), составные топонимы (*Masurischer Kanal*, *Stobben Teich*) и простые топонимы с нулевыми формантами (*Russ*, *Laak*). При этом данные структурные различия в анализируемых гидронимических системах являются почти неизбежными, когда мы имеем дело с совершенно разными языками, каждый из которых объективно обладает специфическими тенденциями в области словообразования и собственными продуктивными словообразовательными моделями; в таких условиях решения конкретных инициаторов переименований не могут существенно повлиять на изменение общей картины.

Что касается уровня сопоставления исходных и новых региональных гелонимов, то в обоих их пластах наибольшее распространение получили составные номинации с атрибутивной связью между компонентами.

Так, в исходном материале нашего исследования имеется 16 составных (*Packledimmer Moor*, *Schorschinehler Bruch*) и 16 сложных (*Maltbruch*, *Torfmoor*) географических названий. В каждом из них в качестве второго компонента используются

традиционные географические термины, в роли которых выступают не только древнебалтийские обозначения болот *Balis* или *Plinis*, но и типично немецкие географические термины *das Moor* (при именовании болотистых территорий с мелкими растениями) или *das / der Bruch* (при именовании болот, над которыми возвышаются деревья или кустарники).

Среди составных гелонимов, появившихся на региональной карте после принятия решения облисполкома № 560, 78% построены по типичной модели «имя прилагательное + географический термин “болото”» (исключениями являются только такие названия, как *Залесье*, *Кирпичики*, *Торфяной Бугор* и *Чарус*).

4. Переименования мелких водоемов.

Анализируя согласованные переименования каналов, канав и ручьев Калининградской области, невозможно не обратить внимание на тот факт, что в отобранном массиве реноминаций чаще, чем у других классов природных объектов, появляются псевдосогласования, основанные на ошибках инициаторов переименований в трактовках восточнопрусских географических названий, причем не только псевдопереводы, но и псевдоассоциативные названия, примеры которых приводились нами выше.

Помимо этого, мелкие водные объекты являются единственной сферой переименований, в которой так или иначе проявляется зависимость между языковой принадлежностью исходной единицы и тем способом согласования, которому отдается предпочтение при отборе соответствующего нового топонима. Так, только здесь перевод используется исключительно по отношению к немецкоязычным географическим названиям (несмотря на то, что лишь малая часть немецкоязычных гидронимов в принципе оказывается согласованной при реноминации), а переосмысление почти всегда действует только применительно к ненемецким топонимам (из 12 ситуаций лишь 2 затрагивают немецкоязычные гидронимы — *Federgraben* и *Sittengraben*).

5. Переименования различных форм рельефа.

В ходе реноминации гор, холмов и мысов были допущены весьма многочисленные ошибки. Например, некоторые формы восточнопрусского рельефа, имеющие собственные названия, по непонятной причине потеряли их на калининградских картах. На одной только Балтийской косе нами зафиксированы четыре таких оронима: *Langhaken*, *Kahlberg*, *Ritthers Haken* и *Kielmanns Haken*. Кроме того, на советских картах региона некоторые исходные названия, акт реноминации которых не зарегистрирован в архивном документе, были записаны в русской транскрипции. Это касается, в частности, номинаций балтийских мысов *Рундерпорт* и *Штрале Екке* (в оригинале, конечно же, *Strahlsecke*).

Также отдельного внимания заслуживает тот факт, что одна из лидирующих лексико-семантических групп исходных оронимов — отойконимные оронимы — становится одной из самых малочисленных после реализации кампании по переименованию. Их примеры единичны: *мыс Гданьский*, *мыс Гвардейский*, *Rudauscher Berg* (от ойконима *Rudau*), *Dollkeimer Berg* (от ойконима *Dollkeim*).

6. Переименования лесов.

В этой сфере нами было зарегистрировано весьма значительное количество интересных особенностей. Так, недоумение исследователя вызывают отдельные ложные соответствия исходных и новых дримонимов. Например, согласно картографическим данным, массив *Samländischer Küstenhain* тянется узкой полосой вдоль побережья от Балтийской косы до Кранца (современного Зеленоградска), в то время как одно из его новых документальных имен — *Приморский* — принадлежит лесу, расположенному на побережье к северу от Лабиау (современного Полесска). Аналогично в разных частях карты находятся элементы пары *Klein Naujock* → *лес Северная грива* (в действительности *лес Северная грива* до 1947 года назывался *Erlenwald* ‘ольховый лес’).

При составлении решения облисполкома была допущена серьезная ошибка, которая подтверждает сложности в интерпретации немецких названий, возникшие у инициаторов советских переименований. Речь идет о вынесении в качестве исходного элемента некоторых топонимических пар самого обозначения типа природного объекта, то есть немецкоязычного слова с семантикой ‘лес’, которое, входит в состав практически всех изначальных дримонимов⁴, что делает указанную ошибку в некоторой степени странной для читателей решения, знакомых с немецким языком. В частности, это касается пар *Staats Forst* (немецкое ‘государственный лес’ с орфографическим искажением) → *лес Дюнный*, *Stadtwald* (немецкое ‘городской лес’) → *лес Правдинский* или *Stadtwald* → *Заказный*. Трактовка третьего примера в этом перечне существенно затрудняется еще и по той причине, что на русскоязычных картах местности дримоним *Заказный* совершенно отсутствует.

При изучении региональных дримонимов возникают заметные сложности с количественными подсчетами, что связано с неоднократными повторами одних и тех же названий в архивном документе. В решении облисполкома не менее двух раз повторяются 18 исходных наименований лесов и 25 их новых номинаций. При этом чаще всего в актах переименования задействованы прусско-немецкие дримонимы *Kobbelbude*, *Klein Naujock*, *Fritzen*, *Schnecken* (каждый из них упоминается по 4 раза) и русские единицы *Крестьянский* (8 повторов), *Приморский* (5 повторов), *Красный*, *Полесский*, *Сосновский* и *Фрунзенский* (по 4 повтора на каждый). Лишь немногие из этих повторов обусловлены функционированием на картах тезоименных географических названий (3 случая среди исходных и 4 среди новых дримонимов).

Все остальные повторы объясняются особенностями отдельных актов реноминации. В этом отношении показательным является троекратно упомянутый в решении облисполко-

⁴ Оговорим заранее: почти во всех приведенных примерах переименования лесов обозначение *Staatsforst* намеренно опускается нами из соображений краткости и большей обзорности.

ма русский дримоним *лес Большаковский*. Такое название получают по итогам переименования два восточнопруссских леса недалеко от современного поселка Железнодорожный — *Astrawischken* и *Gnier Kirchenwald*, потому что визуально они представляют собой на карте единый лесной массив из-за плавного перехода друг в друга. Однако точно такое же название — *лес Большаковский* — получает после реноминации еще один бывший лес Восточной Пруссии, локализованный весьма далеко от первого описанного леса Большаковского, а именно в Славском районе на севере Калининградской области.

Основной причиной повторяемости дримонимов в тексте документа являются, по-видимому, сложности с трактовкой восточнопруссских карт, при работе с которыми, как будет видно ниже по приводимым примерам, достаточно трудно проводить границы между отдельными лесными массивами. По крайней мере, это утверждение справедливо по отношению к двум типам переименований, порождающих повторяющиеся дримонимы:

а) объединение двух плавно перетекающих друг в друга немецких лесов под единым советским названием. К этому типу переименований относятся 18 случаев:

— *Astrawischken* + *Gnier Kirchenwald* = *лес Большаковский*;

— *Kobbelbude* + *Fischhausen* = *лес Балтийский*;

— *Samländischer Küstenhain* + *Kobbelbude* + *Lochstädter Wäldchen* = *лес Балтийский заповедник*;

— *Fuchshöfener Wald* + *Frisching Tapiau* = *лес Гвардейский*;

— *Greiben* + *Bartenhofer Wald* + *Pogirmer Wald* = *лес Головенский*;

— *Neumühler Wald* + *Schönwalder Wald* = *лес Красивый*;

— *Rominten* + *Warnen* + *Nassawen* + *Schittkehmen* = *лес Красный*;

— *Bauerwald* + *Böttchersdorfer Wald* + *Gerdauer Stadtwald* + *Neuendorfer Wald* + *Schloss Gerdauen* + *Gerdauener Stadtwald* + *Schakenhofer Wald* + *Friedenberger Kirchenwald* = *лес Крестьянский*;

- *Wilter Wald + Groß Wohnsdorfer Wald* = лес Новая роща;
- *Gertlauken + Leipener Forst* = лес Новодеревенский;
- *Frisching Gauleden + Wagener Forst + Georgenauer Forst* = лес Озерский;
- *Klein Naujock + Pfeil + Gertlauken + Drusken* = лес Полесский;
- *Ibenhorst + Tawellningken + Rautenburger Forst + Nemonien* = лес Приморский;
- *Warnicken + Samländischer Küstenhain* = лес Светлогорский;
- *Puschkeitener Wald + Woopener Wald + Georgenauer Wald + Heinrichsdorfer Wald* = лес Сосновский;
- *Kurkenfelder Wald + Raudischker Wald* = лес Увалы;
- *Astrawischken + Roser Wald + Klein Nuhr + Kranichbruch* = лес Фрунзенский;
- *Eichwalder + Tzulkinner* = лес Черняховский;

б) наделение отдельными именами лесов, которые объединены на картах Восточной Пруссии под общим названием, несмотря на очевидную обособленность каждого из них в пространстве, что может объясняться единством этих лесов в прежние эпохи. Анализ картографических источников позволяет выделить 10 примеров переименования лесных массивов такого типа:

- 4 *Kobbelbude* = лес Морской + лес Балтийский заповедник + лес Балтийский + лес Городской;
- 4 *Schnecken* = лес Гастелловский + лес Северный + лес Славский + лес Тыльженский;
- 3 *Greiben* = лес Добринский + лес Головенский + лес Гурьевский;
- 3 *Ibenhorst* = лес Дальний + лес Приморский + лес Островной;
- 2 *Klein Naujock* = лес Дейминский + лес Полесский;
- 2 *Brödlauken* = лес Дубрава + лес Олений;
- 2 *Schloss Gerdauen* = лес Железнодорожный + часть леса Крестьянского;

- 2 *Preußisch Eylau* = лес Сквозной + лес Ясная Поляна;
- 2 *Waldhausen* = лес Бережковский + лес Малый Бережковский;
- 2 *Wilhelmsbruch* = лес Большаковский + лес Придорожный + лес Морской.

Следует отметить, что в приведенном выше списке а) нами были подчеркнуты дримонимы, не фигурирующие ни на одной из изученных нами карт региона — не только на менее подробной донацистской, на которую, как доподлинно известно, опирались при всех видах переименований советские власти, но и на более детально проработанной нацистской карте, на которой уделяется особое внимание изображению местных лесов. Точно так же на карте Калининградской области отсутствуют названия ряда лесов, включенных нами в список б). Во всех остальных аспектах описанные действия инициаторов переименования предстают как весьма логичные и обоснованные. Вместе с тем мы зафиксировали некоторые дополнительные ошибки со стороны советского руководства, занимавшегося переименованием лесных массивов.

При переименовании *Fritzen* = лес Козий + лес Константиновский + лес Матросовский не соблюдается принцип объединения двух плавно перетекающих друг в друга лесов под одним названием. Наоборот, три разные части абсолютно единого леса получают разные имена.

При переименовании 3 *Padrojen* = 3 леса Загорских советское руководство поступает вопреки принципу присвоения отдельных имен каждому из обособленных исходных лесов, ранее носивших единое название. Получается, что три близко расположенных леса, которые в действительности разделены заметными участками, лишенными древесной растительности, даже после реноминации остаются носителями одного и того же имени.

При анализе карт обнаруживаются и другие неточности, связанные с предпочтением тех или иных дримонимов. В частности, лесные массивы, локализованные на далеко отстоящих

друг от друга территориях, по непонятной причине получают одинаковые названия (иллюстрациями могут послужить рассмотренная нами ситуация с *Большаковским лесом* или два леса *Дальних*). Вызывает недоумение и присвоение современному *Константиновскому лесу* имени поселка, отделенного от него другим лесом — *Матросовским*.

Отдельного упоминания заслуживают случаи двух лесов Калининградской области — *Неманского* и *Фрунзенского*, — в которых ошибки однозначно были допущены именно советской стороной. В случае с *Неманским лесом* по картам должны иметь место три акта переименования: *Schmalleningken* → лес *Верхненеманский*, *Neu Luböpen* → лес *Неманский* и *Trappöner* → лес *Неманский*. В документах тоже представлены три акта переименования, но только одно из них — *Neu Luböpen* → лес *Неманский* — совпадает с картографической действительностью. Лес *Верхненеманский* в тексте не фигурирует вообще, зато возникает некий *Königlich Forst Schmalleningken*, якобы отличный от леса *Schmalleningken*, но на самом деле являющийся результатом невнимательного прочтения инициаторами переименования исходных региональных карт. Отсюда следуют две неожиданные записи в архивном списке реноминаций: *Königlich Forst Schmalleningken* → лес *Неманский* и *Schmalleningken* → лес *Неманский*.

Применительно к лесу *Фрунзенскому* всё выглядит, на первый взгляд, гораздо более логичным: есть четыре леса (с востока на запад по карте: *Klein Nuhr* — *Astrawischken* — *Kranichbruch* — *Roser*), плавно перетекающих друг в друга, поэтому их объединение под одним общим названием соответствует одному из принципов адекватного переименования, порождающих повторяющиеся дримонимы, но только с одной оговоркой: по неизвестной причине небольшой лесной участок, выдающийся из общего лесного массива, названного *Фрунзенским*, объявляется частью леса *Фрунзенского*, в то время как еще три точно таких же лесных участка — своеобразных «отростка» от леса *Фрунзенского* — получают в результате переименования статус самостоятельных лесов (имеются в виду

леса *Новый, Верхний и Нижний*; при этом последние два дримонима в решении облисполкома отсутствуют) [Петешова 2018].

7. Переименование урочищ.

Отметим, что под урочищами мы, вслед за географами, понимаем малые ландшафты с относительно однообразными физико-географическими характеристиками (например, моренные холмы, небольшие заболоченные или песчаные территории), отдавая себе отчет в том, что на топографических картах пометки «урочище» чаще всего связаны с местами, черты которых предопределяются хозяйственной деятельностью населения (с заброшенными деревнями, покосами, районами расположения печей для сжигания углей) (<http://urochishe.ru/urochishe>).

Лингвисты считают, что, подобно другим микротопонимам, названия урочищ характеризуются непродолжительностью существования и постоянной сменяемостью. Такие лексические единицы, как правило, известны лишь небольшому кругу людей, а потому легко уходят из употребления (Пилипчук, Шевченко, 2019: 204). Тем не менее переименованию урочищ во вновь образованной Калининградской области было уделено достаточно серьезное внимание.

Среди реноминаций урочищ можно четко выделить два их типа:

1) реноминации урочищ как изначальных природных объектов по решению облисполкома № 560, они составляют 60% от всех переименований урочищ;

2) реноминации населенных пунктов по указам Президиума Верховного Совета РСФСР 1947 года и 1950 года. Примерно в 80-е годы XX века данные поселения были покинуты ранее проживавшими в них колхозниками и перестали существовать как деревни, однако на их месте на подробных советских картах, ставших для нас источником языкового материала, перед сохранившимися со времен переименования топонимами появляется пометка «урочище».

Естественно, сами подходы инициаторов переименований этих двух типов будут заметно отличаться друг от друга. Так,

если среди урочищ, переименованных как природные объекты, доля согласованных реноминаций (33%) сопоставима с аналогичной средней долей согласованных переименований природных объектов в Калининградской области, то среди урочищ, некогда бывшими населенными пунктами, этот процент оказывается еще более низким (10,7% согласований). По нашему мнению, такие несовпадения сопряжены со значительно меньшей значимостью для советских властей мелких географических объектов, не имеющих населения.

При сопоставлении семантических признаков исходных и новых названий урочищ заметны определенные отличия, которые обусловлены тем, что в немецкой лингвокультуре урочища было принято понимать как результаты хозяйственной деятельности человека (а потому значительная доля восточно-пруссских урочищ названа по их функции, как в случаях *Vuschlauken* ‘кормовое поле’, *Kermuschin* ‘ярмарочное’), а носители русского языка, как правило, относили к урочищам некие физико-географические явления, откуда следует обилие новых номинаций урочищ в Калининградской области по рельефу местности, например, *урочище Бугроватое*, *урочище Горки*, *урочище Курган*.

В структурном плане следует обратить внимание на наличие как в восточнопрусской, так и в советской микротопонимии составных названий урочищ, представленных примерно в равных долях (42 среди исходных и 43 среди новых номинаций). В роли первого компонента подобных микротопонимов обычно используются указания на размер географического объекта (и в исходной, и в новой топонимии преобладает атрибутивный компонент со значением ‘маленький’: *Klein Engellau* ‘малое Энгелау’, *Малое Моховое*). Кроме того, на прусских картах мы находим немало названий, сочетающих ойконим с указанием на флору местности (*Abschwangener Wald*, ‘Абшвангенский лес’) или подчеркивающих возраст урочища (*Alt Lattenwalde* ‘старое Латтенвальде’). На советских картах отображена целая серия составных названий урочищ, отсылающих к разнообразным характеристикам лугов (например, *Сухой Луг*) и лесов (например, *Славянский Лес*).

В целом подчеркнем, что сравнение переименований на уровне конкретных классов природных объектов позволяет зафиксировать сходства в номинативной деятельности людей при первоименовании и переименовании, например, в плане отбора мотивирующих признаков топонимов. Так, среди названий лесов и в Восточной Пруссии, и в Калининградской области преобладают номинации, восходящие к ойконимам и гидронимам, а среди наименований урочищ — номинации, образованные от ойконимов и названий растений, произрастающих в этом месте.

С другой стороны, между отдельными классами топонимов существуют и довольно заметные различия. Большинство из них касаются частотности предпочтения конкретных способов топонимического согласования при переименовании. В частности, гелонимы могут согласовываться между собой только через перевод, а в сфере реноминации урочищ ни разу не используются способы ассоциативного названия и одинаковой тематической соотнесенности.

3.4. Сравнительный анализ кампаний по переименованию региональных населенных пунктов и природных объектов

Анализ калининградских реноминаций показал, что среди советских топонимов как из группы ойконимов, так и названий природных объектов однозначно преобладают наименования, введенные без учета семантики или формы исходных топонимов, однако доля подобных независимых переименований в сфере названий населенных пунктов значительно выше, чем в случае названий природных объектов (89% против 66% соответственно). С опорой на ономастические традиции это можно отчасти объяснить вышеупомянутой общей относительной стабильностью физико-географических номинаций в мире и исторически сложившейся культуросохраняющей ролью наименований природных объектов.

Что касается основных способов согласования исходных и новых топонимов при переименованиях в сравниваемых сферах, то результаты количественных подсчетов случаев их репрезентации в калининградском топонимическом материале представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Способы согласования различных классов топонимов
при переименовании**

Способ согласования	Случаи переименований населенных пунктов, согласованных данным способом	Случаи переименований природных объектов, согласованных данным способом	Всего согласованных переименований
Перевод	40	183	223
Одинаковая тематическая соотнесенность	108	65	173
Переосмысление	34	80	114
Идеологическая антонимия	84	—	84
Ассоциативное название	—	43	43
Заемствование	2	26	28
Метонимическая соотнесенность	—	19	19
Семантическая антонимия	7	—	7

Два из обозначенных в таблице 5 способов согласования топонимов (переосмысление и заимствование) предполагают учет формы исходной лексической единицы при переименовании. Доля случаев формального согласования географических

названий в сфере природных объектов почти в два раза превышает аналогичный показатель среди населенных пунктов, составляя 25,4% против 13% соответственно. Охарактеризуем каждый из способов формального согласования в отдельности.

В обеих группах топонимов представлены как классические переосмысления, так и переосмысления, основанные на довольно отдаленном сходстве задействованных топонимов. Обычно переосмыслению подвергаются исходные топонимы немецкого происхождения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что не все восточнопрусские топонимы, формально напоминающие русские слова, согласуются с новыми советскими номинациями через переосмысление. В целом использование этого способа согласования топонимов во многом определяется районом Калининградской области, реализующим конкретное переименование.

Заимствование как второй способ формального согласования при переименованиях географических объектов предусматривает перенос в русский язык исходного восточнопрусского топонима, который нередко предстает при этом в практически неизменном виде (за исключением транслитерации), а потому оказывается семантически немотивированным с позиций новых калининградцев. Вместе с тем мы зафиксировали при смене названий как населенных пунктов, так и природных объектов ассимилятивные процессы двух типов: фонетическим трансформациям и морфологическим преобразованиям.

Как мы видим из таблицы 5, в чисто количественном отношении заимствования однозначно тяготеют к сфере переименования природных объектов. Отказ от их использования в сфере ойконимии, на наш взгляд, может быть связан с идеологически заданной негласной установкой инициаторов переименования на отбор номинаций населенных пунктов, семантика которых четко идентифицируется новым населением области.

Перейдем к рассмотрению тех способов согласования региональных топонимов, которые связаны с полным или частичным сохранением семантики исходной лексической единицы. Строго говоря, при подсчетах мы учитывали такой спо-

соб из этого ряда, как одинаковая тематическая соотнесенность, несмотря на то, что семантические сходства подобного рода следует считать случайными и, возможно, даже не учитывать при статистических подсчетах. При обработке данных лишь таких семантических способов согласования топонимов, как перевод, ассоциативное название, метонимическая соотнесенность и семантическая антонимия, доля соответствующих реноминаций составляет 53,6% от всех согласованных переименований природных объектов, что более чем в два раза превышает аналогичную долю в группе населенных пунктов, составляющую 21,5%.

Перевод как наиболее характерный для обеих групп способов согласования, причем не только семантического, достаточно редко реализуется в форме классического калькирования. Чаще всего во время кампании по переименованию географических объектов Калининградской области имел место частичный перевод, сопровождающийся опущениями или заменами.

В ходе исследования были зарегистрированы случаи перевода не только немецкоязычных топонимов, эквиваленты которых можно было легко установить по доступным для инициаторов переименования немецко-русским словарям, но и балтийских названий, определение семантики которых в условиях отсутствия у участвовавших в кампании переселенцев специального образования мы считаем крайне затруднительным, а значит, вероятно, основанным на случайном совпадении (как в примерах *Uszupönen* (от балтийского 'по ту сторону реки') → *поселок Заречье* и *Berszuppe* (от прусского *berze* 'береза') → *река Березка*).

При анализе таблицы 5 становится очевидным, что некоторые способы согласования использовались при переименовании географических объектов лишь в одной из двух сфер. Так, только реноминация природных объектов сопровождалась отбором новых ассоциативных и метонимически соотнесенных названий. В этом случае мы можем обосновать только активное использование ассоциативных наименований в сфере наименований водоемов, различных форм рельефа, лесов и

урочищ, которое можно объяснить наличием у авторов новых номинаций этого типа несколько больших возможностей для свободного словотворчества.

Напротив, только в ойконимической сфере задействуются такие способы согласования, как идеологическая и семантическая антонимия, из них обоснованию подлежит только первый. Он обусловлен, по-видимому, тем фактом, что ойконимы используются в речи переселенцев чаще, чем названия природных объектов, и, следовательно, их употребление оказывает на жителей региона наиболее выраженное влияние.

В вышеописанные подсчеты, касающиеся согласованных реноминаций, были включены не только истинные согласования, но и псевдосогласования. Они реализуются в актах переименования обеих групп географических объектов, традиционно в большей степени затрагивая природные объекты (26 примеров против 5 в сфере населенных пунктов).

Сама последовательность используемых способов согласования исходных и новых топонимов из двух рассматриваемых групп, согласно данным таблицы 5, наводит исследователя на мысль о том, что названия населенных пунктов, прежде всего, согласуются с помощью условных способов; далее в сфере ойконимии следуют способы, базирующиеся на учете семантики исходных названий, а формальные согласования здесь практически не представлены. С другой стороны, при изучении статистики в сфере природных объектов становится очевидным, что для них подобное ранжирование оказывается невозможным: если на первом месте находится способ, основанный на учете семантики, то на втором — способ, основанный на форме, а на третьем — опять способ, учитывающий семантические особенности исходной лексической единицы.

В заключение сравнительного анализа кратко остановимся на описании двух лексико-семантических групп новых топонимов, в формировании которых наиболее заметную роль играет идеологическая составляющая кампании по переименованию: топонимов-советонимов и мемориальных топонимов. Советонимы составляют 20,5% от всех новых ойконимов и

всего 2% от новых номинаций природных объектов. Такое расхождение может быть сопряжено с меньшей престижностью названий природных объектов по сравнению с названиями населенных пунктов и проистекающей из нее меньшей идеологической значимостью с точки зрения общества.

Аналогичные тенденции прослеживаются в случае мемориальных географических названий. Их доля в сфере ойконимии превышает 22%, а в сфере номинаций природных объектов близка к 1%. Если лесам и водоемам мемориальные названия даются в честь политиков и участников Великой Отечественной войны и зачастую выводятся не напрямую от символических апеллятивов, а от идеологически нагруженных ойконимов, ранее появившихся на карте региона, то населенные пункты называются не только в честь лиц этих групп, но и по фамилиям деятелей культуры или народных героев, а также по значимым событиям советской истории (*поселок Победино, поселок Горьковское*) (Петешова, 2018).

По итогам проведенного анализа можно констатировать, что почти во всех его аспектах более четкая ориентация инициаторов переименований на некое языковое манипулирование ощущается при реноминации более престижных и идеологически значимых населенных пунктов, в то время как в сфере наименований природных объектов (при всем обилии общностей между реноминациями в двух исследуемых группах топонимов) советские власти в меньшей степени стремятся к кардинальному переформатированию исторической памяти переименованных, ориентируясь на проведение согласованных переименований.

Глава 4

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ УЛИЦ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

4.1. Способы согласования исходных и новых урбанонимов при переименовании

Приступая к описанию урбанонимии в различных населенных пунктах Калининградской области, изначально подчеркнем, что все без исключения 1000 урбанонимов, вошедших в материал нашего исследования, немецкоязычные. По итогам анализа выяснилось, что 333 переименования из этой выборки, или 33,3% всех региональных реноминаций улиц, являются согласованными. При этом можно выделить шесть ключевых способов согласования немецко- и русскоязычных названий улиц и площадей, которые ранжируются по своей количественной представленности следующим образом:

- 1) идеологическая антонимия (181 случай);
- 2) перевод (93 случая);
- 3) одинаковая тематическая соотнесенность (38 случаев);
- 4) ассоциативное название (10 случаев);
- 5) метонимическая соотнесенность (10 случаев);
- 6) переосмысление (1 случай).

Рассмотрим все указанные способы согласования урбанонимов при переименовании в отдельности.

Основную массу **идеологических антонимий**, учтенных при подсчетах, составляют полные антонимии (126 случаев). Мы установили, что, подбирая новое название для улиц, ранее носивших имена выдающихся деятелей немецкой культуры, советские власти иногда предпочитали номинации, образованные от фамилий русскоговорящих людей, которые прославились в аналогичной области деятельности. Например, бывшая

улица *Arno-Kallweit-Straße*, названная по фамилии писателя — автора баптистской хроники Шлезвига, стала называться *улицей Лермонтова* в честь великого русского писателя, а урбаноним *Rumey-Straße*, увековечивающий имя летчика-аса времен Первой мировой войны, сменился на карте города Черняховска урбанонимом *ул. Осипенко*, посвященным летчице-Герою Советского Союза. Однако в большинстве случаев подобных переименований немецкая мемориальная номинация заменяется на русскую без учета рода деятельности выдающейся личности. Так, улица имени прусского герцога Альбрехта (*Albrechtstraße*) была переименована в *улицу Салтыкова-Щедрина*, то есть русского писателя.

В еще меньшей степени связаны между собой исходный и новый урбанонимы при использовании частичной идеологической антонимии, реализованной в нашей выборке 55 раз. Как правило, при этом на место немецкого мемориального урбанонима приходит русская единица, фиксирующая какой-либо значимый символ коммунизма, как в переименованиях *Erich-Koch-Straße* → *улица Комсомольская* и *Adolf-Hitler-Straße* → *улица Революции*. Однако в ряде случаев мы считаем частичной идеологической антонимией замену мемориального урбанонима на топоним-мигрант (*Hohenzollernstraße* → *улица Московская*).

Если рассматривать те лексико-семантические группы исходных урбанонимов, которые чаще всего согласуются с новыми урбанонимами способом идеологической антонимии, то на 181 ситуацию приходится, например, три теотопонима (*Kirchenstraße* ‘церковная улица’), два топонима-мигранта (*Berliner Straße* ‘Берлинская улица’) и один урбаноним, образованный от местного ойконима, обладающего относительной известностью среди нового населения восточнопрусских территорий (*Samlandweg* ‘дорога Земландского полуострова’). Все остальные 175 урбанонимов носят мемориальный характер. По этой причине напрашивается вывод о стремлении совет-

ского руководства заменить идеологически окрашенные немецкие урбанонимы идеологически окрашенными русскими урбанонимами, который тем не менее не соответствует действительности. Дело в том, что в массиве отобранных калининградских урбанонимов мемориальными являются 337 единиц, и половина этой выборки совершенно не согласовывалась с новыми номинациями местных улиц.

В этом контексте важно отметить, что наряду с описанной выше разновидностью идеологической антонимии на основании анализа материала настоящего исследования можно выделить косвенные идеологические антонимии, которые не учитывались при приведенных выше количественных подсчетах и предполагают либо замену идеологически окрашенного урбанонима нейтральным (в частности, в Полесске примерами служат акты реноминации *Hitlerstraße* → *улица Авиационная* и *Friedrichstraße* → *улица Театральная*), либо, наоборот, замену нейтрального обозначения на название, несущее советскую идеологию (в Славске этот тезис иллюстрируется актами переименования *Waldstraße* ‘лесная улица’ → *улица Черняховского* и *Schulstraße* ‘школьная улица’ → *улица 1 мая*).

При анализе новых урбанонимов как результата реализации идеологической антонимии мы поставили задачу выяснить направление идеологического преобразования, исходя из предположения, что таких направлений теоретически может быть только два: в сторону советизации региона или в сторону его русификации. Исследование продемонстрировало, что большинство новых названий, согласованных с исходными номинациями через идеологическую антонимию, а именно 112 урбанонимов, или 61 % выборки, несут четко выраженную советскую идеологию (примеры — *улицы Дзержинского, Пионерская* и *Советская*).

Тем не менее в 68 случаях имеет место явная русификация урбанонимии через применение идеологической антонимии при предпочтении новых названий, образованных от фамилий

русских писателей (23), топонимов-мигрантов (22), номинаций, фиксирующих идеологически близкие советскому государству моменты русской истории вроде Отечественной войны 1812 года (7), а также наименований, закрепляющих фамилии военнослужащих времен Российской империи (7).

Следующим по частотности применения способом согласования урбанонимов является **перевод**.

При этом он представлен в материале нашего исследования в трех своих разновидностях:

1) полный перевод (56 случаев). Так, восточнопрусская улица *Ziegelstraße* получила новое название *улица Кирпичная*, а улица *Feldstraße* стала называться *Полевой*;

2) частичный перевод (33 случая). При таком подходе, как и при переводе названий населенных пунктов и природных объектов, возможны сопутствующие преобразования четырех типов:

а) опущение одного из компонентов исходной единицы (19 случаев), например, *Tragheimer Pulverstraße* ‘пороховая улица в районе Трагхайм’ → *ул. Пороховая*;

б) замена одного из компонентов (8 случаев), в частности, *Gartenweg* ‘садовая дорога’ → *улица Садовая*;

в) добавление компонента к переводческому эквиваленту исходной единицы (5 случаев), например, *Tilsiter Straße* → *улица Старая Тильзитская*;

г) грамматическая трансформация (1 случай, а именно *An den Birken* ‘у берез’ → *ул. Березовая*, где на место субстантивного словосочетания приходит топоним-прилагательное с аналогичной семантикой);

3) псевдоперевод (4 случая). Так, восточнопрусский урбаноним *Lehrsstraße* формально напоминает немецкий глагол *lehren* ‘обучать кого-либо’, поэтому вместо него на карте города Калининграда появился урбаноним *улица Учебная*, однако установлено, что на самом деле немецкая улица носила имя местного ученого Лерса (*Lehrs*), изучавшего сочинения Гомера.

Сопоставление случаев использования перевода как способа согласования урбанонимов в разных районах Калининградской области, на наш взгляд, не имеет смысла в связи с непропорциональной представленностью улиц разных районов в изучаемой выборке. Вместе с тем, абстрагируясь от преобладания в материале исследования улиц областного центра, можно обратить внимание на относительную частотность переводов названий в Советске (10 случаев), Гвардейске (4 случая) и Славске (3 случая), в то время как в городах бывшего Земландского полуострова нами не зафиксировано ни одного такого случая.

Если отдельно остановиться на семантике тех исходных урбанонимов, при замене которых советские власти использовали перевод, то их наиболее обширными лексико-семантическими группами являются:

— фитоурбанонимы (22 единицы), например, *Blumenstraße* ‘цветочная улица’, *Waldstraße* ‘лесная улица’;

— мемориальные урбанонимы (18 единиц). Сам факт перевода таких названий однозначно противоречит общей послевоенной тенденции на устранение следов немецкой культуры с карт нового советского региона, однако инициаторы переименований в первую волну реноминаций сохранили в городской урбанонимии 13 названий в честь немецких или австрийских композиторов (*Bachstraße* → *улица Баха*, *Brahmsstraße* → *улица Брамса* и т.п.), названия в честь великого кёнигсбергского философа Иммануила Канта (*улица Канта*) и всемирно известных немецких писателей И. В. Гете и Ф. Шиллера;

1) урбанонимы, названные по объекту, расположенному на улице (14 единиц), в частности, *Schulstraße* ‘школьная улица’, *Fabrikstraße* ‘фабричная улица’;

2) урбанонимы, названные по рельефу местности (7 единиц), например, *Bergstraße* ‘горная улица’, *Am Landgraben* ‘у сельской канавы’;

3) группы урбанонимов, имеющие по 4 представителя в калининградской выборке:

а) названия, образованные от военных терминов: *Garnison-Straße* ‘гарнизонная улица’, *Soldatenweg* ‘солдатская дорога’;

б) названия, указывающие на местоположение улицы в широком смысле этого слова: *Nordstraße* ‘северная улица’, *Südringstraße* ‘южная кольцевая улица’;

в) названия, фиксирующие возраст улицы: *Alter Graben* ‘старая канава’, *Neue Dammgasse* ‘новая улочка с дамбой’;

г) названия по функции улицы: *1. Trift* ‘первое пастбище’, *Gewerbestraße* ‘ремесленная улица’.

Таким образом, в основном, переводимые при реноминации названия улиц не были сопряжены с немецкой идеологией.

При этом нами было отмечено, что многие из урбанонимов, согласование которых при переименовании происходило через перевод, характеризуются повторяемостью своих переводимых компонентов в том смысле, что 7 из соответствующих урбанонимов включают в свою структуру компонент *Garten-* ‘сад’ (*Gartenstraße*, *Gartenweg*), по 4 названия улиц образованы от существительных *Bahnhof* ‘вокзал’ (*Bahnhofstraße*, *Güterbahnhofstraße*) или *Berg* ‘гора’ (*Bergstraße*), и 3 сложных урбанонима имеют первый компонент *Kastanie* ‘каштан’ (*Kastanienallee*, *Kastanienweg*).

Вместе с тем данную тенденцию не следует считать реализующейся последовательно, поскольку переводу в материале исследования подвергаются, например, лишь 7 из 19 урбанонимов с компонентом *Garten* (в частности, одна из улиц *Gartenstraße* в городе Гусеве получила название улицы *Ульяновых*) и лишь 4 из 11 урбанонимов с компонентом *Bahnhof* (в городе Гвардейске улица *Bahnhofstraße* стала улицей *Дзержинского*).

В случае с **одинаковой тематической соотнесенностью** речь идет о зачастую случайном выборе в качестве нового урбанонима некоторой единицы, относящейся к той же лексико-семантической группе, что и исходная. Например, оба урбанонима из пары *Gartenstraße* ‘садовая улица’ → улица *Лесная* являются разными по своей семантике фитотопонимами, а но-

минации из пары *Schützenstraße* ‘улица стрельцов’ → *улица Артиллерийская* образованы от различных терминов военного дела.

Следующим способом топонимического согласования при переименовании улиц в региональных населенных пунктах является **ассоциативное название**. Приведем два примера такого рода, имевших место в послевоенной Калининградской области. Так, немецкий урбаноним *Mühlenstraße* предполагает наличие мельницы на этой улице города Гусева. При реноминации улица стала называться *Мукомольной*, поскольку, как очевидно, мельницы используются именно для получения муки. В свою очередь, улица *Bahnhofstraße* стала в поселке Янтарном не Вокзальной, а *Железнодорожной* улицей.

Помимо этого, в материале исследования представлен такой способ согласования урбанонимов, как **метонимическая соотнесенность**.

Чаще всего применительно к номинациям улиц подразумевается замена образованного от восточнопрусского ойконима исходного урбанонима новым, который восходит к новому названию того же самого поселения, как в паре номинаций *Königsberger Straße* ‘кёнигсбергская улица’ → *улица Калининградская*. Однако в материале нашего исследования есть и более сложные случаи, например, переименование *Insterburger Straße* → *улица Черняховского*, где отойконимный урбаноним сменяется урбанонимом-посвящением тому выдающемуся человеку, в честь которого после реноминации был назван город Инстербург.

Наконец, единственным примером реализации **переосмысления** как способа согласования при переименовании улиц Калининградской области является акт реноминации *Otto-Parschau-Straße* ‘улица Отто Паршау’ (улица названа в честь прусского военнослужащего) → *улица Парашютная*.

Выбор конкретного способа согласования совершенно не обусловлен теми или иными лексико-семантическими признаками исходных урбанонимов или экстралингвистическими условиями проведения реноминации. В качестве доказательства приведем пример переименования **ансамблей улиц** в го-

роде Кёнигсберге. В теории урбанонимии под ансамблевым, или блочным, принципом понимается принцип названия территориально сопряженных объектов, которые в этом случае реализуют общую номинативную тему. С функциональной точки зрения подобные топонимические микросистемы через ассоциативную связь способствуют восприятию городских объектов как находящихся в непосредственной близости, и, как следствие ориентации на местности (Голомидова, 2019: 20). В естественной топонимии, стремящейся к отображению свойств объектов, доля таких названий крайне мала, а при искусственной номинации, когда в отборе названий максимально проявляется субъективная воля номинатора, ансамблевый принцип характеризуется повсеместным использованием (Березович, 1991: 86—87).

При анализе 503 актов кёнигсбергских реноминаций в исходном топонимическом материале были обнаружены пять ансамблей урбанонимов:

1) блок из 13 номинаций, образованных от фамилий немецких или, реже, австрийских композиторов: *Schubertstraße*, *Beethovenstraße*, *Mozartstraße*, *Bachstraße* и др.;

2) блок из 11 отойконимных названий улиц, указывающих на связь Кёнигсберга с местными населенными пунктами: *Friedrichswalder Allee*, *Frankenauer Weg*, *Ossauer Weg*, *Frege-nauer Weg* и др.;

3) блок из 10 урбанонимов, восходящих к названиям птиц: *Meisenweg* ‘дорога синиц’, *Lerchenweg* ‘дорога жаворонков’, *Spechtweg* ‘дорога дятлов’, *Adlerweg* ‘орлиная дорога’ и др.;

4) блок из 7 урбанонимов, производных от обозначений деревьев: *Erlenweg* ‘ольховая дорога’, *Eschenweg* ‘ясеневая дорога’, *Kiefernweg* ‘сосновая дорога’, *Ahornweg* ‘кленовая дорога’ и др.;

5) блок из 6 номинаций, образованных от названий цветов: *Chrysanthemenweg* ‘дорога хризантем’, *Fliederweg* ‘дорога сирени’, *Tulpenweg* ‘дорога тюльпанов’, *Nelkenweg* ‘дорога гвоздик’ и др.

При реноминации улиц из этих ансамблей в двух случаях инициаторы переименований действовали довольно последовательно, заменив исходные урбанонимы на новые без учета их формы и семантики. При этом идеологически объяснимым представляется тот факт, что с планов города после реноминации исчезли все указания на бывшие восточнопрусские ойконимы, от которых был образован ряд названий улиц (см., например, переименования *Fregenauer Weg* → улица *Державина* или *Neidenburger Weg* → улица *Бумажная*), однако по непонятной причине новые названия «птичьих» улиц, не несущих никакой идеологической нагрузки, также оказались несвязанными с исходными урбанонимами (примеры — реноминации *Reiher Weg* ‘дорога цапель’ → улица *Баумана* и *Finkenweg* ‘дорога зябликов’ → улица *Гончарова*).

В случае с остальными ансамблями советские власти действовали менее единообразно, правда, в ситуациях с урбанонимами, образованными от деревьев или увековечивающими композиторов, проявившаяся непоследовательность объясняется, скорее всего, ошибками в трактовке исходных лексических единиц. Так, почти все «древесные» урбанонимы были переданы через их частичный перевод на русский язык с опущением компонента *-weg* ‘дорога’, как при переименовании *Kiefernweg* → улица *Сосновая*, но номинация *Fichteplatz* ‘сосновая площадь’, видимо, была ложно интерпретирована как отсылка к фамилии немецкого философа И. Г. Фихте, которую из-за ассоциации с вражеским режимом предпочли заменить на однозначный советоним улица *Октябрьская*. Похожим образом исходный урбаноним *Buchenweg* ‘буковая дорога’ за счет созвучия первого компонента словосложения с немецким существительным *Buch* ‘книга’ вследствие псевдоперевода превратился в урбаноним улица *Книжная*.

Ситуация с урбанонимами, восходящими к фамилиям композиторов, иллюстрирует высокую оценку вклада немецкой музыки в сокровищницу мировой культуры со стороны инициаторов переименования. Вопреки идеологической окраске

любого мемориального топонима, 11 из 13 урбанонимов этого ансамбля первым приказом местного управления по гражданским делам были подвергнуты переводу на русский язык, в результате чего на изначальных планах города Калининграда имели место улицы Генделя, Глюка, Брамса и т. п. Тем не менее два урбанонима — *Jensenstraße* и *Lortzingstraße* — не были переведены, вероятно, из-за того, что кёнигсбергский композитор Адольф Карл Вильгельм Йенсен и основатель немецкой комической оперы Густав Альберт Лорцинг не были известны в советском обществе.

В отличие от случаев с урбанонимами из двух последних ансамблей, непоследовательное переименование «цветочных» улиц Кёнигсберга невозможно связать с какой-либо интерпретационной ошибкой. Семантика почти всех соответствующих урбанонимов не учитывалась при реноминации (см. акты *Fliederweg* ‘дорога сирени’ → *улица Даргомыжского*, *Chrysanthenweg* → *улица Рылеева*), однако при одном переименовании *Dahlienweg* ‘георгиновая дорога’ → *улица Цветочная* мы имеем дело с ассоциативным переименованием, при котором отбирается некое слово, связанное с переводческим эквивалентом исходной топонимической единицы посредством ассоциаций.

Ансамблевый принцип номинации улиц в новой калининградской урбанонимической системе тоже весьма активно реализуется в материале нашего исследования, но почти всегда без учета исходных урбанонимов. Итогом реноминации стало введение блоков географических названий во всех восьми изначальных районах Калининграда. Если в районах № 5, 6 и 7 в ходе согласованного переименования немецких блоков появились микросистемы «древесных» урбанонимов и названий в честь композиторов, то, например, в районе № 2 складывается ансамбль из 14 мемориальных наименований по фамилиям русских писателей, и 10 из них стали результатом замены немецких мемориальных названий по фамилиям лиц различных родов деятельности. Примерами могут послужить рено-

минации *Burowstraße* (от фамилии прусского врача) → *улица Грибоедова* и *Wehnerstraße* (от фамилии немецкого политика) → *улица Пушкина*.

Ансамбли урбанонимов, сложившиеся во всех остальных районах Калининграда после первой волны переименования региональных улиц, сформировались вне всякой связи с исходной городской урбанонимией. Перечислим их:

— в районе № 1 — урбанонимы, образованные от топонимов-мигрантов: *улица Московская*, *улица Смоленская*, *улица Ярославская*, *улица Костромская* и др. (всего 11 случаев);

— в районе № 3 — урбанонимы, закрепляющие те или иные военные термины: *улица Орудийная*, *улица Саперная*, *улица Артиллерийская*, *улица Танковая* и др. (всего 7 случаев);

— в районе № 4 — урбанонимы, фиксирующие некий род деятельности людей, причем зачастую в действительности не осуществляемый на соответствующей территории: *улица Кожевнная*, *улица Переплетная*, *улица Мукомольная*, *улица Кузнечная* (всего 22 случая);

— в районе № 8 — урбанонимы, производные от терминов морского дела: *улица Штурвальная*, *улица Боцманская*, *улица Мачтовая*, *улица Якорная* (всего 6 случаев).

Тот факт, что в Калининграде зафиксировано большое количество равномерно распределенных урбанонимических ансамблей, наводит на мысль о четкой нацеленности инициаторов переименования на последующую блочную ориентацию в областном центре. Кроме того, важно отметить, что при калининградских переименованиях ансамблей улиц, как и при всех прочих видах реноминаций географических объектов в этом регионе, отбор новых урбанонимов не отличается последовательностью и упорядоченностью. Вместе с тем в целом выраженное стремление советских властей на сохранение отдельных элементов культурно-исторической памяти при проведении переименования улиц не вызывает сомнений у исследователя соответствующих процессов.

4.2. Семантическая характеристика новой региональной урбанонимии

Важной задачей исследования стал сравнительный анализ основных лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов, который показал наличие значительных сходств в самих наборах признаков, положенных в основу номинаций восточнопрусских улиц и улиц Калининградской области. В связи с относительно низкой представленностью случаев репрезентации многих таких признаков ниже приводится таблица 6, включающая лишь первые по частотности 11 позиций подобных лексико-семантических групп.

Таблица 6

Лексико-семантические группы исходной и новой урбанонимии

Лексико-семантические группы исходных урбанонимов	Лексико-семантические группы новых урбанонимов
1. Мемориальные урбанонимы (337): <i>Hoffmannstraße</i> 'улица Гофмана', <i>Kaiser-Wilhelm-Platz</i> 'площадь императора Вильгельма', <i>Kantstraße</i> 'улица Канта'	1. Мемориальные урбанонимы (337): <i>улица Гагарина, улица Кутузова, улица Лермонтова</i>
2. Номинации, образованные от местных ойконимов (175): <i>Neukuhrener Weg</i> 'Нойкуренская дорога', <i>Laptauer Straße</i> 'улица на Лаптау', <i>Cranzer Allee</i> 'аллея Кранца'	2. Урбанонимы, фиксирующие функцию улицы (107): <i>улица Монтажная, улица Мукомольная, улица Спортивная</i>
3. Номинации по близлежащему сооружению (106): <i>Bahnhofswallstraße</i> 'улица привокзального вала', <i>Kirchenweg</i> 'церковная дорога', <i>Börsenstraße</i> 'биржевая улица'	3. Номинации по близлежащему сооружению (92): <i>улица Библиотечная, улица Больничная, улица Вокзальная</i>

Продолжение табл. 6

Лексико-семантические группы исходных урбанонимов	Лексико-семантические группы новых урбанонимов
4. Фитоурбанонимы (65): <i>Oleanderweg</i> 'дорога олеандров', <i>Tannentallee</i> 'еловая аллея', <i>Nelkenweg</i> 'дорога гвоздик'	4. Названия, фиксирующие значимые символы коммунизма (85): <i>улица Колхозная, улица Пионерская, улица Пролетарская</i>
5. Зооурбанонимы (30): <i>Meisenweg</i> 'дорога синиц', <i>Hasenweg</i> 'дорога зайцев', <i>Möwenweg</i> 'дорога чаек'	5. Номинации, образованные от топонимов-мигрантов (68): <i>улица Белгородская, улица Елецкая, улица Казанская</i>
6. Названия, образованные от военных терминов (28): <i>Grenadierweg</i> 'дорога гренадеров', <i>Muskettierweg</i> 'дорога мушкетеров', <i>Admiralstraße</i> 'адмиральская улица'	6. Урбанонимы, обозначающие местоположение улицы (51): <i>улица Восточная, улица Набережная, улица Тупиновая;</i> Фитоурбанонимы (51): <i>улица Лесная, улица Луговая, улица Садовая</i>
7. Урбанонимы, фиксирующие функцию улицы (26): <i>Gewerbestraße</i> 'ремесленная улица', <i>Rennweg</i> 'дорога для гонок', <i>Marktplatz</i> 'рыночная площадь'	7. Названия, образованные от военных терминов (47): <i>улица Артиллерийская, улица Офицерская, улица Фронтная</i>
8. Отгидронимные урбанонимы (25): <i>Memelstraße</i> 'улица реки Мемель', <i>Saarstraße</i> 'улица реки Зарар', <i>Pregeltorstraße</i> 'улица-ворота к Преголе'	8. Урбанонимы, восходящие к другим урбанонимам (28): <i>переулок Комсомольский, улица Малая Набережная, переулок Пионерский</i>
9. Урбанонимы, закрепляющие специфику населения улицы (22): <i>Schneiderstraße</i> 'улица портных', <i>Steinmetzstraße</i> 'улица каменотесов', <i>Bäckergasse</i> 'улочка пекарей'	9. Отгидронимные урбанонимы (22): <i>улица Днепровская, улица Ладожская, улица Черноморская</i>
10. Урбанонимы, отражающие рельеф местности (15): <i>Gartenberg</i> 'садовая гора', <i>Bergstraße</i> 'горная улица', <i>Hohe Straße</i> 'высокая улица'	10. Урбанонимы, отражающие структурные свойства самой улицы (19): <i>улица Гравийная, улица Земная, улица Кварцевая</i>

Окончание табл. 6

Лексико-семантические группы исходных урбанонимов	Лексико-семантические группы новых урбанонимов
11. Урбанонимы, указывающие на внешний вид улицы (13): <i>Grünstraße</i> 'зеленая улица', <i>Schwarzer Weg</i> 'черная дорога', <i>Ringstraße</i> 'кольцевая улица'	11. Номинации, образованные от местных ойконимов (17): <i>Жилинское шоссе, улица Калининградская, улица Старая Тильзитская</i>

При сравнении наборов лексико-семантических групп, к которым относятся урбанонимы Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области соответственно, нами был выявлен факт почти полного их совпадения. Особенно обращают на себя внимание следующие четыре **сходства** данных урбанонимов.

1. Самыми распространенными в обеих выборках являются **мемориальные номинации**, увековечивающие значимых представителей немецкой и советской культур, причем удивительным образом количества таких исходных и новых названий улиц оказались абсолютно идентичными.

Исходные и новые мемориальные урбанонимы разделены на группы по профессиональной принадлежности исторических деятелей. Наиболее частотные из них представлены в таблице 7.

Таблица 7

**Род деятельности лиц, увековеченных в урбанонимах
калининградских населенных пунктов**

Исходные восточнопруссские урбанонимы	Новые советские урбанонимы
1. Политики (142 случая): <i>Bismark-Straße, Bülowstraße, Erich-Koch-Straße</i>	1. Военнослужащие (106 случаев): <i>улица Елены Ковальчук, улица Чкалова, улица Марины Расковой</i>
2. Военнослужащие (50 случаев): <i>Oberst-Hoffmann-Straße, Mackensenstraße, Moltkestraße</i>	2. Писатели (62 случая): <i>улица Горького, улица Лескова, улица Гоголя</i>

Окончание табл. 7

Исходные восточнопрусские урбанонимы	Новые советские урбанонимы
3. Писатели (29 случаев): <i>Kleiststraße, Sudermannstraße, Hermann-Löns-Straße</i>	3. События (38 случаев): <i>площадь Победы, улица 8 Марта, улица Октябрьская</i>
4. Ученые (27 случаев): <i>Jahnweg, Clausisstraße, Karl-Peters-Straße</i>	4. Политики (33 случая): <i>улица Кирова, улица Куйбышева, улица Калининна</i>
5. Композиторы (24 случая): <i>Wagnerstraße, Beethovenstraße, Brahmsstraße</i>	5. Революционеры (31 случай): <i>улица Котовского, улица Кропоткина, улица Щорса</i>
6. Предприниматели (19 случаев): <i>Wiebestraße, Wellerstraße, Beeckstraße</i>	6. Композиторы (22 случая): <i>улица Римского-Корсакова, улица Глинки, улица Мусоргского</i>
7. Художники (10 случаев): <i>Lovis-Corinth-Straße, Dürerstraße, Steffekstraße</i>	7. Ученые (16 случаев): <i>улица Павлова, улица Менделеева, улица Тимирязева</i>

Сопоставление приведенных табличных данных показывает, что и в исходной, и в новой урбанонимии к числу преобладающих относятся названия от фамилий политиков, военнослужащих и писателей.

Только в исходных названиях улиц закрепляются фамилии предпринимателей, что вполне ожидаемо в соответствии с идеологией СССР, где этот род деятельности не имеет никакой ценности. Фамилии художников в таблице частотных групп мемориальных урбанонимов также обнаруживаются только среди исходных названий, но в действительности в ограниченном объеме присутствуют и в нашей выборке новых урбанонимов (7 случаев, например, *улица Сурикова, улица Шишкина*).

Как видно из таблицы 7, по идеологическим причинам только новые урбанонимы могут образовываться от фамилий революционеров. Что касается названий в честь исторических событий, то в советской Калининградской области они весьма

распространены, в то время как на картах восточнопрусских городов нам удалось зарегистрировать только две единицы такого плана. В частности, урбаноним *Flanderstraße* отсылает к одной из битв Первой мировой войны.

Среди менее распространенных родов деятельности увековечиваемых лиц в обеих затронутых культурах присутствует философия, в чем однозначно прослеживается влияние атмосферы бывшего Кёнигсберга на инициаторов калининградских переименований. Исходными урбанонимами этой группы являются, например, *Kantstraße*, *Herderstraße* и еще 7 названий, а новыми — номинации *улица Канта*, *улица Энгельса* и еще 5 номинаций.

Если рассматривать национальную принадлежность людей, фамилии которых зафиксированы в новых мемориальных урбанонимах, то оказывается, что при их отборе очень ярко проявилась тенденция к советизации региональных карт местности, так как 225 названий закрепляют имена выдающихся деятелей СССР (примеры — *улица Маяковского*, *улица Водопьянова*). Однако русификация Калининградской области, которая осуществляется путем введения урбанонимов, сохраняющих для потомков фамилии русскоговорящих личностей до советской эпохи, также имеет место на изучаемых землях. Здесь имеется 75 урбанонимов такого рода, например, *улица Короленко*, *улица Петра Первого*. Наконец, в выборке присутствуют урбанонимы, образованные от фамилий иностранцев, результаты работы которых характеризуются идеологической близостью к идеям советского государства (37 случаев). К их числу относятся:

— 30 немецких урбанонимов, 6 из которых образованы от фамилии философа Карла Маркса, 6 — от фамилии лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана, 3 — от фамилии философа Фридриха Энгельса и 3 — от фамилии композитора Людвиг ван Бетховена;

— 3 австрийских урбанонима, увековечивающих композиторов: *улица Шуберта*, *улица Моцарта*, *улица Гайдна*;

— 2 номинации, восходящие к именам итальянских революционеров: *улица Сакко и Ванцетти*;

— 1 номинация, образованная от фамилии французского революционера: *улица Марата*;

— 1 урбаноним в честь норвежского полярного исследователя: *улица Хансена*.

Образование мемориальных названий от фамилий идеологически близких иностранцев было свойственно и немецкой урбанонимии, но в гораздо меньшей степени. В ее рамках выделяется лишь 6 таких примеров, восходящих к именам:

— австрийского происхождения (4 случая, причем все они образованы от фамилий композиторов): *Schubertstraße*, *Franz-Schubert-Straße*, *Mozartstraße*, *Haydnstraße*;

— чешского происхождения (1 случай). Речь идет о фамилии легендарного основателя Кёнигсберга Оттокара Второго Пшемысла: *Ottokarstraße*;

— французского происхождения (1 случай): *Calvinstraße*.

Среди оставшихся отантропонимных урбанонимов фигурируют номинации как в честь деятелей донацистской культуры, так и в честь известных нацистов. К последней группе относится 31 урбаноним из нашей выборки, в частности, *Schlagerstraße*, *Wilhelm-Ehrlich-Weg* и *Fritz-Tschierse-Straße*.

Еще одним возможным аспектом рассмотрения мемориальной урбанонимии региона является выяснение связи увековечиваемых личностей с теми конкретными городами или областями, в которых расположена соответствующая улица или площадь. В немецком языковом материале такая связь характерна для 49,9% урбанонимов, то есть для 168 единиц. Например, улица *Körteallee* получила имя обербургомистра города Кёнигсберга, улица *Claaßstraße* закрепляет фамилию директора Кёнигсбергского зоопарка, а урбаноним *August-Quandel-Straße* напоминает о деятельности издателя газеты *Ostpreussisches Tagesblatt*.

С другой стороны, доля урбанонимов, сохраняющих для потомков имена советских людей, связанных с анализируе-

мыми территориями, составляет всего 4,4%, или 15 номинаций, но с учетом того, что на момент переименования в регион только направлялись советские переселенцы, не успевшие проявить себя на калининградских землях, эту долю следует оценивать как относительно высокую. К этой группе принадлежат:

— 12 названий в честь участников Восточно-Прусской наступательной операции (например, урбанонимы из поселка Добровольска *улица Корнева, улица Ансимова, улица Тазаева*);

— 2 названия в честь событий из истории области, в частности, *улица 10 апреля* (на момент переименования этот день считали датой взятия Кёнигсберга);

— 1 название по фамилии самого известного философа Кёнигсберга — Иммануила Канта (*улица Канта*).

Последним аспектом исследования калининградской мемориальной урбанонимии стало изучение повторяемости ключевых антропонимов, положенных в основу наличных мемориальных номинаций. Она представлена как в исходных, так и в новых урбанонимах. В качестве примеров таких повторов на немецких картах можно привести 6 номинаций в честь Адольфа Гитлера (*Hitlerstraße, Adolf-Hitler-Platz* и т. п.), 6 номинаций в честь прусского короля Фридриха (*Friedrichstraße*) и 4 названия в честь нацистского активиста Хорста Весселя (*Horst-Wessel-Straße*). Ситуацию с новыми урбанонимами, на наш взгляд, в достаточной мере иллюстрируют уже упомянутые названия по фамилиям Карла Маркса, Фридриха Энгельса и прочих иностранцев.

Таким образом, мы видим, что все те черты, которые были свойственны немецким мемориальным урбанонимам, в той или иной мере проявились также в соответствующей русскоязычной урбанонимии Калининградской области.

2. Третью позицию по частотности среди лексико-семантических групп как исходных, так и новых урбанонимов занимает номинации **по близлежащему сооружению** (табл. 6).

3. В обеих выборках значимое место имеют урбанонимы, фиксирующие **функцию улицы**, хотя в количественном отношении они более ярко представлены в массиве новых названий. Вместе с тем во многих случаях новые номинации по функции следует считать условными, поскольку улицы вновь образованной области, как правило, назывались не по тому виду деятельности, который в действительности осуществлялся в соответствующем районе, а в честь некоего культурно важного вида деятельности, выбранного вне зависимости от представленности на данной улице (пример — улицы *Портновская* и *Агрономическая* в послевоенном Калининграде).

4. Многие урбанонимы как до войны, так и после нее были образованы от **местных ойконимов**, однако исходные отойконимные номинации такого рода значительно превосходят по частотности новые отойконимные названия.

Говоря об **отличиях** лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов региона прежде всего необходимо остановиться на трех ключевых моментах.

1. При высокой релевантности в городах Северо-Восточной Пруссии названий, отражающих специфику фауны, населения, рельефа и внешнего вида улиц, на картах Калининградской области отмечается присутствие лишь единичных представителей этих лексико-семантических групп урбанонимов.

2. Обратное количественное соотношение можно констатировать применительно к урбанонимам, фиксирующим структурные свойства улицы или восходящим к названиям других улиц и ойконимам-мигрантам, завезенным с территорий, более или менее отдаленных от самих переименованных улиц. Учитывая важную роль **отойконимных урбанонимов** в топонимической системе изучаемых территорий, остановимся на более подробной характеристике этой лексико-семантической группы названий.

Итак, на 1000 урбанонимов Калининградской области приходится 68 названий, образованных от ойконимов-мигрантов. Из них 52 локализованы на картах областного центра. Для

сравнения отметим, что на исходных картах Северо-Восточной Пруссии зарегистрированы 34 урбанонима, производных от ойконимов-мигрантов, то есть таких единиц изначально было ровно в два раза меньше, чем после советских реномиаций.

Если рассматривать эти урбанонимы по источнику происхождения мигранта, то наиболее частотными предсказуемым образом являются наименования улиц, образованные от названий городов РСФСР (49 случаев, например, *улица Белгородская*, *улица Великолукская*, *улица Архангельская*). За ними следуют 11 названий, производных от мигрантов украинского происхождения (*улица Киевская*, *улица Винницкая*, *улица Черниговская* и др.), и 5 белорусских номинаций (*улица Могилевская*, *улица Минская*, *улица Полоцкая* и др.). Однако не следует забывать и про малочисленные группы улиц, названия которых восходят к мигрантам из Латвии (пример — *улица Рижская*), Эстонии (*улица Нарвская*) или Азербайджана (*улица Бакинская*).

Ситуация с исходными урбанонимами, образованными от топонимов-мигрантов, похожа на ситуацию с новыми урбанонимами в том плане, что здесь преобладали названия, привезенные из самой страны их функционирования, — из Германии (в числе 17 таких номинаций можно назвать улицы *Berliner Straße*, *Hamburger Straße*, *Kieler Straße*). Кроме того, здесь имеется относительно большое количество урбанонимов, восходящих к австрийским (в 4 из 6 случаев речь идет об урбанониме *Salzburger Straße*) или к польским ойконимам (в 3 из 5 случаев производится отсылка к городу Гданьску в форме урбанонима *Danziger Straße*). Как и в новом топонимическом материале, в исходной выборке присутствуют малочисленные урбанонимы, принесенные из других государств, в частности, Чехии (*Sudetenlandweg*), Франции (*Argonner Straße*) и даже Америки (*Klein Amerika*).

При более подробном изучении русскоязычных урбанонимов Калининградской области выяснилось, что не все ойко-

нимы-мигранты, от которых они образованы, происходят из регионов-мест выхода переселенцев, перечисленных в ранее упомянутой работе Ю.В. Костяшова [Костяшов 2015]. Так, нам удалось обнаружить улицы в честь городов РСФСР, из которых прибыло максимальное количество новых калининградцев (семь названы в честь Москвы, три — в честь Ленинграда, по одной улице в честь Смоленска, Брянска, Орла, Воронежа и т.п.). Вместе с тем урбанонимы, образованные от названий других мест выхода переселенцев, по итогам проведения кампании по переименованиям не были зарегистрированы (например, номинации от ойконимов Вологда, Самара, Рязань, Астрахань). С другой стороны, в населенных пунктах Калининградской области представлено множество урбанонимов, восходящих к названиям городов, не отмеченных историками в числе основных источников нового населения области (например, городов Омска, Уфы, Казани или Новосибирска).

Интересными, с нашей точки зрения, являются те обстоятельства, что, во-первых, урбанонимы, образованные от ойконимов-мигрантов, равномерно распределились после массовых переименований по территории всех восьми изначально выделенных властями районов города Калининграда, и, во-вторых, в некоторых населенных пунктах Калининградской области была предпринята попытка называть серию близлежащих улиц по номинациям территориально связанных городов (в частности, в городе Балтийске пригородам Ленинграда посвящены как *улица Кронштадтская*, так и *улица Ораниенбаумская*).

Что касается урбанонимов, образованных от местных ойконимов, то имеет место обратное соотношение исходных и новых номинаций подобного рода: на 17 новых единиц приходится 175 исходных, то есть на картах Северо-Восточной Пруссии их почти в десять раз больше, чем на калининградских картах. При этом в выборке новых урбанонимов доминируют названия, восходящие к ойкониму Калининград (в частности, *улица Калининградская*, *Калининградский переулок*, *Ка-*

лининградское шоссе). Основная масса номинаций фиксирует расположение выездной улицы в направлении соответствующего населенного пункта (*Гусевское шоссе* в городе Черняховске ведет в сторону Гусева, а *Жилинское шоссе* в городе Советске — в сторону поселка Жилино). Однако есть и случаи исключения, например, в том же городе Советске имеется *улица Тильзитская*, название которой восходит к исходному немецкому наименованию самого города Советска до проведения кампании по переименованию — *Tilsit*.

В исходном топонимическом материале представлены как урбанонимы, образованные от номинаций крупных местных населенных пунктов, например восьми улиц *Königsberger Straße* или шести улиц *Tilsiter Straße*, так и названия улиц, связанные с наименованиями мелких поселений, например, *Donnauer Straße* ‘улица Домнау’ или целая серия сходных урбанонимов из города Гвардейска (*Neuhöfer Weg* ‘дорога на Нойхоф’, *Großhöfer Weg* ‘дорога на Гроссхоф’, *Kleinhöfer Weg* ‘дорога на Клайнхоф’).

Уже по некоторым примерам, приведенным выше, видно, что для отойконимных урбанонимов региона характерна определенная повторяемость, которая чаще всего связана с локализацией тезоименных урбанонимов в разных населенных пунктах области. Среди новых номинаций повторяющимися следует считать 27 урбанонимов (13 из них восходят к ойкониму *Калининград*, 7 — к ойкониму *Москва*, причем 2 зарегистрированы на плане одного и того же города — Калининграда, 3 — к ойкониму *Ленинград*). Примерно столько же повторяющихся единиц было в немецкоязычной выборке (на 35 таких урбанонимов приходится 8, восходящих к ойкониму *Königsberg*, 6 — к ойкониму *Tilsit*, но большинство названий, например *Insterburger Straße* ‘Инстербургская улица’ или *Rossittener Weg* ‘Росситтенская дорога’ повторяются только по два раза).

Таким образом, и для новой, и для исходной урбанонимии рассматриваемой местности свойственны использование отой-

конимных единиц двух типов, многие из которых повторяются в регионе неоднократно, однако в Северо-Восточной Пруссии наблюдалось тяготение к образованию подобных урбанонимов от местных ойконимов, а в советской Калининградской области чаще всего использовались урбанонимы, производные от ойконимов-мигрантов. В целом в исходном языковом материале отойконимные урбанонимы фигурируют более чем в два раза чаще, чем в новом, что отражается в количественном соотношении 209 : 85.

3. Только среди новых урбанонимов по очевидным идеологическим причинам регистрируются названия, отсылающие к значимым символам коммунизма, и по неясным причинам отмечается присутствие относительно небольшого числа номинаций, дающих положительную оценку улицы (6 случаев, например *улица Светлая*).

В целом кампания по переименованию улиц в населенных пунктах изучаемого региона характеризуется высокой степенью противоречивости и непоследовательности в реализации связанных с ней тенденций. Признаками этого являются, например, однозначное преобладание независимых переименований над согласованными, а также совершенная произвольность выбора в пользу согласования или несогласования названий улиц.

Несмотря на это обстоятельство, наборы основных лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов демонстрируют больше общих черт, чем отличий. Кроме того, при межязыковом сравнении обнаружилось почти полное совпадение долей немецких и русских урбанонимов, несущих идеологию задействованных государств (57,7% против 55,3% соответственно, то есть в Северо-Восточной Пруссии подобных номинаций оказалось даже немного больше, чем позднее в Калининградской области). Таким образом, можно говорить о сходстве в подходах к номинативной деятельности при изначальных наименованиях улиц, с одной стороны, и при переименованиях, с другой.

4.3. Сравнительный анализ кампаний по переименованию региональных населенных пунктов и улиц

При сопоставлении кампаний по переименованию калининградских населенных пунктов и улиц, как и при сравнении кампаний по переименованию населенных пунктов и природных объектов, которое было проведено выше, целесообразно отталкиваться от особенностей применения в их ходе согласованных переименований. Итак, разные способы согласования номинаций используются в 11% всех случаев реноминации населенных пунктов и в 33% всех случаев реноминации улиц региона. Более подробные количественные сведения по этому поводу приводятся в таблице 8.

Таблица 8

Способы согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области

Способ согласования	Случаи переименований населенных пунктов, согласованных данным способом	Случаи переименований природных объектов, согласованных данным способом	Всего согласованных переименований
Идеологическая антонимия	84	181	265
Одинаковая тематическая соотнесенность	108	38	146
Перевод	40	93	133
Пересмысление	34	1	35
Ассоциативное название	—	10	10

Окончание табл. 8

Способ согласования	Случаи переименований населенных пунктов, согласованных данным способом	Случаи переименований природных объектов, согласованных данным способом	Всего согласованных переименований
Метонимическая соотнесенность	—	10	10
Семантическая антонимия	7	—	7
Заемствование	2	—	2

Два способа, среди перечисленных в таблице 8 (а именно переосмысление и заимствование), приводят к формальному согласованию, поскольку основаны только на сходстве графического облика исходных и новых единиц.

Как видно из таблицы, для урбанонимов применение этих способов согласования совершенно не свойственно (единственным примером является переосмысление *Otto-Parschau-Straße* ‘улица имени Отто Паршау’ → *улица Парашютная*. Их реализацию в ойконимии можно проиллюстрировать примером переосмысления *Sawadden* (ойконим с этимологически неясной основой) → *поселок Завидное* и примером заимствования *Domnai* → *поселок Домново*, сопровождающегося суффиксацией. Однако эти случаи не превышают 13% от всего массива согласованных переименований. В целом такая незначительная роль формальных согласований при переименовании обоих классов сравниваемых топонимов легко объясняется установкой инициаторов переименования на последующую четкую идентификацию семантики русскоязычных ойконимов и урбанонимов.

Все остальные способы согласования, характерные для переименования и ойконимов, и урбанонимов, основаны на толковании семантики исходных единиц, однако два из них являются условными. Так, одинаковая тематическая соотнесенность связана со случайным совпадением тех лексико-семантических групп, к которым относятся исходный и новый топонимы.

Идеологическая антонимия также квалифицируется нами как условный способ топонимического согласования, поскольку предполагает принципиальную замену топонима, несущего идеологию Восточной Пруссии, на топоним, отражающий противоположную ему идеологию СССР, но при буквальном соотнесении отличается от него по своей семантике. Примерами ее использования являются акт переименования населенных пунктов *Groß Friedrichsdorf* ‘большая деревня Фридриха’ → *поселок Гастеллово*, при котором на место посвящения императору Фридриху приходит посвящение советскому военнослужащему, и акт реноминации *Adolf-Hitler-Straße* ‘улица Адольфа Гитлера’ → *улица Победы*, где в новой номинации фиксируется победа над режимом того человека, фамилия которого фиксируется в исходной номинации.

Что касается чисто семантических способов согласования географических названий, то общим для ойконимов и урбанонимов выступает лишь способ перевода. Но даже при его использовании наблюдается заметное различие: в сфере ойконимии, как правило, используется частичный перевод, сопряженный с опущением или заменой компонентов в сложных или составных номинациях, а в сфере урбанонимии чаще применяется полный перевод.

Наконец, перейдем к рассмотрению реализации тех способов семантического согласования, которые оказались свойственными лишь для одного из анализируемых топонимических классов. Так, только при переименовании населенных пунктов советские власти применяли семантическую антонимию, как в паре *Groß Dumbeln* (первый компонент обозначает ‘большой’) → *поселок Малое Ижевское* (первый компонент обозначает ‘маленький’).

Напротив, только при переименовании улиц использовались такие способы согласования, как:

— ассоциативное название: *Bahnhofsstraße* ‘вокзальная улица’ → ул. *Станционная*;

— метонимическая соотнесенность: *Königsberger Straße* ‘кёнигсбергская улица’ → улица *Калининградская*.

Завершая характеристику отдельных способов топонимического согласования реноминаций в Калининградской области, отметим, что при переименовании как поселений, так и городских объектов в единичных случаях осуществлялись псевдосогласования единиц, основанные на ложной трактовке исходного языкового материала инициаторами реноминаций. При этом наиболее высокой частотностью отличается псевдоперевод (5 случаев в ойконимии против 4 случаев в урбанонимии), за которым следуют 1 ложная идеологическая антонимия в ойконимической сфере и 1 псевдоассоциативное название в урбанонимической сфере.

Если ранжировать все три типа способов согласования, которые могут использоваться при переименовании географических объектов некоторого региона, по частотности их реализации в названиях населенных пунктов и улиц Калининградской области, то мы получим картину, представленную в таблице 9.

Таблица 9

Типы способов согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области

Тип согласования	Переименования населенных пунктов	Переименования улиц
Условные	192	219
Семантические	47	113
Формальные	36	1

По данным таблицы 9 очевидно, что, несмотря на количественное несовпадение типов способов согласования, частотность их использования при проведенном ранжировании пол-

ностью совпадает, то есть в сфере ойконимии и урбанонимии наиболее значимыми являются условные согласования (идеологическая антонимия и одинаковая тематическая соотнесенность), а наименее значимыми — формальные согласования (заимствование и переосмысление). Семантический тип согласования (перевод, ассоциативное название, семантическая антонимия и метонимическая соотнесенность) занял при проведении обеих калининградских кампаний по переименованию срединную позицию.

Однако число случаев семантического согласования урбанонимов в 2,4 раза превышает аналогичное число для ойконимов, что в той или иной мере противоречит известному утверждению о большей изменчивости урбанонимии под влиянием экстралингвистических обстоятельств (см., например, (Разумов, 2018: 134)), но легко находит объяснение при изучении языкового происхождения исходных топонимов сравниваемых классов. В частности, если все исходные урбанонимы являются немецкоязычными, то в структуре 1442 исходных ойконимов, как упоминалось выше, имеются древнебалтийские компоненты, расшифровка семантики которых, естественно, представляла для русскоговорящих инициаторов переименования гораздо большую сложность, чем трактовка единиц современного для них немецкого языка, что не могло не осложнить процесс согласования этих номинаций и реноминаций (более того — 20% исходных ойконимов имели этимологически неясные основы).

В заключение анализа опишем два значимых отличия, зарегистрированных нами при сопоставлении двух выборок топонимов. Во-первых, речь идет об использовании для замены восточнопрусских географических названий советонимов, понимаемых как единицы, в семантике которых закреплены символы советской власти. Элементарные количественные подсчеты показывают, что среди новых ойконимов имеется около 20,5% советонимов (*город Краснознаменск, поселок Совхозное, поселок Ударное*), в то время как доля новых урбанонимов того же плана составляет 55,3% (*улица Колхозная,*

улица *Комсомольская*, улица *Пролетарская*). Таким образом, урбанонимы демонстрируют значительно более высокий уровень идеологизации по сравнению с ойконимами (выше примерно в 2,7 раза).

Во-вторых, более ярко выраженная идеологизация урбанонимов проявляется в большей распространенности в выборке новых названий улиц мемориальных номинаций. С долями мемориальных топонимов в обеих выборках можно ознакомиться в таблице 10.

Таблица 10

**Место мемориальных топонимов
в задействованных топонимических системах**

Ойконимы		Урбанонимы	
Исходные	Новые	Исходные	Новые
76 (3%)	566 (22,7%)	337 (33,7%)	337 (33,7%)

Мы видим, что, несмотря на очевидное преобладание мемориальных единиц в урбанонимии региона, мемориальные ойконимы представлены в материале исследования также достаточно широко, причем их число весьма заметно возросло после проведения кампании по переименованию местных городов и поселков. При исследовании естественным образом обращает на себя внимание тот факт, что количество мемориальных урбанонимов совершенно не изменилось после реноминации в 40-х годах XX века.

При анализе рода деятельности выдающихся личностей, увековеченных в топонимии Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области соответственно, были выделены по четыре лидирующие группы исходных и новых мемориальных ойконимов и урбанонимов (в случае с исходными ойконимами — только три, поскольку все наличные единицы четко распределились именно по этим группам). Для удобства также представим их в таблице 11 с оговоркой, что под деятелями культуры мы понимаем ученых, писателей, композиторов и художников.

**Род деятельности людей, от фамилий которых образованы
мемориальные топонимы Калининградской области**

Ойконимы		Урбанонимы	
Исходные	Новые	Исходные	Новые
1. Политики (56): <i>Groß Albrechtshof, Wilhelmshöhe, Friedrichsthal</i>	1. Военные (303): <i>поселок Матросово, поселок Крышкино, поселок ратчиново</i>	1. Политики (142): <i>Hei- demannstraße, Kaiser-Wil- helm-Platz, Otto-Rosen- stanz-Straße</i>	1. Деятели культуры (107): <i>улица Чайковского, улица Лермонтова, улица Тимирязева</i>
2. Военные (15): <i>Gneisenau, Hindenburg, Trenkenuh</i>	2. Деятели культуры (160): <i>поселок Грибоедово, поселок Алябьево, поселок Менделеево</i>	2. Деятели культуры (90): <i>Simon-Dach-Straße, Bach- straße, Karl-Peters-Straße</i>	2. Военные (106): <i>улица Малахова, улица Несте- рова, улица Осипенко</i>
3. Деятели культуры (5): <i>Schauidinnen, Struwe, Wernsdorf</i>	3. Политики (56): <i>поселок Фрунзенское, поселок Ульяново, город Калининград</i>	3. Военные (50): <i>Meuer-Wal- deck-Straße, Schindekar- straße, Voelckestraße</i>	3. События (38): <i>улица 1 Мая, улица 1812 года, площадь Победы</i>
	4. События (26): <i>поселок Победино, поселок Перво- майское, поселок Октябрь- ское</i>	4. Предприниматели (19): <i>Pulverstraße, Beeckstraße, Steenke-Straße</i>	4. Политики (33): <i>улица Куйбышева, улица Кири- ва, улица Дзержинского</i>

Сопоставление табличных данных демонстрирует, что в изучаемом отношении между мемориальными ойконимами и урбанонимами имеется больше сходств, чем различий. Перечислим основные из них.

1. Среди исходных топонимов обоих классов первую позицию по частотности занимают названия в честь политиков. После переименования они остаются в четверке наиболее частотных, однако в количественном плане существенно уступают более распространенным урбанонимам из других групп.

2. И в ойконимии, и в урбанонимии номинации, образованные от фамилий деятелей культуры, оказываются более значимыми в советской топонимической системе, чем в исходной восточнопрусской. Особенно много среди русскоязычных названий насчитывается отсылок к писателям-классикам (*поселок Лермонтово, поселок Чехово*) и композиторам-классикам (*улица Доргомыжского, улица Чайковского*).

3. В исходной лингвокультуре практически отсутствуют топонимы, закрепляющие исторически значимые события, которые произошли на том или ином этапе развития страны, в то время как в новой лингвокультуре фигурируют как событийные ойконимы (в частности, название поселка *Февральское* в Краснознаменском районе напоминает о событиях 1917 года, завершившихся свержением российской монархии), так и событийные урбанонимы (например, *улица 9 января*, номинация которой, судя по всему, связана с Кровавым воскресеньем 1905 года).

С другой стороны, мемориальные ойконимы и урбанонимы рассматриваемых территорий обладают двумя заметными отличиями.

1. В исходной топонимической системе представлены улицы, названные в честь местных предпринимателей. Так, урбаноним *Schifferdeckerstraße* посвящен основателю кёнигсбергской пивоварни. Тем не менее в Северо-Восточной Пруссии вклад предпринимателей не считался достаточным для образования от их фамилий обозначений населенных пунктов. Кстати, отсутствие каких-либо топонимических посвящений

предпринимателям на картах советской Калининградской области легко объясняется негативным общественным отношением к соответствующему роду деятельности в Советском Союзе.

2. Значимость ойконимов, восходящих к фамилиям военнослужащих, возрастает после переименования примерно в 20 раз, в то время как в сфере урбанонимии регистрируется более слабый рост — всего в 2 раза. Основную массу таких топонимов обоих классов в советской выборке составляют названия по фамилиям участников Великой отечественной войны, причем как солдат (*улица Матросова, улица Утегенова* и др.), так и офицеров высшего командного состава (*улица Черняховского, улица Ватутина* и др.). В топонимической системе Восточной Пруссии, напротив, для потомков сохранены преимущественно фамилии генералов (*General-Wever-Straße, General-Litzmann-Straße*) и фельдмаршалов (*Blücherstraße, Gneisenaustraße*).

Перейдем к характеристике гражданства лиц, увековеченных в исходных и новых топонимах Калининградской области. Для наглядности по-прежнему будем пользоваться табличным представлением количественных данных (табл. 12).

Таблица 12

**Гражданство людей, фамилии которых положены
в основу региональных топонимов**

Ойконимы		Урбанонимы	
Исходные	Новые	Исходные	Новые
6 — немцы	380 — советские граждане; 180 — русские; 6 — иностранцы	331 — немцы; 6 — иностранцы	225 — советские граждане; 75 — русские; 37 — иностранцы

По результатам сопоставления также было отмечено больше сходств, чем различий между мемориальными ойконимами и урбанонимами. Перечислим их.

1. Как ойконимы, так и урбанонимы на исходных картах почти без исключения закрепляют имена выдающихся немцев.

Из шести иностранцев, к фамилиям которых все-таки восходят малочисленные восточнопрусские урбанонимы, четверо являются австрийцами, а значит, носителями немецкого языка (например, речь идет об улицах *Mozartstraße* и *Schubertstraße*).

2. Среди новых мемориальных ойконимов и урбанонимов с огромным отрывом лидируют однозначные советонимы (например, *поселок Ульяновка, поселок Фурмановка, улица Гагарина, улица Свердлова*), а названия, фиксирующие элементы досоветской русской культуры всегда занимают второе место. В выборке ойконимов подобные номинации встречаются в 2 раза реже, чем советонимы (примеры — *поселок Пугачево, поселок Добролюбово, поселок Кутузово*), а в выборке урбанонимов — уже в 3 раза реже (примеры — *улица Пушкина, улица Ломоносова, улица Льва Толстого*).

Что касается отличий, то следует отметить заметное увеличение доли иностранцев среди выдающихся личностей после переименования бывших кёнигсбергских улиц. Большинство из этих иностранцев являются либо деятелями культуры мирового уровня, либо мыслителями и политиками, деятельность которых выстраивалась в идеологически приемлемом для советских властей русле (*улица Тельмана, улица Карла Маркса, улица Энгельса*).

Таблица 13, которая была составлена в ходе проведенного сравнительного анализа, посвящена исследованию связи жизни и деятельности людей, увековеченных в местных топонимах, с теми географическими объектами, которые носят их имена.

Таблица 13

**Связь личностей с поселениями и улицами
Калининградской области, получившими свои названия
от их фамилий**

Ойконимы		Урбанонимы	
Исходные	Новые	Исходные	Новые
30 (39,5%)	56 (9,9%)	168 (49,9%)	15 (4,4%)

Отличия, которые легко фиксируются при рассмотрении данной таблицы, легко объясняются историческими факторами: среди исходных топонимов обоих классов доля единиц, образованных от фамилий выдающихся местных жителей, является значительно более высокой, чем среди новых топонимов, поскольку затронутые территории долгое время были именно немецкими, а их заселение русскоговорящими гражданами началось незадолго до присвоения новых названий. С учетом этих обстоятельств интересным мы считаем тот факт, что некоторые поселки (*поселок Горбатовка, поселок Волостново*) и отдельные улицы (*улица Шевчука, улица Полецкого*) получили, например, имена советских военных, участвовавших в восточнопрусской наступательной операции.

Помимо этого, важно подчеркнуть, что в исходной топонимической системе более частотными являются именно урбанонимы, а не ойконимы в честь местных знаменитостей, видимо, по той причине, что более мелкие географические объекты вполне можно было назвать, например, в честь проживающих поблизости врачей (*Höftmannstraße*) или юристов (*Brandtallee*), а при выборе названий для населенных пунктов более предпочтительными считались, судя по всему, имена личностей большего масштаба, например, королей и королев Пруссии (*Charlottenburg, Wilhelmsberg*).

На этом фоне совершенно неожиданным представляется проявление обратной тенденции при переименовании географических объектов советскими властями: доля урбанонимов, образованных от фамилий людей, имеющих отношение к региону, почти в два раза ниже, чем доля соответствующих ойконимов.

Таким образом, сравнительный анализ показал наличие как сходств, так и различий между кампаниями по переименованию населенных пунктов и улиц при образовании Калининградской области. В ходе исследования выявлены следующие различия:

— неясность семантики многих исходных ойконимов приводит к меньшей распространенности среди них согласован-

ных переименований, причем только в этой сфере регистрируются редкие случаи формального согласования задействованных единиц;

— урбанонимия по итогам переименования оказалась более идеологизированной и включает в себя заметно больше мемориальных названий, что в целом отражает общие тенденции, действующие в современной мировой ономастике.

Важной общей чертой двух изученных кампаний, сближающей их с кампанией по переименованию региональных природных объектов, является определенный хаотизм и непоследовательность при принятии ключевых решений, касающихся отбора русскоязычных топонимов.

Однако к числу сходств относятся ориентация на согласование определенной доли задействованных топонимов, совпадение основной массы используемых способов согласования исходных и новых топонимов в ходе реноминации и предпочтение условных и семантических типов согласования формальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что переименования географических объектов, проведенные в Калининградской области в 40—50-е годы XX века, по всем параметрам прекрасно вписываются в концепцию этапа культовой топонимики, отличающегося особо высокой интенсивностью и легкостью в реализации реноминаций при любых политических изменениях. Массовый характер этих переименований позволил в полной мере уничтожить языковые следы прусского прошлого региона и внушить переселенцам факт окончательной интеграции соответствующих территорий в единое советское государство, поскольку в ходе реноминации здесь сформировалась топонимическая система, подчиняющаяся тем же законам, которые действуют в топонимических системах других российских областей, расположенных в европейской части страны.

Ярко выраженная специфика кампаний по переименованию разных классов географических объектов — населенных пунктов, природных объектов и улиц — серьезно затрудняет формулировку общих выводов по лингвистическому своеобразию калининградских реноминаций, однако в дальнейшем мы постараемся нарисовать их предельно обобщенную картину с некоторыми оговорками касательно отдельных классов топонимов.

Итак, в языковом плане среди исходных восточнопрусских топонимов чисто немецкое происхождение имели только урбанонимы, в то время как в сфере названий природных объектов немецкоязычные единицы составляют чуть больше половины материала исследования, а в массиве ойконимов балтийские элементы и элементы неясного происхождения заметно преобладают.

Меры учета звучания или значения исходных единиц при отборе новых топонимов оказались примерно одинаковыми применительно к урбанонимам и названиям природных объек-

тов. Доли согласованных переименований в двух этих сферах составляют 33 % и 34 % соответственно. На этом фоне доля согласования ойконимов в 11 % представляется крайне низкой, но даже этого вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть жесткую критику европейских исследователей, настаивающих на тотальном забвении местного культурного наследия со стороны инициаторов калининградских переименований.

Тем не менее на основании проведенного анализа невозможно отрицать факт относительной непоследовательности и хаотизма рассматриваемых реноминаций практически во всех возможных отношениях. Например, отбор новых топонимов и предпочтение тех или иных способов их согласования совершенно не зависят от языка исходных названий, их структурной или семантической специфики или от экстралингвистических условий осуществления переименований, отличаясь высокой степенью произвольности. При переименовании населенных пунктов и улиц заметно доминируют условные способы топонимического согласования. Однако то обстоятельство, что ойконимы примерно в два раза реже, чем другие изученные классы топонимов, подвергаются семантическим согласованиям с исходными номинациями, во многом объясняется наличием у рядовых носителей русского языка некоего языкового барьера при оперировании многочисленными балтицизмами региона.

Что касается результатов сопоставления конкретных способов согласования, использованных при переименовании поселений, природных объектов и улиц в населенных пунктах Калининградской области, то применение ассоциативных названий и метонимической соотнесенности роднит урбанонимы и названия природных объектов. Идеологическая антонимия оказывается свойственной как урбанонимам, так и ойконимам, а семантическая антонимия — только ойконимам. Притом только в сфере урбанонимии ни одного раза не применяется заимствование, из-за того, что семантика названий городских улиц и площадей обязательно должна однозначно трактоваться.

Введение новой топонимической системы после кампании по первичному переименованию географических объектов однозначно способствует манифестации в регионе новой советской идентичности. Советонимами можно считать больше половины отобранных русскоязычных ойконимов и урбанонимов, причем значимое место среди них занимают мемориальные, отойконимные и в целом идеологически окрашенные новые топонимы. Вместе с тем в очень многих случаях здесь четко прослеживаются отсылки не к советской, а однозначно к русской культуре. Помимо этого на базе этого утверждения не следует делать вывод о возрастающей степени идеологизации советской топонимической системы по сравнению с восточно-прусской, поскольку рост числа идеологически окрашенных номинаций регистрируется только в отношении ойконимов. Исходные и новые идеологизированные урбанонимы представлены в материале нашего исследования в совершенно одинаковых пропорциях, а доля советонимов среди русскоязычных названий природных объектов вообще не превышает 2% от их общего количества по причине их очевидно меньшей престижности в глазах общественности.

Дальнейшее осуществление семантического анализа позволяет констатировать почти полное совпадение основных наборов лексико-семантических групп исходных и новых топонимов. К базовым отличиям между ними относятся, например, высокий процент исходных отпатронимных номинаций, восходящих к фамилиям или именам основателей переименованных поселений, или присутствие только среди новых единиц названий, фиксирующих символику коммунизма или положительную оценку его реалий. Вопреки сложившимся представлениям, не все восточнопрусские теотопонимы бесследно исчезли с советских карт после реноминации: названия природных объектов такого рода зачастую переводятся инициаторами переименований на русский язык.

Таким образом, на примере калининградского языкового материала исследование продемонстрировало неоспоримые сходства в номинативной деятельности человека при первоименовании и переименовании разных классов географических объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексушин Г. В. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, №4. С. 3—18.

Аюбов А. Р. Исторические предпосылки трансформации топонимов // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. №3. С. 166—172.

Басик С. Н. Общая топонимика. Минск : Изд-во БГУ, 2006.

Беляев А. Н. О вариативности топонимов в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. №2. С. 53—58.

Березович Е. Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. С. 75—90.

Бродерзен П. «Позови меня тихо по имени...»: Кампания переименований в Калининградской области в 1946—1950 гг. в контексте калининградско-московских отношений послевоенного времени // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 201—210.

Валь В. Д. Роль экстралингвистических факторов при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Lingua mobilis. 2014. №1. С. 55—63.

Васильева Т. Ю. Переименования и культура (на примере ойконимов, соотносящихся с названиями животного мира) // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2017. №5. С. 107—111.

Ворошилин С. И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации // Вопросы всеобщей истории. 2011. №13. С. 80—98.

Ворошилин С. И. Топонимические войны — насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (часть 2) // Вопросы всеобщей истории. 2012. №14. С. 145—164.

Галактионова Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. №1. С. 152—163.

Глазачева Н. Л., Кувардина Д. В. Макротопонимия китайского языка как фрагмент языковой картины мира // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 60—68.

Голомидова М.В. Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий // Ономастика Поволжья. Великий Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. С. 29—33.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998.

Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. № 1. С. 11—30.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве // Политическая лингвистика. 2019. № 1. С. 34—41.

Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. С. 139—196. Вып. 5.

Губин А.Б. Топонимия Калининграда. Районы и поселки // Калининградские архивы. 2004. С. 173—200. Вып. 6.

Губин А.Б. Топонимия Калининграда. Реки и водоемы // Калининградские архивы. 2007. С. 197—228. Вып. 7.

Гусарова Л.Н. Имена собственные современного немецкого языка: коммуникативно-прагматический, семиотико-культурологический и гендерный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005.

Демьянов К.В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодежь третьего тысячелетия. Омск : Изд-во ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 219—223.

Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 4. С. 153—160.

Дресслер Б. Особенности немецкого и русского словообразования: основные модели и термины // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2. С. 99—100.

Ермошкина Г.Ф. Топонимическая метонимия как способ номинации географических объектов // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2020. № 8. С. 40—45.

Жевлов М.А. Топонимия Хакасско-Минусинской котловины (лингвистический анализ) : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск : Вышэйшая школа, 1968.

Зимовина Е. П., Проданцов К. С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 7—27.

Ильин Д. Ю. Трансформация ойконимических наименований в топонимике региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 63—68.

Исламова Ю. В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

Калуцков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX—XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2. С. 99—116.

Калуцков В. Н. «Как город назовешь...»: от смены имени к изменению городского ландшафта (на материале г. Санкт-Петербурга) // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 68—80.

Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы: Западный регион России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012.

Качалкова Ю. А., Рут М. Э. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 179—192.

Кириллова Л. Е., Семенова М. А. Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. № 8. 2018. С. 9—33.

Кичикова Н. А. Топонимия республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

Климкова Л. А. Общие проблемы топонимики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / под ред. В. И. Супруна, С. В. Ильясовой. Майкоп : Магарин О. Г., 2017. С. 111—138.

Климкова Л. А. Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 107—115.

Козлова Т. С. Проблема переименований: что пришло на смену христианской символике (на материале самарской топонимики) // Волжский вестник науки. 2017. № 3. С. 19—21.

Костяшов Ю. В. Кампания по переименованию в Вармии и Мазурах после Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. С. 13—25.

Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946—1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2015.

Котельникова К. В. Влияние социальных факторов на развитие топонимов в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, №2. С. 582—586.

Крюков П. А. Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в Северной и Восточной Германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2011. №6. С. 133—138.

Кузьменко О. Н. О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа) // Studia Linguistica. 2014. №23. С. 63—70.

Лангенфельд М. Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 158—171.

Лебедев С. В. Региональная идентичность в новом российском регионе (на примере Калининграда) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Брянск : Изд-во БГИТУ, 2018. С. 326—332.

Левченков А. В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область) // Региональные исследования. 2006. №4 (10). С. 77—86.

Левченков А. В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области : автореф. дис. канд. геогр. наук. СПб., 2005.

Макаров Е. Б. Калининградская область в фокусе ментальной войны: оценка угроз // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. Т. 8, №1. С. 118—143.

Маркелова Л. Каждый третий россиянин считает, что менять названия улиц и городов недопустимо // Татар-Информ от 30.07.2009 г. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/kazhdyu-tretyy-rossiyanim-schitaet-chtomenyat-nazvaniya-ulits-i-gorodov-nedopustimo> (дата обращения: 03.03.2023).

Мартыненко И. А. Испаноязычная топонимия Аргентины: лингвоисторический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. №6. С. 71—82.

Мартыненко И. А. Механизмы переименования испаноязычных топонимических единиц // IV Фирсовские чтения: Язык в современных дискурсивных практиках. М. : Изд-во РУДН, 2019. С. 266—271.

Маслов В. Н. Переименование населенных пунктов Калининградской области во второй половине 1940-х годов: литовская альтернатива // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. М. : Изд-во МПГУ, 2018. С. 245—253.

Маслов В. Н. Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 58—69.

Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь — ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. С. 84—123. Вып. 16.

Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100—107.

Маслов В. Н. Создание Кёнигсбергской области и ее переименование в 1946 году // Калининградские архивы. 2014. С. 99—109. Вып. 11.

Матвеев А. К. Тенденции и практики в современной урбанистике // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100—105.

Мезенко А. М. Проблемы переименования линейных внутригородских объектов сегодня // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2018. № 6. С. 131—135.

Мезенко А. М. Урбанонимный континуум как упорядоченное семантическое пространство: содержание, особенности организации // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Витебск : Изд-во ВГУ, 2023. С. 7—13.

Мезенцев В. Ф. Городская топонимика и политика памяти (мемориализация войны в названиях улиц Екатеринбурга и Нижнего Тагила) // Историко-педагогические чтения. 2020. № 24. С. 122—128.

Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский региональный исторический журнал. 2021. Т. 17, № 4. С. 73—83.

Мозговой В. И. Уроки идеологизации онимного пространства // Ономастика Поволжья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2021. С. 53—56.

Муратова Е. Н. Ономастическое пространство г. Волгограда (на примере эмпоронимов) // Образование и наука в современных условиях. Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. С. 253—255.

Мусанов А. Г. Топонимия Верхнего Прилузья : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1999.

Мюльнфорд Х. М. Кёнигсберг от А до ЗЕТ // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 83—188.

Мюльпфорд Х. М. Кёнигсберг от А до ЗЕТ: Окончание // Балтийский альманах. 2016. № 15. С. 111—146.

Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Олейникова С. Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.

Осинов Б. И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика — 1: Проблемы и перспективы. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1999. С. 58—68.

Павлов А. В. Текст или палимпсест: феномен возврата к историческим истокам в топонимике // Тульская историческая весна — 2021: Социальное пространство и время прошлого. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2021. С. 183—189.

Палмайтис Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии. Страсбург : Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003.

Петешова О. В. Особенности переименования региональных лесных массивов // Актуальные вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Калининград : Изд-во КГТУ, 2018. С. 59—67.

Петешова О. В. Идеологическая антонимия как способ согласования топонимов при переименованиях географических объектов // Филологический аспект. 2019. № 8. С. 66—71.

Петешова О. В. Историко-лингвистический анализ ойконимов Калининградской области // Вестник Калмыцкого университета. 2023а. № 1. С. 66—73.

Петешова О. В. «Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области» как источник лингвистической информации // *Lingua Academica*. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2023б. С. 115—119.

Петешова О. В. Переименование природных объектов в Калининградской области // Вопросы ономастики. 2023в. Т. 20, № 1. С. 167—182.

Петешова О. В. Роль балтицизмов при формировании ойконимии Калининградской области // Поливановские чтения. 2023г. № 17. С. 119—125.

Петешова О. В. Роль согласованных переименований при формировании ойконимии Калининградской области // Вестник Балтий-

ского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023д. №2. С. 36—42.

Петешова О. В. Сравнительный анализ кампаний по переименованию населенных пунктов и природных объектов в Калининградской области // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2023е. Т. 33, №6. С. 1321—1326.

Петешова О. В. Роль дистантной топонимической метонимии в Калининградской области // *Lingua Academica*. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2024а. С. 124—129.

Петешова О. В. Влияние экстралингвистических факторов на формирование ойконимии Калининградской области // Известия Смоленского государственного университета. 2024б. №1. С. 79—90.

Пилипчук Н. А., Шевченко Н. А. Современные аспекты исследования микротопонимов в русском языке // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. 2019. С. 202—206.

Питина С. А. Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №4. С. 74—82.

Попов С. А. Исчезнувшие ойконимы как часть топонимического пространства региона // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3, №3-4. С. 95—101.

Попов С. А. О роли законодательных органов государственной власти субъектов РФ в регулировании топонимической номинации // Неофилология. 2019. Т. 5, №20. С. 491—501.

Попов С. А. Экстралингвистическое воздействие на процессы топонимической номинации // Ономастика Поволжья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2021. С. 57—63.

Разумов Р. В. Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990—2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №4 (23). С. 196—204.

Разумов Р. В. Социоллингвистические аспекты исследования городского онимического пространства // Поливановские чтения. 2018. №12. С. 133—138.

Романович Н. А. Отношение воронежцев к возможности переименования улиц и площадей города // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. №2. С. 194—203.

Ружицкий Б. Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности. Декоммунизация названий улиц в Польше // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6, №1. С. 109—124.

Русия Т. Н. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 1. С. 81—95.

Сидорова Е. Г. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск : Изд-во СФУ. № 2. 2015. С. 157—166.

Сидорова Е. Г. Переименовать нельзя оставить! (К вопросу о направлениях развития современной топонимической политики) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 457—461.

Смирнов О. В. Русская топонимия северной части горнозаводского Урала : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Сорокин А. А., Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е. Репрезентация топонимических изменений в российско-украинском медиадискурсе: проблемы национальной безопасности и защиты исторической памяти // Медиалингвистика. 2023. № 10. С. 223—234.

Суперанская А. В. Что такое топонимика. М. : Наука, 1985.

Сычалина Е. В. Семантическая адаптация немецкого топонимического субстрата в современной ойконимии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 8. С. 2591—2595.

Сычалина Е. В. Топонимическое переименование как средство языковой политики полиэтничного государства (на примере топонимов поволжских немцев) // Языковые и культурные контакты. Саратов : Изд-во СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2008. С. 56—65.

Терентьев Е. А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2014. № 3. С. 73—86.

Терновая Л. О. Переименование государств как топонимический инструмент геополитики // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 10. С. 46—55.

Тесленок С. А., Ивлиева Н. Г., Учеваткина Н. В., Тесленок К. С. Создание специализированной топонимической ГИС для районов дерусификации, десоветизации и декоммунизации // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2017. Т. 23, № 2. С. 13—26.

Урочища // URL: <http://urochishe.ru/urochishhe> (дата обращения: 10.08.2023).

Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. Пенза : Изд. дом «Академия естествознания», 2015. С. 1174.

Федоров Г. М. Знаете ли Вы Калининградскую область? Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.

Фостова С. А. «Немецкий след» в топонимике и в городском пространстве Калининграда // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ. Самара : Изд-во СамГТУ, 2015. С. 199—201.

Ханмагомедов Х. Л., Изиева И. А., Гибикова А. Н. Наименование и переименование географических объектов как географический факт // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 3. С. 86—91.

Цветкова Е. В. «Красные» костромские топонимы // Русская речь. 2013. № 1. С. 105—111.

Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе: право языка vs языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 172—182.

Шемчук Ю. М. Переименование в лексике современного немецкого языка // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 16—19.

Шемчук Ю. М. Типология отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами при переименовании // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 80—83.

Шишкина Д. Ю. Из истории переименования населенных пунктов в области войска Донского // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2010. № 3. С. 139—144.

Шукунда С. З. Судьба немецких топонимов в Австралии в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8-2. С. 30—35.

Шульгина О. В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Естественные науки. 2016. № 2 (22). С. 84—93.

Щербак А. С. Принципы анализа топонимических изменений в России: отражение языковой картины мира (на материале тамбовских географических объектов) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 6 (31). С. 14—16.

Щербак А. С. Сферы урбанонимического пространства // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 114—121.

Benson S. Ortsnamenwechsel: Interessenkonflikt und Kulturkonflikt // Ortsnamenwechsel. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1986. S. 96—106.

Brodersen P. Namen, die noch keiner nennt: Sowjetische Umbenennungen als symbolische Landnahme // Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.

Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945—1990. Berlin : Arno Spitz, 2001.

Horbatsch O. Russische Namenforschung // Handbuch des Russisten: Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen. Wiesbaden : Harrassowitz, 1984. S. 176—205.

Langenfeld M. Umbenennungsprozesse im Kaliningrader Gebiet. Kiel : Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, 2010.

Lehmann F. Der Wandel der Ortsnamen in den ehemals deutsch besiedelten Gebieten der Tschechoslowakei. Marburg ; Lahn : Biblion Verlag, 1999.

Meckelein W. Ortsumbenennungen und -neugründungen im europäischen Teil der Sowjetunion. Berlin : Duncker & Humblot, 1955.

Namenforschung / hrsg. von E. Eichler, G. Hilty. Berlin : De Gruyter, 2008.

Room A. Placenames of the world: origins and meanings of the names for 6600 countries, cities, territories, natural features and historic sites. Jefferson : McFarland, 2006.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

KKO — Карта Калининградской области. URL: <http://www.ras-ter-maps.com> (дата обращения: 24.06.2022).

KP — Карты Пруссии до переименования 1938 года. URL: <http://www.landkartenarchiv.de> (дата обращения: 24.06.2022).

Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.

Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1—32.

Приказ Управления по гражданским делам Советского района №152 от 12.12.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2.

Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района №2 от 30.07.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

РО — Решение облисполкома №560 от 31.12.1947 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23.

Улицы Балтийска (Пиллау). URL: <https://russian-west.narod.ru/gorod/ulitsy/ulitsy.htm> (дата обращения: 22.07.2024).

Улицы города Черняховска. URL: <https://www.angrapa.ru/chernyakhovsk/3106-ulitsy-nashego-goroda.html> (дата обращения: 22.07.2024).

УПВС — Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

Яндекс-карты. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 25.01.2023).

EBBF — Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (дата обращения: 24.06.2023).

Frischbier H. Preussisches Wörterbuch: Ost- und westpreussische Provinzialismen in alphabetischer Folge. Berlin : Enslin, 1883.

Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin ; Leipzig : Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922.

Landkarten West- und Ostpreußen. URL: <https://www.blochplan.de/k/landkarten/ostpreussen-westpreussen/> (дата обращения: 22.07.2024).

Nesselmann G. Thesaurus Linguae Prussicae. Berlin : Harrwitz und Gossmann, 1873.

Stadtplan Labiau. URL: <https://sun9-35.userapi.com/impf/c849424/v849424233/3ad91/5yzeeXxDnXo.jpg?size=2560x1916&quality=96&sign=3644fda9e01d95a96447e2fa7f296086&type=album> (дата обращения: 22.07.2024).

Научное издание

Петешова Ольга Викторовна

**ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

Редактор *О. И. Бессчастнова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 18.03.2025 г.
Дата выхода в свет 28.03.2025 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 500 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 35

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14